Есенин

Сергей Александрович

1895 - 1925

Классики

за 30 минут

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Серия «Классики за 30 минут» позволит Вам в кратчайшее время ознакомиться с классиками русской литературы и прочитать небольшой отрывок из самого представленного произведения.

В доступной форме авторы пересказали наиболее значимые произведения классических авторов, обозначили сюжетную линию, уделили внимание наиболее важным моментам и показали характеры героев так, что вы сами примите решение о дальнейшем прочтении данных произведений, что сэкономит вам время, либо вы погрузитесь полностью в мир данного автора, открыв для себя новые краски в русской классической литературе.

Для широкого круга читателей.

- Есенин за 30 минут
  - Биографический очерк
  - Бабушкины сказки
  - Песнь о собаке
  - Где ты, где ты, отчий дом…
  - Письмо матери
  - Мой путь
  - Клен ты мой опавший
  - Отговорила роща золотая…
  - Гой ты, русь, моя родная…
  - Русь советская
  - Спит ковыль…
  - Корова
  - Ночь
  - Гори, звезда моя, не падай…
  - Черная, потом пропахшая выть!..
  - Устал я жить в родном краю…
  - Эта улица мне знакома…
  - Ты меня не любишь, не жалеешь…
  - Шаганэ ты моя, Шаганэ…
  - Чары
  - Хороша была Танюша, краше не было в селе…
  - Сыплет черемуха снегом…
  - Мне осталась одна забава…
  - Свищет ветер, серебряный ветер…
  - Я помню, любимая, помню…
  - Там, где вечно дремлет тайна…

- Воспоминание
- Не гляди на меня с упреком…
- Буря
- Край ты мой заброшенный…
- Ну, целуй меня, целуй…
- Моя жизнь
- Не жалею, не зову, не плачу…
- Звезды
- Каждый труд благослови, удача!
- Пускай ты выпита другим…
- О верю, верю, счастье есть!
- За горами, за желтыми долами…
- Весна на радость не похожа…
- Ах, как много на свете кошек…
- Разбуди меня завтра рано…
- Королева
- Шел господь пытать людей в любови…
- На небесном синем блюде…
- Ты запой мне ту песню, что прежде…
- Сосна и река
- Мелколесье. Степь и дали…
- Весенний вечер
- Отойди от окна
- По-осеннему кычет сова…
- Душа грустит о небесах…
- Мой путь
- Русь советская
- 1 мая
- Батум
- Береза
- Брату человеку
- В хате
- Воспоминание
- «Вот оно, глупое счастье…»
- «Вот уж вечер. Роса…»
- «Все живое особой метой…»
- «Выткался на озере алый свет зари…»
- «Глупое сердце, не бейся!..»
- «Годы молодые с забубенной славой…»
- «Голубая кофта. Синие глаза…»
- «Грубым дается радость…»
- «Да! Теперь – решено. Без возврата…»
- Далекая веселая песня
- «День ушел, убавилась черта…»

- «До свиданья, друг мой, до свиданья…»
- «Дорогая, сядем рядом…»
- «Дымом половодье…»
- «Заглушила засуха засевки…»
- «Задымился вечер, дремлет кот на брусе…»
- «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха…»
- «Закружилась листва золотая…»
- «Заметался пожар голубой…»
- «Запели тесаные дроги…»
- «Заря окликает другую…»
- «Зашумели над затоном тростники…»
- «Зеленая прическа…»
- «Золото холодное луны…»
- И. Д. Рудинскому
- «Издатель славный! В этой книге…»
- Исповедь самоубийцы
- К покойнику
- «Какая ночь! Я не могу…»
- Калики
- Кантата
- Капитан земли
- Капли
- «Край любимый! Сердцу снятся…»
- Кузнец
- «Матушка в Купальницу по лесу ходила…»
- «Мелколесье. Степь и дали…»
- «Мир таинственный, мир мой древний…»
- «Мне грустно на тебя смотреть…»
- «Мои мечты стремятся вдаль…»
- «Мы теперь уходим понемногу…»
- На Кавказе
- «На плетнях висят баранки…»
- «Над окошком месяц. Под окошком ветер…»
- «Не бродить, не мять в кустах багряных…»
- «Не ветры осыпают пущи…»
- «Не криви улыбку, руки теребя…»
- «Не напрасно дули ветры…»
- «Не ругайтесь! Такое дело!..»
- «Несказанное, синее, нежное…»
- «Неуютная жидкая лунность…»
- «Нивы сжаты, рощи голы…»
- «Низкий дом с голубыми ставнями…»
- «Никогда я не был на Босфоре…»
- «О Русь, взмахни крылами…»

- «Опять раскинулся узорно…»
- Осень
- Памяти Брюсова
- Пасхальный благовест
- Песнь о хлебе
- Письмо к женщине
- «Плачет метель, как цыганская скрипка…»
- Плясунья
- «По дороге идут богомолки…»
- «По лесу леший кричит на сову…»
- «По селу тропинкой кривенькой…»
- «Под венком лесной ромашки…»
- Подражанье песне
- «Поет зима – аукает…»
- «Пой же, пой. На проклятой гитаре…»
- «Пойду в скуфье смиренным иноком…»
- «По-осеннему кычет сова…»
- Пороша
- Поэтам Грузии
- Пропавший месяц
- «Проплясал, проплакал дождь весенний…»
- «Прощай, Баку! Тебя я не увижу…»
- «Прячет месяц за овинами…»
- Пушкину
- «Руки милой – пара лебедей…»
- Русалка под новый год
- Русь бесприютная
- С добрым утром!
- «Свет вечерний шафранного края…»
- «Синий май. Заревая теплынь…»
- «Синий туман. Снеговое раздолье…»
- «Слушай, поганое сердце…»
- «Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся…»
- «Снежная замять дробится и колется…»
- «Снежная замять крутит бойко…»
- Снова пьют здесь, дерутся и плачут…
- Собаке Качалова
- «Сохнет стаявшая глина…»
- «Сочинитель бедный, это ты ли…»
- «Спит ковыль. Равнина дорогая…»
- «Сторона ль моя, сторонка…»
- Сукин сын
- «Сыпь, гармоника! Скука… Скука…»
- «Там, где капустные грядки…»

- «Тебе одной плету венок…»
- «Темна ноченька, не спится…»
- «Тихий ветер. Вечер сине-хмурый…»
- «Топи да болота…»
- «Троицыно утро, утренний канон…»
- «Туча кружево в роще связала…»
- «Ты плакала в вечерней тишине…»
- «Ты такая ж простая, как все…»
- У могилы
- «Улеглась моя былая рана…»
- «Упоенье – яд отравы…»
- Форма
- «Хорошо под осеннюю свежесть…»
- Хулиган
- Цветы
- Черемуха
- Черный человек
- «Чую радуницу божью…»
- «Этой грусти теперь не рассыпать…»
- «Эх вы, сани! А кони, кони!..»
- «Я зажег свой костер…»
- «Я иду долиной. На затылке кепи…»
- «Я красивых таких не видел…»
- «Я обманывать себя не стану…»
- «Я пастух, мои палаты…»
- «Я по первому снегу бреду…»
- «Я покинул родимый дом…»
- «Я положил к твоей постели…»
- «Я помню, любимая, помню…»
- «Я последний поэт деревни…»
- «Я спросил сегодня у менялы…»
- «Я усталым таким еще не был…»
- Поэма «Пугачев»
- Страна негодяев
  -
  - Часть первая
  - Часть вторая
  - Часть третья
  - Часть четвертая
- Песнь о великом походе
- Поэма о 36
- Анна Снегина
- Микола
- Ус

- Певущий зов
- Товарищ
- Отчарь
- Октоих
- Пришествие
- Преображение
- Иорданская голубица
- Инония
- НЕБЕСНЫЙ БАРАБАНЩИК
- Пантократор
- Кобыльи корабли
- Сорокоуст
- Исповедь хулигана
- Возвращение на родину
- Ответ
- Стансы
- Метель
- Весна
- Письмо к сестре
- Песнь о Евпатии Коловрате
- Марфа Посадница
- Русь бесприютная
- Русь уходящая
- Письмо деду
- Ленин
- Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве

- notes
  - 1
  - 2

Есенин за 30 минут

Биографический очерк

Выдающийся русский поэт Сергей Александрович Есенин появился на свет 3 октября (21 сентября по ст. стилю) 1895 года в селе Константиново Рязанской губернии. Его родители – Александр Никитич и Татьяна Федоровна (урожденная Титова) были зажиточными крестьянами. Помимо мальчика в семействе воспитывались две дочери: Екатерина и Александра. Сильное влияние на воспитание и формирование мироощущения поэта, оказала его бабушка по материнской линии. Именно она привила юноше любовь к русским песням, сказкам, частушкам, впоследствии нашедших свое отражение в его творчестве.

С 1904 по 1909 годы обучался в Константиновском земском училище, а после – в церковно-приходской второклассной учительской школе. Закончив ее осенью 1912 года, молодой человек отправляется в Москву, где работает сначала в мясной лавке, а потом в типографии И. Д. Сытина помощником корректора. Получив, благодаря этой работе, доступ к литературе, стал много читать, приобщился к литературно-музыкальному Суриковскому кружку.

1913 год знаменателен для Есенина поступлением вольнослушателем в Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского на историко-философский факультет. В этом же году происходит знакомство поэта с корректором типографии, где тот работал – Анной Романовной Изрядновой. Они жили гражданским браком, от которого в 1914 году появился на свет сын Юрий. К сожалению, отпрыск Сергея Александровича был расстрелян в 1937 году.

Первая публикация стихов поэта состоялась в 1914 году в детском журнале «Мирок». А в следующем году Есенин переезжает из Москвы в Петроград, где читает свои стихи другим поэтам: А. Блоку, С. Городецкому и пр. Январь 1916 года стал периодом испытаний по причине призыва на войну. Но благодаря помощи влиятельных друзей, Сергея Александровича назначают санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Её Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. Именно в это время происходит приобщение Есенина к «новокрестьянским» поэтам. Свет увидел его первый самостоятельный сборник стихов «Радуница». Это творение имело невероятный успех, что позволило Есенину вместе с Н. Клюевым много выступать, в том числе, и перед самой императрицей Александрой Федоровной и ее семейством в Царском Селе.

Личная жизнь поэта тоже не стоит на месте и в 1917 году он завязывает знакомство и в этом же году связывает себя узами брака с актрисой Зинаидой Райх. Свадьба состоялась 30 июля 1917 года в селе Кирики-Улита Вологодской губернии в помещении гостиницы «Пассаж». Вскоре у супругов родилась дочь Татьяна – журналистка и писательница и сын Константин – инженер-строитель и футбольный статистик. Этот брак не продлился долго – уже в конце 1919-начале 1920 года Есенин покидает семью, а в 1921 году официально разводится с супругой, обязуясь материально поддерживать бывшее семейство. Позже обоих его детей усыновил знаменитый режиссер и второй муж Зинаиды – В. Э. Мейерхольд.

В литературных кругах у Сергея Александровича была репутация тонкого знатока народной души, певца крестьянской Руси, мастера глубоко психологических пейзажей, чему в немалой степени поспособствовал успех его сборников «Радуница» (1916 г.), «Сельский часослов» (1918 г.).

С 1919 по 1923 годы активно действовал в кругу московских имажинистов. В русле этого направления, увидели свет сборники стихов автора: «Трерядница» (1921 г.), «Исповедь хулигана» (1921 г.), «Стихи скандалиста» (1923 г.). Фатальное мировосприятие поэта нашло свое отражение в сборниках: «Кобыльи корабли» (1920 г.), «Москва кабацкая» (1924 г.), «Русь Советская» (1925 г.); поэмах: «Черный человек» (1925 г.), «Баллада о двадцати шести» (1924 г.), «Анна Снегина» (1925 г.), драматической поэме «Пугачев» (1921 г.).

Начиная с 1920 года, Есенин часто живет в доме его литературного секретаря – Галины Бениславской. Он поддерживает с ней теплые отношения вплоть до женитьбы на С. А. Толстой в 1925 году.

В 1921 году поэт предпринял путешествие в Среднюю Азию, Урал и Оренбуржье. Навестил в Ташкенте своего хорошего друга – поэта Александра Ширяевца, в доме которого прожил с 13 мая по 3 июня. Часто выступает со своими стихами перед публикой, наслаждается чайханами старого города, слушает узбекскую поэзию и музыку. Ненадолго заезжает в Самарканд.

Этот же год ознаменовался для поэта знакомством в мастерской Г. Б. Якулова с танцовщицей Айседорой Дункан. Он плохо знал английский, она – едва говорила по-русски, но это не помешало им пожениться 2 мая 1922 года. Вместе они путешествуют по Европе (Бельгия, Франция, Германия, Италия) и США. Этот союз двух творческих людей очень странен и сложен, часты скандалы и непонимание. В итоге, уже в августе 1923 года Сергей Александрович возвращается один в Москву. Период

жизни Есенина в Америке запечатлен в его записях «Железный Миргород» и опубликован в газете «Известия».

Еще с начала 1920 годов проявил себя как издатель, организовал продажу книг в арендованной книжной лавке на Большой Никитской. В свободное время много путешествует: несколько раз посещает Кавказ, Ленинград, Константиново. С 1924 по 1925 годы живет в Азербайджане в селении Мардакян (недалеко от Баку). Здесь он продолжает работать, выпуская сборник стихов в издательстве «Красный восток», пишет для местных изданий, создает стихотворное «Послание евангелисту Демьяну» (1925 г.).

1923 год примечателен знакомством поэта с актрисой Агустой Миклашевской, он пишет ей стихи, вошедшие позже в цикл «Любовь хулигана», но серьезных чувств не было, это был просто эпистолярный роман.

В 1924 году Есенин разочаровывается в философии имажинистов и прекращает с ними все контакты. И в это же время снова становится отцом сына Александра, рожденного от романа с переводчицей и поэтессой Надеждой Вольпин.

Уже 18 сентября 1925 года снова женится в третий и последний раз на внучке Л. Н. Толстого – Софье Андреевне Толстой, работавшей тогда заведующей библиотекой Союза писателей. К сожалению, и эти отношения не принесли Сергею Александровичу счастья, брак очень скоро распался. С этого момента неустроенная, неприкаянная, бессмысленная жизнь становится привычной для поэта.

Постепенно, он все больше скатывается на дно социальной жизни. В газетах появляются гневные статьи о его пьянстве, дебошах, драках. На него заведено несколько уголовных дел по поводу хулиганства, разбирательство из-за его антисемитских реплик. Советская власть была очень обеспокоена поведением Есенина, но, по сути, сделать ничего не могла.

Попытку помочь поэту предприняла третья супруга – Софья Андреевна. В конце ноября 1925 года ей удалось договориться с директором платной психоневрологической клиники Московского университета – П. Б. Ганнушкиным о том, чтобы Есенин прошел курс лечения. Эта информация не афишировалась и о ней знали лишь несколько особо близких товарищей. Однако 21 декабря 1925 года Сергей Александрович покидает клинику, аннулирует в Госиздате все свои доверенности, снимает со сберкнижки практически все сбережения и уезжает в Ленинград, где проживает в гостинице «Англетер».

28 декабря 1925 года в номере этой же гостиницы находят бездыханное тело Сергея Александровича Есенина. Его последнее

произведение, созданное накануне самоубийства (повешение) «До свиданья, друг мой, до свиданья…» написано кровью по причине отсутствия в гостинице чернил.

В Ленинградском Союзе поэтов была организована гражданская панихида прощания, после чего, тело было отправлено в Москву, где после аналогичной церемонии прощания в Доме печати, с участием его родственников и друзей, поэт был похоронен на Ваганьковском кладбище 31 декабря 1925 года.

Долгое время версия самоубийства Есенина считалась общепринятой. Но в 1970-1980 годы появились слухи об убийстве, замаскированном под самоубийство. Значительное участие в разработке этой гипотезы принимал следователь Московского уголовного розыска, полковник в отставке – Э. Хлысталов. Позже эта мысль нашла свое воплощение в телесериале «Есенин» (2005 г.).

Именно по причине разнообразных толков и мнений, была создана специальная Есенинская комиссия по инициативе ИМЛИ им. Горького для расследования настоящих причин смерти Сергея Александровича. Возглавил эту комиссию есениновед Ю. Л. Прокущев. Проведенный по его просьбе комплекс разнообразных экспертиз, выявил, что поэт, находясь в состоянии сильной депрессии действительно совершил самоубийство. А версии об убийстве – не более, чем художественный вымысел.

Бабушкины сказки

В зимний вечер по задворкам
Разухабистой гурьбой
По сугробам, по пригоркам
Мы идем, бредем домой.
Опостылеют салазки,
И садимся в два рядка
Слушать бабушкины сказки
Про Ивана-дурака.
И сидим мы, еле дышим.
Время к полночи идет.
Притворимся, что не слышим,
Если мама спать зовет.
Сказки все. Пора в постели…
Но а как теперь уж спать?
И опять мы загалдели,
Начинаем приставать.
Скажет бабушка несмело:
«Что ж сидеть-то до зари?»
Ну, а нам какое дело, –
Говори да говори.

Стихотворение во многом автобиографично, поскольку поэт на самом деле значительную часть детства воспитывался бабушкой по материнской линии – Натальей Евтихиевной. Позже, он много раз говорил о том, что именно ей обязан любовью к народному творчеству и сочинению стихов. К сожалению, бабушка умерла, когда Есенину было только шестнадцать лет. Привязанность к ней была настолько сильной, что поэт почувствовал себя осиротевшим, несмотря на живых родителей и сестер.

В память о любимой бабушке и создано данное произведение. Часто в ее дом приезжали погостить и другие внуки, а потому собиралась веселая детская компания почти ровесников. Отсюда строки: «…И садимся в два рядка Слушать бабушкины сказки…». Рассказывала Наталья Евтихиевна эти сказки столь умело, что детвора не замечала, как идет время: «…И сидим мы, еле дышим. Время к полночи идет…». Не помогали отправляться в кровать и уговоры матери: «…Притворимся, что не слышим, Если мама спать зовет…».

Но даже, когда уже совсем стемнело и пора все же идти спать,

дети, под впечатлением от услышанного, ни в какую не хотят отходить от любимой бабушки: «…Но а как теперь уж спать? И опять мы загалдели…». Они готовы до утра ее слушать: «…Что ж сидеть-то до зари?…» и «…Ну, а нам какое дело, – Говори да говори».

Песнь о собаке

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ощенила сука,
Рыжих семерых щенят.
До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.
А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклал в мешок.
По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать…
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.
А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.
В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.
И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

Основная идея всего произведения заключается в равенстве между людьми и животными. Автор не раз признавался, что ему гораздо приятнее общество последних, чем первых. Есенин пытается донести до читателя мысль о том, что любое живое существо способно чувствовать, переживать, ему может быть по-настоящему больно. Даже, если речь идет не о человеке, а о собаке.

По сюжету у собаки рождается семь щенков, она их вылизывает и радуется появлению на свет: «…Утром в ржаном закуте… Семерых ощенила сука, Рыжих семерых щенят…» и «… До вечера она их ласкала, Причесывая языком…». Но поскольку

события развиваются в обычной деревне, хозяину не нужны лишние рты или заботы о том, кому отдать щенков. Он поступает суровым, но обычным образом – топит весь выводок: «…Вышел хозяин хмурый, Семерых всех поклал в мешок…», «…И так долго, долго дрожала Воды незамерзшей гладь…».

Далее, описаны страдания матери, потерявшей детей. Нет большего горя на свете, ни для людей, ни для животных. Собака бессильна что-то изменить: «…По сугробам она бежала, Поспевая за ним бежать…» и вынуждена просто примириться с гибелью потомства: «…А когда чуть плелась обратно, Слизывая пот с боков…». Но материнскому сердцу не верится, что детей больше нет и даже очертания месяца на небе напоминают одного из щенков: «…Показался ей месяц над хатой Одним из ее щенков…» и тогда она попыталась позвать его, чтобы просто оплакать: «…В синюю высь звонко Глядела она, скуля…».

Все стихотворение напоминает людям о милосердии и сострадании не только и не столько по отношению друг к другу, сколько по отношению к братьям нашим меньшим.

Где ты, где ты, отчий дом…

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженый песок.
Где ты, где ты, отчий дом?
За рекой поет петух.
Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.
Время – мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь.
Время – мельница с крылом.
Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок.
Этот дождик с сонмом стрел.

Не секрет, что у Есенина никогда не было настоящего отчего дома или дружной, сплоченной семьи. Не получилось создать таковую и ни в одном из трех браков поэта. Чувство неприкаянности, ненужности преследовало его всю жизнь. Поэтому и стихотворение адресовано скорее малой родине, родному селу, дому, где он когда-то жил: «…Где ты, где ты, отчий дом… Синий, синий мой цветок, Неприхоженый песок…» и «…За рекой поет петух Там стада стерег пастух…».

Образ звезд как символ жизненного пути – в детстве и юности он кажется простым и ровным. Но, одновременно, и символ странствий, новых открытий: «…И светились из воды Три далекие звезды…».

Автор сравнивает ход времени с мельницей, которая никогда не перестает работать, она постоянно в движении, как и наша жизнь: «…Время – мельница с крылом… Лить часов незримый дождь…». Строки: «…Этот дождик с сонмом стрел В тучах дом мой завертел, Синий подкосил цветок, Золотой примял песок…» говорят о том, что со временем все проходит и забывается. Дождь – символ дороги как жизненного путешествия. Постепенно

забывается все то, что когда-то было так дорого.

Письмо матери

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.
Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.
И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.
Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.
я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.
я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.
Не буди того, что отмечалось,
Не волнуй того, что не сбылось, –
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.
И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.
Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Стихотворение было создано накануне реальной встречи с родными после восьмилетней разлуки. Поскольку мать – самое близкое и родное существо, поэт переживает прежде всего о ее

чувствах. Ее он спешит утешить, что все не так плохо, как она, вероятно, наслышана: «…Пишут мне, что ты, тая тревогу, Загрустила шибко обо мне…» и «…Не такой уж горький я пропойца…».

Однако поэт понимает, что его жизнь сложилась совсем не так, как хотелось бы и изменить уже ничего нельзя, нужно принимать обстоятельства такими, какие они есть: «…Не буди того, что отмечалось, Не волнуй того, что не сбылось…» и «…И молиться не учи меня. Не надо! К старому возврата больше нет…».

И все же, ему хочется как-нибудь утешить старушку мать, развеять ее тоску и печаль: «…Ты одна мне помощь и отрада, Ты одна мне несказанный свет…» и «…Так забудь же про свою тревогу, Не грусти так шибко обо мне…».

Данное произведение по своей эмоциональной насыщенности и искренности справедливо считается знаковым для всего творчества Сергея Есенина.

Мой путь

Произведение создано за несколько месяцев до самоубийства поэта и представляет собой своеобразную исповедь о прожитой жизни. Сильный психологический надлом, общая неустроенность и неприкаянность приводили Сергея Александровича к постоянным депрессиям. Выход из них он пытался найти в пьяных кутежах, дебошах и драках, но это не приносило облегчения. Наоборот, низвергало его все глубже в пучину отчаяния. Совокупность всех этих факторов в итоге привела молодого человека к мысли о сведении счетов с такой пустой и бесполезной жизнью.

Сюжетная линия автобиографична, что очень свойственно творчеству Есенина. Он рассказывает о своем детстве в родном краю и просит строчки помочь ему рассказать о себе: «…Стихи мои, Спокойно расскажите Про жизнь мою…», «…Изба крестьянская… Лампады кроткий свет… Под окнами Костер метели белой. Мне девять лет. Лежанка, бабка, кот…». Вспоминает, как впервые решил стать поэтом, хотя родня и считала это пустым занятием, блажью: «…Тогда впервые С рифмой я схлестнулся. От сонма чувств Вскуржилась голова…». Честно признается, что хотел добиться успеха на писательском поприще: «…Что буду я Известным и богатым…». Но даже добившись столь вожделенного признания, счастье и покой так и не поселились в его душе: «…Я в столице Стал первоклассnейший поэт…» и «…И, заболев Писательскою скукой, Пошел скитаться я…».

Именно познав славу, Есенин чувствует разочарование в ней и потому испытывает постоянное чувство тоски. В качестве личного бунта против сложившихся порядков, он начинает хулиганить: «…Так принимай, Москва, Отчаянное хулиганство. Посмотрим – Кто кого возьмет!..». Проходит еще несколько лет и поэт решает вернуться домой, в родное село, но люди больше не узнают его, он чувствует себя там лишним: «…Им не узнать меня, Я им прохожий…». Глубоко уязвленный этим, поэт прячет боль за злостью: «…Ну, и пускай!.. По вечерам, Надвинув ниже кепи…».

Финальная часть стихотворения достаточно оптимистична, автор понимает, что грядут новые времена и просит свое обновленное, но такое родное село, дать ему сил для жизни и творчества: «…И пусть иная жизнь села Меня наполнит Новой силой…».

Клен ты мой опавший

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?
Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел
И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.
Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.
Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.
Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а вовсю зеленым.
И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

Данное стихотворение создано за месяц до гибели поэта во время его лечения в психиатрической клинике. Из окна его палаты хорошо виден этот клен, который существовал на самом деле. Примечательно, что Сергей Есенин сравнивает себя самого с этим деревом. Строчка: «…Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?…» призвана показать груз проблем и всяческих жизненных перипетий, выпавших на долю поэта.

Он честно признается, что пристрастился к алкоголю и ему необходима помощь, что силы его уже не те, что раньше: «…Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий, Не дойду до дома с дружеской попойки…». Образ клена-пьяного сторожа метафоричен и говорит о том, что дерево как бы караулит судьбы пациентов клиники и часто напоминает автору его самого.

Не случайна аллюзия о том, как он бродит пьяным среди деревьев: «…Там вон встретил вербу, там сосну приметил…». Речь идет о людях, которых от встретил в жизни, однако так и остался не понятым ими. Себя он представляет молодым и зеленым сильным деревцем: «…Сам себе казался я таким же кленом, Только не опавшим, а вовсю зеленым…». То есть здоровым и привлекательным молодым человеком, успешным поэтом, многократно кружившим хорошеньким женщинам головы. Отсюда и финальная строчка произведения: «…Как жену чужую, обнимал березку» – отсылка к тому, что настоящую крепкую любовь в своей жизни он так и не встретил, довольствуясь «чужими женами».

Отговорила роща золотая…

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.
Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник –
Пройдет, зайдет и вновь покинет дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.
Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветром в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.
Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.
Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.
И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком…
Скажите так… что роща золотая
Отговорила милым языком.

Данное произведение, как и вообще все творчество Сергея Есенина очень символично и во многом автобиографично. В данном случае, поэт сравнивает себя с рощей золотой: «… Отговорила роща золотая Березовым, веселым языком…» – как символ того, что уже все сказано, молодость прошла, а с ней и надежды, и мечты. Осень не как пора года, а как время подведения неких итогов всего творческого и жизненного пути.

Улетающие журавли ассоциируются у поэта со странниками, которыми, по сути, являемся все мы, приходя в эту жизнь в гости и уходя из нее. Он тоже странник, которому не жаль того, что было: «…И журавли, печально пролетая, Уж не жалеют больше ни о ком…». Строчка: «…Стою один среди равнины голой…» говорит об одиночестве автора, он чувствует себя чужим в этом мире и слишком старым для того, чтобы что-то изменить, а потому, об этом не стоит и жалеть: «…Но ничего в прошедшем мне не

жаль…».

Воспоминание о любви у поэта так же печально: «…В саду горит костер рябины красной, Но никого не может он согреть…» – за всю жизнь ему так и не довелось повстречать настоящую любовь, а все многочисленные романы были мимолетными, даже если некоторые из них и заканчивались браками. Постоянной подруги жизни у него не появилось.

Финальная часть стихотворения наполнена надеждой на то, что если однажды потомки сочтут нужным прочесть его стихи, то пускай они запомнят его добрым и изящным поэтом: «…Скажите так… что роща золотая Отговорила милым языком».

Гой ты, русь, моя родная…

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа…
Не видать конца и края –
Только синь сосет глаза.
Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.
Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.
Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.
Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Стихотворение – гимн поэта родной земле. Сергей Есенин часто воспевает Русь в своем творчестве и всегда отзывается о ней исключительно возвышенными словами. При этом, он видит и знает о проблемах Родины, но это никак не умаляет его любви к ней. Отсутствию шор на его глазах немало поспособствовало детство в деревне, когда он мог лично убедиться, как тяжек труд крестьянина. Да, Русь велика и прекрасна, но она и бедна, и грязна, и народ ее погряз в пьянстве.

Себя автор сравнивает с захожим богомольцем: «…Как захожий богомолец, Я смотрю твои поля…», рассказывает о народных обрядах отмечания праздника яблочного Спаса: «… Пахнет яблоком и медом По церквам твой кроткий Спас И гудит за корогодом На лугах веселый пляс…».

Он воспевает звонкий смех прекрасных русских девушек, сравнивая его со звоном сережек: «…Мне навстречу, как сережки, Прозвенит девичий смех…». И признается, что даже если вся святая рать призовет его когда-нибудь отказаться от Руси в пользу рая, то он ответит: «…Я скажу: «Не надо рая, Дайте родину мою».

Русь советская

Политические события в стране, а именно, Октябрьская революция первоначально приводила Сергея Есенина в восторг, он искренне верил, что для всех наступят лучшие времена. Однако он глубоко ошибался в своих несколько утопических иллюзиях всеобщего счастья для всех сословий и по всей стране. Осознание этого, побудило его разочароваться в том, чему он когда-то так верил и воспевал в стихах.

Согласно сюжета, автор возвращается в родную деревню после «пожара» революции: «…Тот ураган прошел. Нас мало уцелело…», но не встречает там ни одного знакомого лица, люди не узнают его: «…Я никому здесь не знаком, А те, что помнили, давно забыли…» и «…Но некому мне шляпой поклониться, Ни в чьих глазах не нахожу приют…». Он понимает, что прежняя жизнь навсегда канула в Лету. Но принять новое оказывается очень не просто. Поэт чувствует себя настолько чужим в родных краях, что прохожие легко могут принять его за путешественника-гостя, тогда как он и есть настоящий гражданин села: «…Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый Бог весть с какой далекой стороны. И это я! Я, гражданин села…».

И тут же призывает себя успокоиться и смириться с новой правдой жизни: «…Ведь это только новый свет горит Другого поколения у хижин…». Поэта пугает исковерканный язык, который кажется не знакомым: «…Язык сограждан стал мне как чужой, В своей стране я словно иностранец…». Беспокоит, что на смену исконно народным песням пришли какие-то политизированные призывы и воспоминания: «…Рассказывает важно о Буденном…» Уж мы его – и этак и раз-этак, – Буржуя энтого… которого… в Крыму…» И клены морщатся ушами длинных веток…» – даже природе противно это слушать. Это касается и молодежи: «…С горы идет крестьянский комсомол, И под гармонику, наяривая рьяно, Поют агитки Бедного Демьяна…».

Есенина глубоко печалят эти перемены, он чувствует себя не нужным, а свою поэзию – глупой: «…Моя поэзия здесь больше не нужна, Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен…». Вместе с тем, у поэта достаточно здравого смысла для понимания тщетности своих протестов. Бесполезно сопротивляться новым временам, нравам и поколениям, поэтому он говорит: «…Как есть все принимаю. Готов идти по выбитым следам. Отдам всю душу октябрю и маю…». Единственное, с чем принципиально не согласен Есенин – это предать родной язык и уподобиться толпе,

утратить свою уникальность, изменить поэтическому дару. Нет, поэт навсегда останется верен себе и музе: «…Но только лиры милой не отдам… Я не отдам ее в чужие руки, Ни матери, ни другу, ни жене. Лишь только мне она свои вверяла звуки…».

Спит ковыль…

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.
Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси –
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.
Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.
И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.
По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.
Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

Стихотворение создано за полгода до самоубийства поэта и посвящено прощанию с родным селом Константиново. Есенин чувствовал, что больше туда не вернется, поэтому решил увековечить красоту родного края: «…Радуясь, свирепствуя и мучась, Хорошо живется на Руси…» и «…Свет луны, таинственный и длинный, Плачут вербы, шепчут тополя…».

При этом, даже понимая всю неотвратимость перемен, поэт остается верен себе, он по-прежнему тот же юный мальчишка, бесконечно влюбленный в Родину: «…И теперь, когда вот новым светом И моей коснулась жизнь судьбы, Все равно остался я поэтом Золотой бревенчатой избы…».

Автор признается, что ему противны новые порядки, пришедшие на смену старым и знакомым, они его теснят: «…Но и все же, новью той теснимый, Я могу прочувственно пропеть…». Но он готов принять их, лишь бы ему позволили спокойно

умереть на родной земле: «…Дайте мне на родине любимой, Все любя, спокойно умереть!».

Корова

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях.
Сердце неласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.
Не дали матери сына,
Первая радость не прок.
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.
Скоро на гречневом свее,
С той же сыновней судьбой,
Свяжут ей петлю на шее
И поведут на убой.
Жалобно, грустно и тоще
В землю вопьются рога…
Снится ей белая роща
И травяные луга.

Стихотворение посвящено главному домашнему животному на селе – корове. Издревле, она являлась основной кормилицей в семье. Без нее невозможно представить быт ни одного крестьянина.

Сергей Есенин убежден, что всякое живое существо наделено способностью чувствовать, переживать, мыслить. Корова вспоминает свою молодость и маленького теленка-сына, которого у нее почти сразу отобрали, чтобы снять с него шкуру: «…Думает грустную думу О белоногом телке…», «…Не дали матери сына, Первая радость не прок. И на колу под осиной Шкуру трепал ветерок…».

Старенькая корова понимает, что однажды ее просто уведут на бойню: «….Свяжут ей петлю на шее И поведут на убой…». А пока она может пастись на лугу и видеть сны о сочной зеленой травке: «…Снится ей белая роща И травяные луга».

Основная мысль произведения: нельзя быть такими жестокими с животными, у них тоже есть право на жизнь и радость. Человек должен быть гуманнее по отношению к тем, кого он приручил.

Ночь

Усталый день склонился к ночи,
Затихла шумная волна,
Погасло солнце, и над миром
Плывет задумчиво луна.
Долина тихая внимает
Журчанью мирного ручья.
И темный лес, склоняясь, дремлет
Под звуки песни соловья.
Внимая песням, с берегами,
Ласкаясь, шепчется река.
И тихо слышится над нею
Веселый шелест тростника.

Данное произведение относится к ранней пейзажной лирике поэта. Оно простое и понятное. Создано в период обучения автора в церковно-приходской школе. В нем нет еще никакого ярко выраженного стиля, оно не относится ни к какому литературному направлению. Но читатель может по достоинству оценить красоту речи, плавность рифмы и образность природы даже у еще совсем молодого дарования.

Сюжетная линия так же проста: окончание дня и наступление ночи: «…Усталый день склонился к ночи…», «…Погасло солнце, и над миром Плывет задумчиво луна…». Все живое подчиняется законам природы и засыпает в ночи. Это касается не только людей, но и леса, реки, тростника: «…И темный лес, склоняясь, дремлет…», «…Ласкаясь, шепчется река…», «…И тихо слышится над нею Веселый шелест тростника».

Сергей Есенин глубоко верил в то, что все живые существа на этой планете тесно взаимосвязаны и человек не хозяин, а просто часть единого целого. При этом, деревья, трава, цветы, не говоря уж о животных, – все они наделены душой, могут чувствовать, думать и сопереживать. А потому, стоит хорошенько подумать, прежде, чем причинить кому-нибудь боль и страдания.

Гори, звезда моя, не падай…

Гори, звезда моя, не падай.
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.
Ты светишь августом и рожью
И наполняешь тишь полей
Такой рыдалистою дрожью
Неотлетевших журавлей.
И, голову вздымая выше,
Не то за рощей – за холмом
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.
И золотеющая осень,
В березах убавляя сок,
За всех, кого любил и бросил,
Листвою плачет на песок.
Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.
Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах.
Но, погребальной грусти внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.

Это произведение из поздней лирики поэта. Оно достаточно мрачно. Основной является тема смерти, заявленная уже в начале: «…Ведь за кладбищенской оградой Живое сердце не стучит…» и повторяющаяся в разных вариациях: «…Под низким траурным забором Лежать придется так же мне…», «…Погаснет ласковое пламя, И сердце превратится в прах…». Согласно народным верованиям, когда рождается человек, на небе загорается его звезда, которая ведет его по жизни. Соответственно, если звезда падает, то человек погибает.

Есенин предчувствовал гибель, как и большинство творческих людей: «…Я знаю, знаю. Скоро, скоро Ни по моей, ни чьей

вине…». Хотя это была и бессмысленная смерть, глупое решение о самоубийстве, принятое в пучине ужасной депрессии.

Тем не менее, поэт верит, что друзья поставят на его могиле памятник: «…Друзья поставят серый камень С веселой надписью в стихах…» – как показатель того, что его гибель их не сильно опечалит, а потомки будут испытывать только светлую грусть. Он даже сочиняет образчик такой надписи: «…Любил он родину и землю, Как любит пьяница кабак». Любопытно, что на реальном памятнике поэта нет никаких эпитафий – его родные посчитали, что он и так все рассказал уже сам в своих стихах.

Черная, потом пропахшая выть!..

Черная, потом пропахшая выть!
Как мне тебя не ласкать, не любить?
Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благодать.
Серым веретьем стоят шалаши,
Глухо баюкают хлюпь камыши.
Красный костер окровил таганы,
В хворосте белые веки луны.
Тихо, на корточках, в пятнах зари
Слушают сказ старика косари.
Где-то вдали, на кукане реки,
Дремную песню поют рыбаки.
Оловом светится лужная голь…
Грустная песня, ты – русская боль.

Стихотворение-посвящение простой крестьянской жизни, о которой поэт очень скучает в светской Москве. Выть – это небольшой участок земли, который в Рязанской губернии выделяли семьям для выращивания пшеницы. И именно поэтому она: «…Черная, потом пропахшая выть!..», участок земли, который кормит всю семью, его обрабатывают все вместе и он является одним из самых ценных: «…Как мне тебя не ласкать, не любить?…».

Лишь познав всю тяжесть крестьянского труда на земле, можно понять и сладость отдыха на лоне природы. Тогда даже самые обычные вещи кажутся волшебными: «…Выйду на озеро в синюю гать, К сердцу вечерняя льнет благодать…», «…баюкают хлюпь камыши… Красный костер окровил таганы…».

Уставшие за целый день косари с удовольствием слушают рассказы старца: «…Слушают сказ старика косари…», да рыбаки где-то в отдалении поют свои песни: «…Где-то вдали, на кукане реки, Дремную песню поют рыбаки…».

Устал я жить в родном краю…

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.
Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.
Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.
И вновь вернуся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.
Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.
А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам…
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

Рассматриваемое стихотворение относится к раннему периоду творчества Сергея Есенина и тем необычнее его глубина и многоплановость. В нем сразу три лейтмотивные тематики: самоубийство, бродячая жизнь, неприкаянность. Многим выдающимся мастерам слова удавалось предсказать свое будущее, но в данном случае, практически стопроцентное совпадение всех пороков, которые, в конце концов, приведут поэта к повешению в реальной жизни.

Чувство неприкаянности, неустроенности жизни навевает скуку: «…Устал я жить в родном краю В тоске по гречневым просторам…». Для борьбы с этой скукой автор не видит лучшего средства, чем заняться бродяжничеством и разбоем: «…Покину хижину мою, Уйду бродягою и вором…». Предвидит молодой Есенин и свое возвращение в отчий дом, но оно не радостное: «… И вновь вернуся в отчий дом, Чужою радостью утешусь…».

Действительно, так в последствии и произошло.

Даже в методе сведения счетов с жизнью он не ошибся: «…В зеленый вечер под окном На рукаве своем повешусь…» – его и впрямь нашли повешенным в гостиничном номере. При этом, Есенин знает, что суицид – большой грех и покойников не отпевают и хоронят отдельно: «…И необмытого меня Под лай собачий похоронят…». К сожалению, в реальной жизни его это не остановило.

Эта улица мне знакома…

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.
Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь.
Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.
Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.
Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная мощь,
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.
Голос громкий и всхлипень зычный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюд кирпичный,
В завывании дождевом?
Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.
Ах, и я эти страны знаю –
Сам немалый прошел там путь.
Только ближе к родимому краю
Мне б хотелось теперь повернуть.
Но угасла та нежная дрема,
Все истлело в дыму голубом.
Мир тебе – полевая солома,
Мир тебе – деревянный дом!

Данное произведение посвящено родному дому Сергея Есенина – селу Константиново. Он многократно воспевал это замечательное место, а любовь к нему смог пронести сквозь всю

жизнь.

По сюжету автор возвращается домой после долгих лет разлуки и находит дом таким же, каким тот его запомнил: «…Эта улица мне знакома, И знаком этот низенький дом…». Несмотря ни на какие житейские бури, поэт всегда находит отраду в родных стенах, они напоминают ему о безвозвратно ушедшем детстве: «…Вспомнил я деревенское детство, Вспомнил я деревенскую синь…». Но это светлая грусть: «…А сейчас, как глаза закрою, Вижу только родительский дом…», закономерное желание каждого живого существа вернуться к своим истокам: «…Я любил этот дом деревянный, В бревнах теплилась грозная мощь…».

За долгое время отсутствия, Есенин добился славы, но она оказалась никчемной: «…Я с тщетой этой славы знаком…», побывал в разных странах: «…Сам немалый прошел там путь…» и ему кажется, что дом в котором он вырос также знаком с ними: «…Золотые пески Афганистана И стеклянную хмарь Бухары…», он увидел их во сне, ему нашептал о них дождь: «…Что он видел, верблюд кирпичный, В завывании дождевом?…» и «…Видно, видел он дальние страны, Сон другой и цветущей поры…». Но и вернуться в отчий дом, по которому так скучает, поэт уже не может: «…Но угасла та нежная дрема, Все истлело в дыму голубом…». Остается лишь поблагодарить его за прошлое и нежно хранить его в своей памяти: «…Мир тебе – полевая солома, Мир тебе – деревянный дом!».

Ты меня не любишь, не жалеешь…

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти млеешь,
Мне на плечи руки опустив.
Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?
Знаю я – они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.
Пуст твои полузакрыты очи
И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.
Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспыльчивая связь, –
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнусь, спокойно разойдясь.
Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.
И когда с другим по переулку
Ты пойдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогулку,
И с тобою встретимся мы вновь.
Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер…»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».
И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь, –
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

Многие биографы Сергея Есенина склоняются к мысли о том, что данное стихотворение посвящено женщине легкого поведения, с которой тот случайно встретился на улице.

Поскольку произведение из позднего этапа творчества поэта, за его плечами уже три неудачных брака, множество мимолетных романов, но любовь он так и не встретил, а потому, разочаровался в ней. Чувствуя себя одиноким и не понятым, он вынужден искать утешение в объятиях такого рода женщин.

Речь идет о простых плотских утехах, не о любви: «…Я с тобой не нежен и не груб…» и автор понимает, что она знала многих мужчин до него: «…Расскажи мне, скольких ты ласкала? Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?…». Эта девушка тоже мало знакома с любовью, разочарована в ней: «…Знаю я – они прошли, как тени, Не коснувшись твоего огня…». Ему не нужна ее любовь, он не скрывает, что мысли его принадлежат другой: «…И ты думаешь о ком-нибудь другом… Я ведь сам люблю тебя не очень, Утопая в дальнем дорогом…». Поэт не осуждает ее, признавая, что это просто случайная встреча: «…Легкодумна вспыльчивая связь, – Как случайно встретился с тобою, Улыбнусь, спокойно разойдясь…».

Финальным аккордом звучит фраза о том, что сердце лирического героя больше не способно любить: «…Кто любил, уж тот любить не может, Кто сгорел, того не подожжешь…».

Шаганэ ты моя, Шаганэ…

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.
Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.
Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи –
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.
Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне…
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Стихотворение из цикла «Персидские мотивы», навеянное путешествием автора на Кавказ и знакомством с реальным человеком – Шаганэ Тальян – обычной школьной учительницей из Батуми, чья невероятная восточная красота сильно впечатлила Сергея Есенина. Она стала героиней множества стихов из этого поэтического цикла.

В произведении постоянно сопоставляются Восток и Север и видя в этой девушке все очарование восточных стран, поэт стремится рассказать о своей северной родине, таким образом, как бы сближая эти два разные мира: «…Я готов рассказать тебе поле, Про волнистую рожь при луне… Что луна там огромней в сто раз…». Здесь намеренная авторская ошибка в построении предложения: «…Я готов рассказать тебе поле…» – вместо нее легко вставить фразу: «Я готов открыть тебе душу». Ведь поле –

это и есть душа русского человека, такая же широкая и необъятная.

Он признает красоту Востока, но Север – ничуть не хуже: «… Как бы ни был красив Шираз, Он не лучше рязанских раздолий…». И все же, Есенин отчаянно скучает по дому, повторяя рефреном фразу о том, что он – северянин: «…Потому, что я с севера, что ли…».

Соглашаясь с бесспорной красотой восточных девушек, поэт говорит и о красоте северных нимф, что они похожи: «…Там, на севере, девушка тоже, На тебя она страшно похожа…» и мысль о том, что может быть в эту самую минуту его северная возлюбленная вспоминает о нем, греет ему душу и еще сильнее зовет домой: «…Может, думает обо мне…».

Чары

В цветах любви весна-царевна
По роще косы расплела,
И с хором птичьего молебна
Поют ей гимн колокола.
Пьяна под чарами веселья,
Она, как дым, скользит в лесах,
И золотое ожерелье
Блестит в косматых волосах.
А вслед ей пьяная русалка
Росою плещет на луну.
И я, как страстная фиалка,
Хочу любить, любить весну.

Произведение из раннего периода творчества поэта. Здесь фольклорные элементы – русалка, весна-царевна сочетаются с символистскими – страстная фиалка, золотое ожерелье. Автор еще только искал свой стиль, а потому прибегал к уже испытанным средствам, чтобы заявить о себе.

Стихотворение – гимн наступающей весне, когда все живое пробуждается от зимней спячки для обновления, любви и счастья. Поэтому оно такое возвышенно-радостное, светлое: «…Пьяна под чарами веселья, Она, как дым, скользит в лесах…», «…А вслед ей пьяная русалка Росою плещет на луну».

Себя Есенин олицетворяет со страстной фиалкой, которая готова к любви, жаждет ее: «…И я, как страстная фиалка, Хочу любить, любить весну». Весна здесь выступает в образе девушки, в которую влюблен поэт, но это не конкретный человек, а собирательный образ. Сердце автора открыто для новых чувств.

Хороша была Танюша, краше не было в селе…

Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру.
Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.
Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
«Ты прощай ли, моя радость, я женюся на другой»
Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.
Душегубкою-змеею развилась ее коса.
«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу».
Не заутренние звоны, а венчальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.
Не кукушки загрустили – плачет Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого кистеня.
Алым венчиком кровинки запеклися на челе, –
Хороша была Танюша, краше не было в селе.

Стихотворение из раннего периода творчества автора. Сергею Есенину тогда было всего двадцать лет, но он уже успел испытать разочарование в любви. Однако это не тотальное разочарование в отношениях и женщинах вообще, свойственное его поздней лирике, а просто юношеская неудача.

Тонкий знаток сельских нравов и обычаев, он рассказывает историю о любви самой красивой на деревне девушки и обычного парня. Они, очевидно, любят друг друга, но парня женят на другой избраннице. Часто в деревнях родители сами определяли будущую пару для своих детей и ослушаться их последние не могли. Вероятно, так и случилось на этот раз. Он ей сообщает о скорой свадьбе с другой: «…Ты прощай ли, моя радость, я женюся на другой…» и Татьяна горько опечалена этим: «…Побледнела, словно саван, схолодела, как роса…». Девичья гордость не позволяет ей расплакаться перед ним и она решается на обман, что тоже отдана другому: «…Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу…». В итоге это стоит ей жизни, потому что ревнивый возлюбленный убивает ее: «…На виске у Тани рана от лихого кистеня…».

Перед читателем предстает грустная картина: он счастлив и его родня гуляет на свадьбе: «…Скачет свадьба на телегах,

верховые прячут лик…», а ее родня оплакивает дочь: «…Не кукушки загрустили – плачет Танина родня…». Древние деревенские порядки и обычаи бывали действительно жестокими.

Сыплет черемуха снегом…

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.
Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы, –
Я одурманен весной.
Радугой тайные вести
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.
Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

Стихотворение создано в 1910 году и относится к ранней пейзажной лирике автора. Он молод и его душу переполняют самые смелые надежды и планы. В сочетании с мастерским описанием природы, которую Есенин всегда боготворил, получилась эта радостная ода наступлению весны.

Исключительная наблюдательность и внимание к деталям делают каждое его произведение шедевром: «…Сыплет черемуха снегом, Зелень в цвету и росе В поле, склоняясь к побегам, Ходят грачи в полосе…». Читатель помимо пейзажных зарисовок может представить себе запах сосны: «…Пахнет смолистой сосной…» или услышать пение птиц: «…Пойте вы, птахи, в лесу…».

Есенин очевидно, влюблен и все его мысли заняты невестой: «…Думаю я о невесте, Только о ней лишь пою…». Белый цвет черемухи не случайно сравнивается со снегом: «…Сыпь ты, черемуха, снегом…» это также цвет чистоты, подвенечного платья и радости. Поэт готов всему свету рассказать о своей любви: «… По полю зыбистым бегом Пеной я цвет разнесу».

Мне осталась одна забава…

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот – и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.
Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.
Золотые, далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.
Дар поэта – ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.
Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились –
Значит, ангелы жили в ней.
Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, –
Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

Произведение из позднего периода творчества Сергея Есенина. Оно было создано в 1923 году за два года до гибели. В тот период жизни он действительно себя скверно вел: часто пил, куролесил, устраивал публичные драки, бил посуду в ресторанах, оскорблял друзей и прочее. Он не сошел с ума и прекрасно отдавал себе отчет в том, что делает. Это была его форма протеста против устоявшихся норм и правил общества, против невозможности с помощью поэзии изменить этот мир к лучшему: «…Розу белую с черною жабой Я хотел на земле повенчать…».

Литературный успех и светская жизнь в столице создали иллюзию вседозволенности, хотя поэт очень быстро перешел ту

грань, за которой начинается общественное порицание. В стихотворении он просит прощения за свои выходки и ему не приятна его репутация скандалиста: «…Прокатилась дурная слава, Что похабник я и скандалист…». Пытается оправдаться тем, что нарочно вел себя вызывающе: «…И похабничал я и скандалил Для того, чтобы ярче гореть…», напоминая, что в его душе жили не только демоны, но и ангелы: «…Но коль черти в душе гнездились – Значит, ангелы жили в ней…».

У Есенина весьма сложные отношения с религией, но он раскаивается в своих поступках и потому просит оставить его умирать под иконами: «…Положили меня в русской рубашке Под иконами умирать». А пока, у него действительно осталась одна забава, ведь общественное мнение изменить о себе уже невозможно, значит, нужно просто оставаться собой: «…Пальцы в рот – и веселый свист…».

Свищет ветер, серебряный ветер…

Свищет ветер, серебряный ветер,
В шелковом шелесте снежного шума.
В первый раз я в себе заметил –
Так я еще никогда не думал.
Пусть на окошках гнилая сырость,
Я не жалею, и я не печален.
Мне все равно эта жизнь полюбилась,
Так полюбилась, как будто вначале.
Взглянет ли женщина с тихой улыбкой –
Я уж взволнован. Какие плечи!
Тройка ль проскачет дорогой зыбкой –
Я уже в ней и скачу далече.
О, мое счастье и все удачи!
Счастье людское землей любимо.
Тот, кто хоть раз на земле заплачет, –
Значит, удача промчалась мимо.
Жить нужно легче, жить нужно проще,
Все принимая, что есть на свете.
Вот почему, обалдев, над рощей
Свищет ветер, серебряный ветер.

Биографы Сергея Есенина относят это стихотворение, созданное в октябре 1925 года к «зимнему» циклу. Для него характерна кольцевая структура – первые строчки в точности повторяются в конце произведения: «…Свищет ветер, серебряный ветер…». Образ цикла – это и извечная смена пор года в природе, и вся человеческая жизнь: мы приходим в этот мир неведомо откуда, проходим свой жизненный круг и неведомо куда уходим.

Автор анализирует свою жизнь, наблюдая за погодой в окошке: «…В шелковом шелесте снежного шума…» и признается сам себе, что раньше рассуждал по-другому: «…Так я еще никогда не думал…». Здесь сюжетная зарисовка природы – душевное состояние самого Есенина. Ветер – означает перемены, что-то поменялось в его сознании. И он признается, что ни о чем не жалеет и не грустит: «…Я не жалею, и я не печален…», более того, он говорит, что ему нравится такая жизнь: «…Мне все равно эта жизнь полюбилась, Так полюбилась, как будто вначале…».

Финальная часть стихотворения наполнена смиренным пониманием этой жизни: «…Жить нужно легче, жить нужно проще, Все принимая, что есть на свете…», принятием всего, что в

ней происходит.

Я помню, любимая, помню…

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.
Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.
Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».
Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.
И сердце, остыть не готовясь,
И грустно другую любя.
Как будто любимую повесть,
С другой вспоминает тебя.

Стихотворение из позднего периода творчества Есенина и посвящено актрисе Августе Миклашевской. Их связывали исключительно платонические отношения, по признанию самой Миклашевской, много лет спустя. Но влюбчивую и порывистую натуру поэта это не смущало, как и то, что сам он на тот момент был супругом Айседоры Дункан. Любимчик женщин, он менял их так часто, что даже его биографы сейчас называют примерное количество всех возлюбленных автора.

Так или иначе, некоторые исследователи жизни Сергея Александровича утверждают, что он собирался жениться на Августе, но она отвергла поначалу его ухаживания. К слову, именно ей посвящен целый цикл стихов «Любовь хулигана». Очевидно, девушка действительно затронула душу поэта, поскольку он о ней так и не забыл: «…Я помню, любимая, помню Сиянье твоих волос…», «…Я помню осенние ночи, Березовый шорох теней…», «…Я помню, ты мне говорила…». Зная его ветреность, Августа предполагала, что вскоре ее место займет другая: «…И ты позабудешь, мой милый, С другою меня навсегда…». Так и произошло, Есенин женился на Софье Толстой,

но этот брак оказался крайне не удачным и выдержал лишь несколько месяцев: «…И грустно другую любя…».

Но образ возлюбленной, он навсегда сохранил в своей памяти: «…Как будто любимую повесть, С другой вспоминает тебя».

Там, где вечно дремлет тайна…

Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля.
Широки леса и воды,
Крепок взмах воздушных крыл.
Но века твои и годы
Затуманил бег светил.
Не тобой я поцелован,
Не с тобой мой связан рок.
Новый путь мне уготован
От захода на восток.
Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.
Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

Стихотворение создано в 1917 году и проникнуто философским смыслом, несмотря на то, что Сергею Есенину тогда было только двадцать два года. Он понимает, что мы все гости на этой земле: «…Только гость я, гость случайный На горах твоих, земля…» и ему хочется верить, что помимо нашего мира есть еще один – волшебный: «…Там, где вечно дремлет тайна, Есть нездешние поля…».

И именно этому волшебному миру принадлежит сам поэт: «… Не тобой я поцелован, Не с тобой мой связан рок…», хотя он и восхищается красотой и мощью земной природы: «…Широки леса и воды, Крепок взмах воздушных крыл…». Есенин видит свое предназначение в служении поэзии: «…Новый путь мне уготован… Суждено мне изначально Возлететь в немую тьму…» – символ тьмы невежества, равно как и тьмы забвения.

Отчасти поэтому он говорит, что не намерен ни с кем делиться своим творчеством, полагая его не таким уж хорошим: «…Ничего я в час прощальный Не оставлю никому…». И все же, ему хочется, чтобы его помнили: «…В две луны зажгу над бездной Незакатные глаза».

Воспоминание

За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
Юность вспоминает.
«Эх, была-де пора,
Жил, тоски не зная,
Лишь кутил да гулял,
Песни распевая.
А теперь что за жизнь?
В тоске изнываю
И порой о тех днях
С грустью вспоминаю.
Погулял на веку,
Говорят, довольно.
Размахнуть старину
Не дают раздолья.
Полно, дескать, старик,
Не дури ты много,
Твой конец не велик,
Жизнь твоя у гроба.
Ну и что ж, покорюсь, –
Видно, моя доля.
Придет им тоже час
Старческого горя».
За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
С грустью засыпает.

Существует версия, что это стихотворение, созданное в 1911 году, посвящено дедушке поэта по материнской линии – Федору Титову. Проводя свои детские годы в их доме, Сергей Есенин навсегда запомнил увлекательные рассказы бабушки и деда.

Сюжетная линия проста и очевидна: старенький дедушка лежит на печи и вспоминает свои молодые годы: «…Эх, была-де пора, Жил, тоски не зная…», но с приходом старости и дряхлости все изменилось: «…А теперь что за жизнь? В тоске изнываю…». Ему иногда и хочется вспомнить былое, но сделать этого уже нельзя: «…Размахнуть старину Не дают раздолья…».

Автору жаль деда, но он осознает, что ход жизни замедлить

невозможно, равно как и повернуть время вспять. В качестве утешения, он вкладывает в уста старика слова о том, что однажды мы все состаримся и точно так же будем вспоминать минувшее: «…Придет им тоже час Старческого горя…».

Не гляди на меня с упреком…

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.
Да, ты кажешься мне распростертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой,
Ловит воронов и воронят.
Ну, и что же, лови, я не струшу.
Только как бы твой пыл не погас?
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.
Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень.
Мне в лице твоем снится другая,
У которой глаза – голубень.
Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.
Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,
Ну, а ты даже в сердце не вранишь
Напоенную лаской ложь.
Но и все же, тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.

Данное произведение создано 1 декабря 1925 года в стенах психиатрической клиники, где тогда проходил лечение Сергей Есенин. Кому оно адресовано доподлинно не известно, но предполагают, что Софье Андреевне Толстой, которую поэт никогда не любил. А вот кто та незнакомка, с которой он ее сравнивает – не известно. Вероятно, просто образ.

Это отношение двойственно: «…Но люблю я твой взор с поволокой И лукавую кротость твою…», а потом: «…Не тебя я люблю, дорогая, Ты лишь отзвук, лишь только тень…» или другая параллель: «…Я презренья к тебе не таю…» и «…Но и все же, тебя презирая…».

Окончание стихотворения имеет философский оттенок и напоминает знаменитую фразу Вольтера: «Если бы Бога не существовало, его бы следовало выдумать»: «…Если б не было ада и рая, Их бы выдумал сам человек».

Буря

Дрогнули листочки, закачались клены,
С золотистых веток полетела пыль…
Зашумели ветры, охнул лес зеленый,
Зашептался с эхом высохший ковыль…
Плачет у окошка пасмурная буря,
Понагнулись ветлы к мутномы стеклу,
И качают ветки, голову понуря,
И с тоской угрюмой смотрят в полумглу…
А вдали, чернея, выползают тучи,
И ревет сердито грозная река,
Подымают брызги водяные кручи,
Словно мечет землю сильная рука.

Стихотворение из раннего периода пейзажной лирики Сергея Есенина. Оно изобилует деталями наступления непогоды и так точно описать их мог только человек, искренне любящий природу, внимательный и чуткий. Именно таким был автор. Проведя детство и часть юности в деревне, он много раз видел это явление, решив запечатлеть его в стихах.

Строчка: «…Дрогнули листочки, закачались клены…» говорит о неожиданности наступления бури, как будто налетел порыв ветра и «…С золотистых веток полетела пыль…». Природа рада дождю: «…Зашептался с эхом высохший ковыль…». Сначала это просто сильные порывы ветра и дождик: «…Плачет у окошка пасмурная буря…», словно что-то случилось. И ее печали сочувствуют все: «…Понагнулись ветлы к мутномы стеклу… И качают ветки, голову понуря, И с тоской угрюмой смотрят в полумглу…».

Но это только начало бури и она готовится разыграться как следует: «…А вдали, чернея, выползают тучи, И ревет сердито грозная река…». Апофеозом действия является сравнение силы бури с рукой Всевышнего, который словно бы трясет землю под брызги ливня: «…Подымают брызги водяные кручи, Словно мечет землю сильная рука».

Край ты мой заброшенный…

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь,
Сенокос некошеный,
Лес да монастырь.
Избы забоченились,
А и всех-то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.
Под соломой-ризою
Выструги стропил,
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.
В окна бьют без промаха
Вороны крылом,
Как метель, черемуха
Машет рукавом.
Уж не сказ ли в прутнике
Жисть твоя и быль,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль?

Стихотворение посвящено родному селу Сергея Есенина – Константиново. В свое время автор покинул его для поиска признания своего поэтического таланта в столице. Постепенно и вся молодежь перебралась в города. Как следствие, деревня вскоре почти опустела: «…Край ты мой заброшенный, Край ты мой, пустырь…», обрабатывать землю стало некому: «…Сенокос некошеный, Лес да монастырь…». Да и самих жителей осталось не больше пяти изб: «…Избы забоченились, А и всех-то пять… Крыши их запенились…» – повсюду разруха и покинутость.

В надежде на то, что после революции села обретут новую жизнь, поэт и поддерживал это политическое действо, но его надежды не оправдались, стало даже еще хуже, чем было. Автор еще об этом не знает и продолжает надеяться. И отмечает, что вороны бьют своими крылами в окна хат: «…В окна бьют без промаха Вороны крылом…». На Руси ворон всегда считался предвестником смерти, его боялись и уважали. В этой строчке зашифровано пессимистическое предчувствие того, что однажды погибнет и вся деревня.

Даже черемуха – символ весны не радует Есенина. Он

сравнивает ее с метелью: «…Как метель, черемуха Машет рукавом…» – показывая, что весеннее обновление и радость возможны только, когда на село вернутся жить люди, а до тех пор оно все больше будет напоминать зимнюю бесплодную пустошь.

Ну, целуй меня, целуй…

Ну, целуй меня, целуй,
Хоть до крови, хоть до боли.
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.
Опрокинутая кружка
Средь веселых не для нас.
Понимай, моя подружка,
На земле живут лишь раз!
Оглядись спокойным взором,
Посмотри: во мгле сырой
Месяц, словно желтый ворон,
Кружит, вьется над землей.
Ну, целуй же! Так хочу я.
Песню тлен пропел и мне.
Видно, смерть мою почуял
Тот, кто вьется в вышине.
Увядающая сила!
Умирать так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.
Чтоб все время в синих дремах,
Не стыдясь и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я твоя».
И чтоб свет над полной кружкой
Легкой пеной не погас –
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз!

Данное стихотворение было создано в 1925 году и относится к позднему этапу творчества Есенина. Посвящено оно Софье Толстой, на которой он на момент написания произведения еще не был женат. Он ее не любил, был страстным ловеласом, а она любила его безумно, была сдержанной и строгой.

Его часто раздражало ее целомудрие и скромность, хотелось страсти и безумств. Об этом автор говорит уже в начале стихотворения: «…Не в ладу с холодной волей Кипяток сердечных струй…» – он сомневался, что они вообще смогут поладить. Очень скоротечный брак лишь подтвердил его догадки. Тем не менее, он уговаривает ее быть раскрепощеннее: «…Понимай, моя подружка,

На земле живут лишь раз!..».

Другой сквозной темой произведения является тема смерти, которую Сергей Александрович предвидел: «…Песню тлен пропел и мне. Видно, смерть мою почуял…». Он, словно, напоследок пытается насладиться плотскими утехами и вином, взять от этой жизни все, что возможно, пока еще есть такая возможность: «… Ну, целуй же! Так хочу я…», «…До кончины губы милой Я хотел бы целовать…» и «…В нежном шелесте черемух Раздавалось: «Я твоя»…».

Моя жизнь

Будто жизнь на страданья моя обречена;
Горе вместе с тоской заградили мне путь;
Будто с радостью жизнь навсегда разлучена,
От тоски и от ран истомилася грудь.
Будто в жизни мне выпал страданья удел;
Незавидная мне в жизни выпала доля.
Уж и так в жизни много всего я терпел,
Изнывает душа от тоски и от горя.
Даль туманная радость и счастье сулит,
А дойду – только слышатся вздохи да слезы,
Вдруг наступит гроза, сильный гром загремит
И разрушит волшебные, сладкие грезы.
Догадался и понял я жизни обман,
Не ропщу на свою незавидную долю.
Не страдает душа от тоски и от ран,
Не поможет никто ни страданьям, ни горю.

На момент написания этого стихотворения поэту было всего шестнадцать лет, но оно поражает своей зрелой мрачностью. С юношеским максимализмом утверждает он, что в жизни его будет мало радостных дней: «…Будто жизнь на страданья моя обречена…».

Вероятно, основной причиной пессимистического взгляда на жизнь явился неудачный роман с Анной Сардановской, которая считала поэзию никчемным занятием и не хотела связывать свою судьбу с таким человеком. Но автор ее искренне любил и считал расставание – предвестником будущих жизненных бурь: «…Будто в жизни мне выпал страданья удел…». Говорит о том, что и без того, несмотря на юный возраст, много всего плохого в жизни испытал: «…Уж и так в жизни много всего я терпел…».

Ему хочется надеяться, что путешествие в Москву с ее богемной жизнью изменит ситуацию к лучшему, но не слишком полагается на удачу: «…Даль туманная радость и счастье сулит, А дойду – только слышатся вздохи да слезы…». Он не уверен в своем таланте и своих силах, опасается разочарования: «…Вдруг наступит гроза, сильный гром загремит И разрушит волшебные, сладкие грезы…». Примечательно, что эти слова стали для него пророческими, он действительно вскоре разуверился в Москве, хотя и добился там литературного признания. Но и слава не принесла ему счастья.

Не жалею, не зову, не плачу…

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.
Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.
Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.
Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.
Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь…
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

Стихотворение создано в 1921 году двадцатишестилетним Сергеем Есениным, но по его тематике и глубине суждений, создается впечатление, что это творение глубокого старца, достойно прожившего жизнь и теперь подводящего ее итоги.

В первой же строчке поэт заявляет о том, что не жалеет ни о чем и ни о ком в своей жизни: «…Не жалею, не зову, не плачу…», напоминает, что жизнь быстротечна: «…Все пройдет, как с белых яблонь дым…» и считает себя старым: «…Увяданья золотом охваченный, Я не буду больше молодым…». Вероятно, это связано с тем, что к двадцати шести годам Есенин действительно многое повидал: простой деревенский мальчишка стал признанным литератором, успел побывать в браке, обзавестись детьми, попутешествовать, заслужить славу балагура и пьяницы.

Ему кажется, что пора уже и успокоиться, меньшего ожидать от жизни: «…Ты теперь не так уж будешь биться, Сердце, тронутое холодком…», прекратить путешествия и знакомство с новыми культурами: «…И страна березового ситца Не заманит шляться босиком…». Жизнь так быстро пролетела, что автор вопрошает: «…Жизнь моя? иль ты приснилась мне? Словно я весенней гулкой

ранью Проскакал на розовом коне…».

Завершает стихотворение очень философская фраза о тленности бытия: «…Все мы, все мы в этом мире тленны…» – совершенно не свойственная обычному молодому человеку, которому еще нет и тридцати лет. Но Есенин – не обычный юноша, он всегда выделялся из толпы и навсегда остался верен себе.

Звезды

Звездочки ясные, звезды высокие!
Что вы храните в себе, что скрываете?
Звезды, таящие мысли глубокие,
Силой какою вы душу пленяете?
Частые звездочки, звездочки тесные!
Что в вас прекрасного, что в вас могучего?
Чем увлекаете, звезды небесные,
Силу великую знания жгучего?
И почему так, когда вы сияете,
Маните в небо, в объятья широкие?
Смотрите нежно так, сердце ласкаете,
Звезды небесные, звезды далекие!

Стихотворение из раннего периода творчества поэта, создано в 1911 году шестнадцатилетним юношей. Оно наполнено романтическими ожиданиями, надеждами и иллюзиями. Легкое и простое, оно не претендует на философское осмысление жизни, как в других стихах этого же этапа, а призвано показать красоту ночного неба.

Ему хочется разгадать тайну звезд: «…Звездочки ясные, звезды высокие! Что вы храните в себе, что скрываете?», признается, что они его очаровывают: «…Силой какою вы душу пленяете?…» и ему кажется, что они знают ответы на все вопросы: «…Чем увлекаете, звезды небесные, Силу великую знания жгучего?…». Поэт пытается разгадать в чем их привлекательность: «…Что в вас прекрасного, что в вас могучего?…».

Догадывается, что в его жизни грядут серьезные перемены и пытается определить, к добру ли они будут, сбудутся ли его надежды в Москве: «…И почему так, когда вы сияете, Маните в небо, в объятья широкие?…». И хочет верить, что все задуманное сбудется: «…Смотрите нежно так, сердце ласкаете…».

Каждый труд благослови, удача!

Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку – чтоб с рыбой невода,
Пахарю – чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.
Воду пьют из кружек и стаканов,
Из кувшинок также можно пить –
Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.
Хорошо лежать в траве зеленой
И, впиваясь в призрачную гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный,
На себе, уставшем, вспоминать.
Коростели свищут… коростели…
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опростели
Под веселой ношею труда.
Только я забыл, что я крестьянин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам.
Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над болотом,
В душу плачут чибис и кулик.

Произведение создано в июле 1925 года во время отдыха поэта в селе Константиново. Но там он не бездельничал, помогал отцу на сенокосе и однажды отправился с артелью рыбаков за уловом, очень далеко от дома. Сергей Есенин всегда очень уважал людей, занятых физическим трудом. Он считал их настоящими, светлыми, искренними и не раз воспевал в своем творчестве: «… Потому так и светлы всегда Те, что в жизни сердцем опростели…».

Себя самого он противопоставляет им, считая лодырем, не заслуживающим уважения и оправдания: «…Только я забыл, что я крестьянин… Соглядатай праздный, я ль не странен…». В тайне завидует людям, сумевшим найти себя в каком-либо настоящем труде: «…Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный, На себе, уставшем, вспоминать…».

Поэт чувствует, что очень сильно отдалился от родной земли,

односельчан, от семьи и понимает, что он уже чужак дома: «… Словно жаль кому-то и кого-то, Словно кто-то к родине отвык…». И его это очень сильно расстраивает: «…И с того, поднявшись над болотом, В душу плачут чибис и кулик».

Пускай ты выпита другим…

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.
О возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.
Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.
Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце напилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.
И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.
Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными – кладбища и хаты.
Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.
Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

Произведение создано в 1923 году и посвящено Августе Миклашевской – зрелой женщине намного старше поэта и состоявшейся в профессии лицедейства. Но только рядом с ней Сергей Есенин чувствует себя повзрослевшим, понимает, что время шумных гуляний и хулиганства в прошлом. Она действует на него отрезвляюще, заставляет иначе увидеть многие вещи.

Поэт понимает, что она не девочка, а женщина и поэтому

начинает стихотворение словами: «…Пускай ты выпита другим…», но что-то осталось и для него: «…Твоих волос стеклянный дым И глаз осенняя усталость…», признается, что ему нравится такая разница в возрасте: «…О возраст осени! Он мне Дороже юности и лета…». Ее влияние на него столь благотворно, что он готов изменить уклад своей жизни ради возлюбленной: «… Бестрепетно сказать могу, Что я прощаюсь с хулиганством…», «… Уж сердце напилось иной, Кровь отрезвляющею брагой…». Вероятно, с этой женщиной он смог бы обрести спасение и счастье: «…Что ты одна, сестра и друг, Могла быть спутницей поэта…».

Финальная часть стихотворения наполнена философским пониманием того, что жизнь следует принимать такой, какая она есть: «…Теперь со многим я мирюсь Без принужденья, без утраты…» и признается, что нуждается в ее мудром руководстве: «…Воспитываясь в постоянстве Пропеть о сумерках дорог И уходящем хулиганстве».

О верю, верю, счастье есть!

О верю, верю, счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благостную весть.
О верю, верю, счастье есть.
Звени, звени, златая Русь,
Волнуйся, неуемный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, златая Русь.
Люблю я ропот буйных вод
И на волне звезды сиянье.
Благословенное страданье,
Благословляющий народ.
Люблю я ропот буйных вод.

Стихотворение посвящено Родине и биографы относят его создание к 1918 году. К этому моменту Сергей Есенин еще не успел разочароваться в политике коммунистов, а потому произведение радостное и возвышенное. Для подчеркивания торжественности ситуации использованы два цвета – красный и золотой. Первый символизирует революцию, а второй – Русь: «… О верю, верю, счастье есть!.. Заря молитвенником красным… Звени, звени, златая Русь…».

Душу автора переполняют надежды на лучшее будущее для любимой страны: «…Пророчит благостную весть. О верю, верю, счастье есть…», «…Блажен, кто радостью отметил Твою пастушескую грусть…». Он глубоко убежден, что вскоре жизнь народа улучшится, станет легче и радостней, а в деревни вновь вернутся люди, оживив их, прекратятся извечные страданья: «… Благословенное страданье, Благословляющий народ…».

Структура стихотворения построена таким образом, что каждая строфа начинается и заканчивается одинаковой фразой, образуя единый смыслообразующий рефрен: «О верю, верю, счастье есть. Звени, звени, златая Русь».

За горами, за желтыми долами…

За горами, за желтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее полымя,
И обвитый крапивой плетень.
Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок.
Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь –
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.
Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться любви и кресту.
Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою.

Стихотворение создано в 1916 году и навеяно любовью к Анне Алексеевне Сардановской. Она была родственницей Ивана Яковлевича Смирнова – священника села Константиново, отсюда и религиозная тематика. Молодые люди часто встречались в доме святого отца, где собиралась вся одаренная молодежь, поэтому воспоминания об этом времени у поэта остались самые светлые.

В произведении Сергей Есенин называет возлюбленную бедной странницей: «…Ты идешь, моя бедная странница…», наделяет ее скромностью и целомудрием: «…Кроток дух монастырского жителя, Жадно слушаешь ты ектенью…». Использует средства художественной выразительности: «… небесный песок… И звенит придорожными травами От озер водяной ветерок… Полюбил я тоской журавлиною… синь затуманится…»; церковную лексику: «…над церковными главами… На высокой горе монастырь… Поклониться любви и кресту… дух монастырского жителя… перед ликом Спасителя…».

Сюжетная линия проста и рассказывает о любви парня и девушки. Верный себе, Есенин мастерски описывает природу: «… За горами, за желтыми долами… Вижу лес и вечернее полымя, И

обвитый крапивой плетень…». Лишь последняя строчка вносит нотку печали в эту идиллическую картину: «…Помолись перед ликом Спасителя За погибшую душу мою» – словно поэт знает, что ему не только не суждено быть рядом с этой девушкой, но и то, что его душе действительно понадобится спасение.

Весна на радость не похожа…

Весна на радость не похожа,
И не от солнца желт песок.
Твоя обветренная кожа
Лучила гречневый пушок.
У голубого водопоя
На шишкоперой лебеде
Мы поклялись, что будем двое
И не расстанемся нигде.
Кадила темь, и вечер тощий
Свивался в огненной резьбе,
Я проводил тебя до рощи,
К твоей родительской избе.
И долго, долго в дреме зыбкой
Я оторвать не мог лица,
Когда ты с ласковой улыбкой
Махал мне шапкою с крыльца.

Стихотворение датировано 1916 годом и посвящено близкому другу поэта Л. И. Каннегисеру. Через некоторое время этой дружбе пришел конец из-за политических разногласий и последующего убийства последним председателя Петроградского ЧК М. Урицкого. Тем не менее, в память о тех днях, когда молодые люди были по-настоящему дружны, осталось это произведение.

Известно, что Леонид Иоакимович Каннегисер даже некоторое время гостил у Есенина в Константиново и вскоре появился этот стих. Согласно сюжета, два молодых человека на фоне деревенской природы обещают друг другу пронести их дружбу через всю жизнь: «…У голубого водопоя На шишкоперой лебеде…», «…Мы поклялись, что будем двое И не расстанемся нигде…». Автор использует средства художественной выразительности: «…Кадила темь, и вечер тощий Свивался в огненной резьбе…», «…в дреме зыбкой…».

На момент написания стихотворения, Есенин сам искренне верит в дружеские чувства товарища и радуется, что обрел единомышленника. Он еще не предполагает, что дружбе скоро придет конец, а самого Сергея Александровича от беды спасет только то, что его имя нигде официально не упомянуто и его нет в Петрограде на момент убийства М. Урицкого.

Ах, как много на свете кошек…

Ах, как много на свете кошек,
Нам с тобой их не счесть никогда.
Сердцу снится душистый горошек,
И звенит голубая звезда.
Наяву ли, в бреду иль спросонок,
Только помню с далекого дня –
На лежанке мурлыкал котенок,
Безразлично смотря на меня.
Я еще тогда был ребенок,
Но под бабкину песню вскок
Он бросался, как юный тигренок,
На оброненный ею клубок.
Все прошло. Потерял я бабку,
А еще через несколько лет
Из кота того сделали шапку,
А ее износил наш дед.

Данное произведение создано в сентябре 1925 года и поводом для его написания послужила реальная история, рассказанная Александрой Александровной Есениной – младшей сестрой автора. В один из погожих осенних деньков Есенин предложил сестре и Софье Андреевне Толстой прокатиться на извозчике. На пути им встретилось много кошек, что заметила Александра и рассказала об этом остальным. Тогда Сергей Александрович предложил попробовать сосчитать их всех, которые встретятся им на пути. Затея сильно увлекла и развеселила поэта и на следующий день было написано стихотворение о кошках, посвященное сестре Александре.

По сюжету поэт возвращается в свое детство в родной деревне и чувствует запах душистого горошка: «…Сердцу снится душистый горошек, И звенит голубая звезда…». Описывает деревенский быт, любимую бабушку и озорного котенка, сравнивая того с тигренком: «…На лежанке мурлыкал котенок… Но под бабкину песню вскок Он бросался, как юный тигренок…».

Типичным для поздней лирики автора, является появление темы смерти в финале произведения: «…Все прошло. Потерял я бабку…» и «…Из кота того сделали шапку…». Но даже и шапка из бедного животного не сохранилась, поскольку ее износил дед: «… А ее износил наш дед». Идея в том, что все течет и все изменяется, нет ничего вечного и постоянного на земле.

Разбуди меня завтра рано…

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.
Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.
На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.
Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.
Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров…
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

Стихотворение навеяно ожиданиями от происходящих политических трансформаций в обществе. Речь идет об Октябрьской революции, которую Сергей Есенин воспринимает весьма тепло, веря в лучшее будущее как для народа, так и для Родины, в целом.

Строчка «…Разбуди меня завтра рано…» говорит о том, что поэт хочет быть в авангарде позитивных перемен, на которые он так надеется. Мать – это Родина, а дорогой гость – большевики: «…Дорогого гостя встречать…». Далее, автор говорит: «…И игриво взмахнет кобылица Над равниною красным хвостом» – грянет революция. Он на самом деле уверен, что она принесет только хорошее.

Себя Есенин надеется вскоре видеть знаменитым: «…Говорят, что я скоро стану Знаменитый русский поэт…». В последствии, жесткая критика именно этой строчки заставит поэта смотреть на вещи под другим углом, чуть реальнее. А горечь от не оправдавшихся надежд на революцию еще долго будет чувствоваться во всем его творчестве.

Королева

Пряный вечер. Гаснут зори.
По траве ползет туман,
У плетня на косогоре
Забелел твой сарафан.
В чарах звездного напева
Обомлели тополя.
Знаю, ждешь ты, королева,
Молодого короля.
Коромыслом серп двурогий
Плавно по небу скользит.
Там, за рощей, по дороге
Раздается звон копыт.
Скачет всадник загорелый,
Крепко держит повода.
Увезет тебя он смело
В чужедальни города.
Пряный вечер. Гаснут зори.
Слышен четкий храп коня.
Ах, постой на косогоре
Королевой у плетня.

Произведение создано в 1913 году и посвящено Анне Сардановской. Именно ее поэт много лет считал королевой своего сердца. И хотя на момент написания стихотворения он состоял в гражданском браке с Анной Изрядновой, ждущей от него ребенка, в воспоминаниях и мечтах он обращается к другой девушке. Более того, события в стихе развиваются в настоящем времени: «…По траве ползет туман, У плетня на косогоре Забелел твой сарафан…», поддерживая иллюзию реальности происходящего.

Это чувство когда-то было взаимным и автор верит, что она его до сих пор любит и ждет: «…Знаю, ждешь ты, королева, Молодого короля…», где молодой король – сам Есенин. Он не сомневается, что будет вместе с этой девушкой и увезет ее в дальние страны: «…Увезет тебя он смело В чужедальни города…», хотя она к этому времени уже несколько раз отвергла его ухаживания.

К сожалению, сама Анна Сардановская вышла замуж за другого человека и вскоре погибла во время родов, но эту первую и настоящую любовь поэт запомнил навсегда.

Шел господь пытать людей в любови…

Шел Господь пытать людей в любови,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом в дуброве,
Жамкал деснами зачерствелую пышку.
Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: «Вишь, какой убогой, –
Знать, от голода качается, болезный».
Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь…
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй… маленько крепче будешь».

Стихотворение из первой части сборника «Радуница» – «Русь», написанное в 1914 году. С раннего детства Сергей Есенин был очень религиозным, чему поспособствовала бабушка и паломничество с ней в Радовицкий монастырь, мальчик пел в хоре, звонил в колокола и прислуживал в алтаре.

В качестве сюжета выступает явление воскресшего Господа в образе нищего странника. Старый дед не узнает его, но чувствует к нему сострадание и делится черствой пышкой – это значит, что добро на земле еще существует.

Примечателен язык, использованный автором: для старого деда просторечный, разговорный: «Жамкал деснами, зачерствелую пышку, Увидал дед, Вишь, какой убогой, болезный», а для Господа торжественный, возвышенный: «в любови, скрывая скорбь и муку». Также в произведении использован мотив странника, что характерно для лирики Есенина. И в роли такого странника выступает сам Спаситель – только обойдя всю землю, можно понять как живут люди.

На небесном синем блюде…

На небесном синем блюде
Желтых туч медовый дым.
Грезит ночь. Уснули люди.
Только я тоской томим.
Облаками перекрещен,
Сладкий дым вдыхает бор.
За кольцо небесных трещин
Тянет пальцы косогор.
На болоте крячет цапля,
Четко хлюпает вода,
А из туч глядит, как капля,
Одинокая звезда.
Я хотел бы в мутном дыме
Той звездой поджечь леса
И погибнуть вместе с ними,
Как зарница – в небеса.

Природа у Сергея Есенина одушевленная: «…Облаками перекрещен, Сладкий дым вдыхает бор…», «…Тянет пальцы косогор…», «…А из туч глядит, как капля, Одинокая звезда…». Он верил, что все мы – дети природы, поэтому не делал различий между людьми, животными и растениями.

В стихотворении очевидна специфическая колористика: синий цвет – знак спокойствия, умиротворенности, Руси; голубой – беззаветной радости и легкости; красный – любви, действия. Поэт часто использует эти цвета в своем творчестве для подчеркивания той или иной мысли, идеи.

Широко применение олицетворений, приемов художественной образности: «…На небесном синем блюде Желтых туч медовый дым…», «…За кольцо небесных трещин Тянет пальцы косогор…». Традиционна и тема смерти: «…И погибнуть вместе с ними, Как зарница – в небеса».

Ты запой мне ту песню, что прежде…

Ты запой мне ту песню, что прежде
Напевала нам старая мать.
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.
Я ведь знаю, и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожь –
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.
Ты мне пой, ну, а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою –
Вижу вновь дорогие черты.
Ты мне пой. Ведь моя отрада –
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.
Ты мне пой, ну, а я припомню
И не буду забывчиво хмур:
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.
Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.
Потому так и сердцу не жестко –
Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.

Данное стихотворение было создано в сентябре 1925 года совсем не за долго до гибели Сергея Есенина и посвящено его младшей сестре – Александре. Несмотря на политические разногласия, – Александра горячо поддерживала большевиков, – между ними были очень теплые семейные отношения.

Предчувствуя скорую гибель, поэт в своих воспоминаниях обращается к любимому дому, родной природе, народным верованиям и песням. Одну из таких песен он и просит для него исполнить сестру: «…Ты запой мне ту песню, что прежде Напевала нам старая мать…», обещает постараться подпевать: «… Не жалея о сгибшей надежде, Я сумею тебе подпевать…». Он

признается, что образ дома всегда в его мыслях, даже если и сам он за тысячи километров от Константиново: «…Лишь немного глаза прикрою – Вижу вновь дорогие черты…». Эта песня напоминает ему родную природу: «…И калитку осеннего сада, И опавшие листья с рябин… мать и тоскующих кур…».

Сестру он представляет березкой – молодым деревцем, которое так легко сломать и которое послушно тянет свои веточки вслед за постоянно меняющимся ветром политических решений: «…Показалась ты той березкой, Что стоит под родимым окном…».

Сосна и река

Возле долины журча,
Река протекала глубокая.
Над рекой, верхушку склоня,
Стояла сосна одинокая.
Весёлые дни проходили
В беседе с журчащей водой.
Они в ней себе находили
Весёлый отрадный покой.
Зимою сосна засыпала,
Река покрывалася льдом,
И вьюга сосну обсыпала
Сугробами снега кругом.
А чуть лишь весна наступала,
Сосна просыпалася вдруг.
Оковы река разрывала
И разливалась вокруг.
Долина, водой залитая,
Реку представляла широкую,
И блеском солнца река залитая
Окружала сосну одинокую.
Сосна от воды подгнивала,
И с каждым ей днём становилося хуже.
В долине вода пропадала,
Река становилася уже.
Вода вся в долине пропала
И в блеске полном явилася весна.
Подгнившая сильно сосна
В глубокую речку упала.

Это одно из самых ранних стихотворений Сергея Есенина, написанное в 1911 году. Оно откровенно слабое и недоработанное как по форме, так и по содержанию. Очевидно, поэт вообще не воспринимал его серьезно и не собирался публиковать.

Тем не менее, оно было обнаружено случайно в ученической тетрадке старого приятеля поэта – Гриши Панфилова. Сюжет простой и незамысловатый: о дружбе сосны и реки. А поскольку вся природа у автора одушевлена, и река, и сосна наделены своими характеристиками, могут разговаривать и совершать иные действия: «…Река протекала глубокая… Стояла сосна

одинокая…», «…В беседе с журчащей водой. Они в ней себе находили Весёлый отрадный покой…».

Единственное, что осталось неизменным и в более поздних, глубоких и совершенных стихах Есенина – это печальный финал: «…Подгнившая сильно сосна В глубокую речку упала».

Мелколесье. Степь и дали…

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.
Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.
Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец – крестьянин,
Ну, а я – крестьянский сын.
Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.
Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.
Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.
Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Не одна лихая слава
Пропадала трын-травой.

Стихотворение создано в 1925 году во время визита Сергея Есенина в Константиново и посвящено русской природе. Желая добиться славы на литературном поприще, он не мог оставаться в родной деревне, а вернувшись туда через какое-то время из столицы, понял, что стал чужим этим краям. Отсюда столько горечи и тоски.

Путь домой – всегда самый лучший, даже если в обычной дороге нет ничего примечательного. Она прекрасна уже тем, что родная: «…Неприглядная дорога, Да любимая навек…». Автор подчеркивает, что сам имеет непосредственное отношение к деревне: «…У меня отец – крестьянин, Ну, а я – крестьянский

сын…». Слава никогда не заменит человеку родного края: «… Наплевать мне на известность…», «…Тот, кто видел хоть однажды Этот край и эту гладь…». Поэт так сильно тоскует по родной стороне и так радуется встрече со знакомым с детства пейзажем, что готов целовать эту землю, цветы и деревья: «…почти березке каждой Ножку рад поцеловать…».

Заканчивается произведение переливами гармошки, которую автор называет «смерть-отрава» из-за того эффекта который она оказывает на русскую душу: от беззаботного веселья до жуткой тоски: «…Эх, гармошка, смерть-отрава, Знать, с того под этот вой…».

Весенний вечер

Тихо струится река серебристая
В царстве вечернем зеленой весны.
Солнце садится за горы лесистые.
Рог золотой выплывает луны.
Запад подернулся лентою розовой,
Пахарь вернулся в избушку с полей,
И за дорогою в чаще березовой
Песню любви затянул соловей.
Слушает ласково песни глубокие
С запада розовой лентой заря.
С нежностью смотрит на звезды далекие
И улыбается небу земля.

Стихотворение создано в 1912 году и на тот момент Есенин еще не был знаменитым. Посвящено оно, как и подавляющее большинство его произведений, природе, а точнее, селу Константиново, по которому он сильно скучает.

Сюжет простой и незамысловатый: наступление спокойного весеннего вечера в деревне: «…Тихо струится река серебристая В царстве вечернем зеленой весны…». Потрясающая наблюдательность и любовь к деталям – отличительная черта Сергея Александровича: «…Солнце садится за горы лесистые. Рог золотой выплывает луны…». Использованы средства художественной выразительности: «…Запад подернулся лентою розовой… Песню любви затянул соловей…».

Удивительно как грамотно всего в трех четверостишиях поэт не только красочно нарисовал весенний вечер, но и возвращение домой пахаря после тяжелого трудового дня: «…Пахарь вернулся в избушку с полей…», «…Слушает ласково песни глубокие С запада розовой лентой заря…».

Отойди от окна

Не ходи ты ко мне под окно
И зеленой травы не топчи,
Я тебя разлюбила давно,
Но не плачь, а спокойно молчи.
Я жалею тебя всей душою,
Что тебе до моей красоты?
Почему не даешь мне покою
И зачем так терзаешься ты?
Все равно я не буду твоею,
Я теперь не люблю никого,
Не люблю, но тебя я жалею,
Отойди от окна моего!
Позабудь, что была я твоею,
Что безумно любила тебя,
Я теперь не люблю, а жалею –
Отойди и не мучай себя.

Произведение датируется 1911 годом и посвящено несчастной любви к Анне Сардановской. По свидетельству биографов Сергея Есенина, именно эта девушка и была его единственной настоящей любовью. Их история закончилась печально: Анна вышла замуж за другого человека и умерла во время родов. Однако поэт помнил ее до последнего вздоха.

Стихотворение примечательно тем, что написано как бы от лица девушки к молодому человеку: «…Не ходи ты ко мне под окно И зеленой травы не топчи…». Поэт представляет себе вымышленный монолог Анны по отношению к нему и его любви: «…Я тебя разлюбила давно… Я жалею тебя всей душою…». Известно, что девушка не считала занятие творчеством серьезным, а потому отказалась встречаться с юным дарованием, хотя он много раз на протяжении нескольких лет добивался ее взаимности: «…Почему не даешь мне покою И зачем так терзаешься ты? Все равно я не буду твоею… Отойди от окна моего!..».

Даже спустя годы, автор так и не смог примириться с тем, что любовь красавицы оказалась такой скоротечной: «…Позабудь, что была я твоею, Что безумно любила тебя…», «…Отойди и не мучай себя».

По-осеннему кычет сова…

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.
Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.
Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.
Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветр,
По-осеннему шепчут листья.

Стихотворение создано в 1920 году и являет собой сожаление о безвозвратно ушедшей молодости. В 25 лет Сергей Есенин считает себя старым. Он не представляет себя стариком, словно, зная, что не доживет до преклонных лет. Свое душевное состояние поэт описывает с помощью осеннего пейзажа, как осень жизни.

Используя аллегорию, он сравнивает себя с деревом, теряющим листву: «…Облетает моя голова, Куст волос золотистый вянет…». Зима символизирует смерть и предвидя ее, он пишет: «…Скоро месяц, купаясь в снегу, Сядет в редкие кудри сына…» и «…Скоро мне без листвы холодеть, Звоном звезд насыпая уши…». Поэт никогда не считал себя по-настоящему талантливым и ему кажется, что с его уходом, его творчество также будет забыто: «…Без меня будут юноши петь, Не меня будут старцы слушать…Новый с поля придет поэт…».

Нет на земле ничего вечного и постоянного, все когда-нибудь заканчивается. Но если в природе за весной – смертью следует весна – рождение, то человек уходит навсегда. Такие мысли и чувства переполняют чуткую душу поэта: «…По-осеннему сыплет ветр, По-осеннему шепчут листья».

Душа грустит о небесах…

Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилица.
Люблю, когда на деревах
Огонь зеленый шевелится.
То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.
Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.
Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну…
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.

Стихотворение написано в 1919 году и посвящено хорошему другу Сергея Есенина – Александру Борисовичу Кусикову, одному из лидеров имажинистского направления. Как это часто бывает в жизни, позже пути друзей разошлись: последний остался жить в Берлине, а первый вернулся на любимую Родину.

Произведение выдержано в лучших традициях имажинистской школы – выпуклая, красочная образность, обилие метафор: «…Люблю, когда на деревах Огонь зеленый шевелится…» – так листву называет автор; или еще: «…То сучья золотых стволов, Как свечи, теплятся пред тайной…» – как аллюзия церковного трепетания свечей перед алтарем. Священное писание у автора «звезды слов» и он хочет сказать, что религия первоначальна: нас крестят при рождении и отпевают при смерти: «…И расцветают звезды слов На их листве первоначальной…».

Земное существование кажется поэту мукой: «…Но не стряхну я муку эту…». Все подчинено законам мироздания и четырем стихиям: огню – «теплящиеся как свечи сучья золотых стволов», земле – «земли глагол, нивы, деревья», воздуху – «комета, луна» и воде – «отразивший в водах дол». При этом, автор считает, что человеку никогда не суждено познать все тайны и загадки этого мира, поэтому ему хочется «прорасти глазами» в них: «…О, если б прорасти глазами, Как эти листья, в глубину» – в глубину вечности.

Мой путь

Жизнь входит в берега.
Села давнишний житель,
Я вспоминаю то,
Что видел я в краю.
Стихи мои,
Спокойно расскажите
Про жизнь мою.
Изба крестьянская.
Хомутный запах дегтя,
Божница старая,
Лампады кроткий свет.
Как хорошо,
Что я сберег те
Все ощущенья детских лет.
Под окнами
Костер метели белой.
Мне девять лет.
Лежанка, бабка, кот…
И бабка что-то грустное
Степное пела,
Порой зевая
И крестя свой рот.
Метель ревела.
Под оконцем
Как будто бы плясали мертвецы.
Тогда империя
Вела войну с японцем,
И всем далекие
Мерещились кресты.
Тогда не знал я
Черных дел России.
Не знал, зачем
И почему война.
Рязанские поля,
Где мужики косили,
Где сеяли свой хлеб,
Была моя страна.
Я помню только то,
Что мужики роптали,
Бранились в черта,
В бога и в царя.

Но им в ответ
Лишь улыбались дали
Да наша жидкая
Лимонная заря.
Тогда впервые
С рифмой я схлестнулся.
От сонма чувств
Вскуржилась голова.
И я сказал:
Коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплещу в слова.
Года далекие,
Теперь вы как в тумане.
И помню, дед мне
С грустью говорил:
«Пустое дело…
Ну, а если тянет –
Пиши про рожь,
Но больше про кобыл».
Тогда в мозгу,
Влеченьем к музе сжатом,
Текли мечтанья
В тайной тишине,
Что буду я
Известным и богатым
И будет памятник
Стоять в Рязани мне.
В пятнадцать лет
Взлюбил я до печенок
И сладко думал,
Лишь уединюсь,
Что я на этой
Лучшей из девчонок,
Достигнув возраста, женюсь.
Года текли.
Года меняют лица –
Другой на них
Ложится свет.
Мечтатель сельский –
Я в столице
Стал первоклассснейший поэт
И, заболев
Писательскою скукой,
Пошел скитаться я

Средь разных стран,
Не веря встречам,
Не томясь разлукой,
Считая мир весь за обман.
Тогда я понял,
Что такое Русь.
Я понял, что такое слава.
И потому мне
В душу грусть
Вошла, как горькая отрава.
На кой мне черт,
Что я поэт!..
И без меня в достатке дряни.
Пускай я сдохну,
Только…
Нет,
Не ставьте памятник в Рязани!
Россия… Царщина…
Тоска…
И снисходительность дворянства.
Ну что ж!
Так принимай, Москва,
Отчаянное хулиганство.
Посмотрим –
Кто кого возьмет!
И вот в стихах моих
Забила
В салонный вылощенный
Сброд
Мочой рязанская кобыла.
Не нравится?
Да, вы правы –
Привычка к Лориган
И к розам…
Но этот хлеб,
Что жрете вы, –
Ведь мы его того-с…
Навозом…
Еще прошли года.
В годах такое было,
О чем в словах
Всего не рассказать:
На смену царщине
С величественной силой

Рабочая предстала рать.
Устав таскаться
По чужим пределам,
Вернулся я
В родимый дом.
Зеленокосая,
В юбчонке белой
Стоит береза над прудом.
Уж и береза!
Чудная… А груди…
Таких грудей
У женщин не найдешь.
С полей обрызганные солнцем
Люди
Везут навстречу мне
В телегах рожь.
Им не узнать меня,
Я им прохожий.
Но вот проходит
Баба, не взглянув.
Какой-то ток
Невыразимой дрожи
Я чувствую во всю спину.
Ужель она?
Ужели не узнала?
Ну и пускай,
Пускай себе пройдет…
И без меня ей
Горечи немало –
Недаром лег
Страдальчески так рот.
По вечерам,
Надвинув ниже кепи,
Чтобы не выдать
Холода очей, –
Хожу смотреть я
Скошенные степи
И слушать,
Как звенит ручей.
Ну что же?
Молодость прошла!
Пора приняться мне
За дело,
Чтоб озорливая душа

Уже по-зрелому запела.
И пусть иная жизнь села
Меня наполнит
Новой силой,
Как раньше
К славе привела
Родная русская кобыла.

Русь советская

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.
На перекличке дружбы многих нет.
Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был восемь лет.
Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?
Здесь даже мельница – бревенчатая птица
С крылом единственным – стоит, глаза смежив.
Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли.
И там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.
А жизнь кипит.
Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют.
И в голове моей проходят роем думы:
Что родина?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.
И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита.
Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.
Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней –
Уж не село, а вся земля им мать».
Ах, родина! Какой я стал смешной.
На щеки впалые летит сухой румянец.
Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.
Вот вижу я:
Воскресные сельчане

У волости, как в церковь, собрались.
Корявыми, немытыми речами
Они свою обсуживают «жись».
Уж вечер. Жидкой позолотой
Закат обрызгал серые поля.
И ноги босые, как телки под ворота,
Уткнули по канавам тополя.
Хромой красноармеец с ликом сонным,
В воспоминаниях морщиня лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Перекоп.
«Уж мы его – и этак и раз-этак, –
Буржуя энтого… которого… в Крыму…»
И клены морщатся ушами длинных веток,
И бабы охают в немую полутьму.
С горы идет крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.
Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.
Ну что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе – и тем уж я доволен.
Пускай меня сегодня не поют –
Я пел тогда, когда был край мой болен.
Приемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.
Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверяла звуки
И песни нежные лишь только пела мне.
Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирев.
Но и тогда,
Когда во всей планете

Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

1 мая

Есть музыка, стихи и танцы,
Есть ложь и лесть…
Пускай меня бранят за стансы –
В них правда есть.

Я видел праздник, праздник мая –
И поражен.
Готов был сгибнуть, обнимая
Всех дев и жен.

Куда пойдешь, кому расскажешь
На чье-то «хны»,
Что в солнечной купались пряже
Балаханы?

Ну как тут в сердце гимн не высечь,
Не впасть как в дрожь?
Гуляли, пели сорок тысяч
И пили тож.

Стихи! стихи! Не очень лефте!
Простей! Простей!
Мы пили за здоровье нефти
И за гостей.

И, первый мой бокал вздымая,
Одним кивком
Я выпил в этот праздник мая
За Совнарком.

Второй бокал, чтоб так, не очень
Вдрезину лечь,
Я выпил гордо за рабочих
Под чью-то речь.

И третий мой бокал я выпил,
Как некий хан,
За то, чтоб не сгибалась в хрипе
Судьба крестьян.

Пей, сердце! Только не в упор ты,

Чтоб жизнь губя…
Вот потому я пил четвертый
Лишь за тебя.

Ах, метель такая, просто черт возьми!
Забивает крышу белыми гвоздьми.
Только мне не страшно, и в моей судьбе
Непутевым сердцем я прибит к тебе.

Батум

Корабли плывут
В Константинополь.
Поезда уходят на Москву.
От людского шума ль
Иль от скопа ль
Каждый день я чувствую
Тоску.

Далеко я,
Далеко заброшен,
Даже ближе
Кажется луна.
Пригоршнями водяных горошин
Плещет черноморская
Волна.

Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожаю всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

Может быть, из Гавра
Иль Марселя
Приплывет
Луиза иль Жаннет,
О которых помню я
Доселе,
Но которых
Вовсе – нет.

Запах моря в привкус
Дымно-горький,
Может быть,
Мисс Митчел
Или Клод
Обо мне вспомянут
В Нью-Йорке,
Прочитав сей вещи перевод.

Все мы ищем
В этом мире буром
Нас зовущие
Незримые следы.
Не с того ль,
Как лампы с абажуром,
Светятся медузы из воды?

Оттого
При встрече иностранки
Я под скрипы
Шхун и кораблей
Слышу голос
Плачущей шарманки
Иль далекий
Окрик журавлей.

Не она ли это?
Не она ли?
Ну да разве в жизни
Разберешь?
Если вот сейчас ее
Догнали
И умчали
Брюки клеш.

Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожаю всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

А другие здесь
Живут иначе.
И недаром ночью
Слышен свист, –
Это значит,
С ловкостью собачьей
Пробирается контрабандист.

Пограничник не боится

Быстри.
Не уйдет подмеченный им
Враг,
Оттого так часто
Слышен выстрел
На морских, соленых
Берегах.

Но живуч враг,
Как ни вздынь его,
Потому синеет
Весь Батум.
Даже море кажется мне
Индиго
Под бульварный
Смех и шум.

А смеяться есть чему
Причина.
Ведь не так уж много
В мире див.
Ходит полоумный
Старичина,
Петуха на темень посадив.

Сам смеясь,
Я вновь иду на пристань,
Провожаю всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

Береза

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
обсыпает ветки
Новым серебром.

Брату человеку

Тяжело и прискорбно мне видеть,
Как мой брат погибает родной.
И стараюсь я всех ненавидеть,
Кто враждует с его тишиной.

Посмотри, как он трудится в поле,
Пашет твердую землю сохой,
И послушай ты песни про горе,
Что поет он, идя бороздой.

Или нет в тебе жалости нежной
Ко страдальцу сохи с бороной?
Видишь гибель ты сам неизбежной,
А проходишь его стороной.

Помоги же бороться с неволей,
Залитою вином, и с нуждой!
Иль не слышишь, он плачется долей
В своей песне, идя бороздой?

В хате

Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою –
Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.
И зачем? Кому мне песни петь? –
Если стала неревнивой Шага,
Коль дверей не смог я отпереть,

Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстаюсь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья,
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не была…
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

Вечер, как сажа,
Льется в окно.
Белая пряжа
Ткет полотно.

Пляшет гасница,
Прыгает тень.
В окна стучится
Старый плетень.

Липнет к окошку
Черная гать.
Девочку-крошку
Байкает мать.

Взрыкает зыбка
Сонный тропарь:
«Спи, моя рыбка,
Спи, не гутарь».

Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.
Неудержимо, неповторимо
Все пролетело. далече… мимо…
Сердце остыло, и выцвели очи…
Синее счастье! Лунные ночи!

Воспоминание

Теперь октябрь не тот,
Не тот октябрь теперь.
В стране, где свищет непогода,
Ревел и выл
Октябрь, как зверь,
Октябрь семнадцатого года.

Я помню жуткий
Снежный день.
Его я видел мутным взглядом.
Железная витала тень
«Над омраченным Петроградом».

Уже все чуяли грозу,
Уже все знали что-то,
Знали,
Что не напрасно, знать, везут
Солдаты черепах из стали.

Рассыпались…
Уселись в ряд…
У публики дрожат поджилки…
И кто-то вдруг сорвал плакат
Со стен трусливой учредилки.

И началось…
Метнулись взоры,
Войной гражданскою горя,
И дымом пламенной «Авроры»
Взошла железная заря.

Свершилась участь роковая,
И над страной под вопли «матов»
Взметнулась надпись огневая:
«Совет Рабочих Депутатов».

«Вот оно, глупое счастье…»

Вот оно, глупое счастье,
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихо закат.

Здравствуй, златое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синею рясой
С поля ночной холодок…
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

«Вот уж вечер. Роса…»

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечки.

И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой.

«Все живое особой метой…»

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипятковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая, словесная груда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг…
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет!»

«Выткался на озере алый свет зари…»

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется – на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска веселая в алостях зари.

«Глупое сердце, не бейся!..»

Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участья…
Глупое сердце, не бейся.

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Лале склонясь на шальвары,
Я под чадрою укроюсь.
Глупое сердце, не бейся.

Все мы порою, как дети.
Часто смеемся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бейся.

Многие видел я страны.
Счастья искал повсюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бейся.

Жизнь не совсем обманула.
Новой напьемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бейся.

«Годы молодые с забубенной славой…»

Годы молодые с забубенной славой,
Отравил я сам вас горькою отравой.

Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли,
Были синие глаза, да теперь поблекли.

Где ты, радость? Темь и жуть, грустно и обидно.
В поле, что ли? В кабаке? Ничего не видно.

Руки вытяну – и вот слушаю на ощупь:
Едем… кони… сани… снег… проезжаем рощу.

«Эй, ямщик, неси вовсю! Чай, рожден не слабый.
Душу вытрясти не жаль по таким ухабам».

А ямщик в ответ одно: «По такой метели
Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели».

«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не с руки нам!»
Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам.

Бью, а кони, как метель, снег разносят в хлопья.
Вдруг толчок… и из саней прямо на сугроб я.

Встал и вижу: что за черт – вместо бойкой тройки,
Забинтованный лежу на больничной койке.

И заместо лошадей по дороге тряской
Бью я жесткую кровать мокрою повязкой.

На лице часов в усы закрутились стрелки.
Наклонились надо мной сонные сиделки.

Наклонились и храпят: «Эх ты: златоглавый,
Отравил ты сам себя горькою отравой.

Мы не знаем, твой конец близок ли, далек ли, –
Синие твои глаза в кабаках промокли».

«Голубая кофта. Синие глаза…»

Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Крутит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель».

«Грубым дается радость…»

Грубым дается радость,
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль.

Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак,
Эта прямая дорога
Меня привела в кабак.

Что ж вы ругаетесь, дьяволы?
Иль я не сын страны?
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны.

Мутно гляжу на окна,
В сердце тоска и зной.
Катится, в солнце измокнув,
Улица передо мной.

На улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.
Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с эфтой силой
В душу свою не лезь.

Я уж готов… Я робкий…
Глянь на бутылок рать!
Я собираю пробки –
Душу мою затыкать.

«Да! Теперь – решено. Без возврата…»

Да! Теперь – решено. Без возврата
Я покинул родные края.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пёс мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, сулил мне Бог.

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит… чёрт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь напролёт, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьётся всё чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
– Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пёс мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, сулил мне Бог.

Далекая веселая песня

Далеко-далеко от меня
Кто-то весело песню поет.
И хотел бы провто́рить ей я,
Да разбитая грудь не дает.

Тщетно рвется душа до нее,
Ищет звуков подобных в груди,
Потому что вся сила моя
Истощилась еще впереди.

Слишком рано я начал летать
За мечтой идеала земли,
Рано начал на счастье роптать,
Разбираясь в прожитой дали.

Рано пылкой душою своей
Я искал себе мрачного дня
И теперь не могу вторить ей,
Потому что нет сил у меня.

«День ушел, убавилась черта…»

День ушел, убавилась черта,
Я опять подвинулся к уходу.
Легким взмахом белого перста
Тайны лет я разрезаю воду.

В голубой струе моей судьбы
Накипи холодной бьется пена,
И кладет печать немого плена
Складку новую у сморщенной губы.

С каждым днем я становлюсь чужим
И себе, и жизнь кому велела.
Где-то в поле чистом, у межи,
Оторвал я тень свою от тела.

Неодетая она ушла,
Взяв мои изогнутые плечи.
Где-нибудь она теперь далече
И другого нежно обняла.

Может быть, склоняяся к нему,
Про меня она совсем забыла
И, вперившись в призрачную тьму,
Складки губ и рта переменила.

Но живет по звуку прежних лет,
Что, как эхо, бродит за горами.
Я целую синими губами
Черной тенью тиснутый портрет.

«До свиданья, друг мой, до свиданья…»

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, –
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

«Дорогая, сядем рядом…»

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых –
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень…
Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости,

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

«Дымом половодье…»

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.

Роща синим мраком
Кроет голытьбу…
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.

«Заглушила засуха засевки…»

Заглушила засуха засевки,
Сохнет рожь, и не всходят овсы.
На молебен с хоругвями девки
Потащились в комлях полосы.

Собрались прихожане у чащи,
Лихоманную грусть затая.
Загузынил дьячишко лядащий:
«Спаси, Господи, люди твоя».

Открывались небесные двери,
Дьякон бавкнул из кряжистых сил:
«Еще молимся, братья, о вере,
Чтобы Бог нам поля оросил».

Заливались веселые птахи,
Крапал брызгами поп из горстей,
Стрекотуньи-сороки, как свахи,
Накликали дождливых гостей.

Зыбко пенились зори за рощей,
Как холстины ползли облака,
И туманно быльнице тощей
Меж кустов ворковала река.

Скинув шапки, молясь и вздыхая,
Говорили промеж мужики:
«Колосилась-то ярь неплохая,
Да сгубили сухие деньки».

На коне – черной тучице в санках –
Билось пламя-шлея… синь и дрожь.
И кричали парнишки в еланках:
«Дождик, дождик, полей нашу рожь!»

«Задымился вечер, дремлет кот на брусе…»

Задымился вечер, дремлет кот на брусе,
Кто-то помолился: «Господи Исусе».

Полыхают зори, курятся туманы,
Над резным окошком занавес багряный.

Вьются паутины с золотой повети.
Где-то мышь скребется в затворенной клети…

У лесной поляны – в свяслах копны хлеба,
Ели, словно копья, уперлися в небо.

Закадили дымом под росою рощи…
В сердце почивают тишина и мощи.

«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха…»

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор,
Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Пусть послушает красавица прибаски жениха.

«Закружилась листва золотая…»

Закружилась листва золотая
В розоватой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак как стадо овец,
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.

Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть,
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать…
Где ты, где, моя тихая радость,
Все любя, ничего не желать?

«Заметался пожар голубой…»

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь – как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил.
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали…
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

«Запели тесаные дроги…»

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.

О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить –
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

«Заря окликает другую…»

Заря окликает другую,
Дымится овсяная гладь…
Я вспомнил тебя, дорогую,
Моя одряхлевшая мать.

Как прежде ходя на пригорок,
Костыль свой сжимая в руке,
Ты смотришь на лунный опорок,
Плывущий по сонной реке.

И думаешь горько, я знаю,
С тревогой и грустью большой,
Что сын твой по отчему краю
Совсем не болеет душой.

Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставясь в упор,
Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер.

Пускай мы росли ножевые,
А сестры росли, как май,
Ты все же глаза живые
Печально не подымай.

Довольно скорбеть! Довольно!
И время тебе подсмотреть,
Что яблоне тоже больно
Терять своих листьев медь.

Ведь радость бывает редко,
Как вешняя звень поутру,
И мне – чем сгнивать на ветках –
Уж лучше сгореть на ветру.

«Зашумели над затоном тростники…»

Зашумели над затоном тростники.
Плачет девушка-царевна у реки.

Погадала красна девица в семик.
Расплела волна венок из повилик.

Ах, не выйти в жены девушке весной,
Запугал ее приметами лесной.

На березке пообъедена кора, –
Выживают мыши девушку с двора.

Бьются кони, грозно машут головой, –
Ой, не любит черны косы домовой.

Запах ладана от рощи ели льют,
Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по бережку грустна,
Ткет ей саван нежнопенная волна.

«Зеленая прическа…»

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?

Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил печальный
Твой предосенний шум.

И мне в ответ березка:
«О любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.

Луна стелила тени,
Сияли зеленя.
За голые колени
Он обнимал меня.

И так, вдохнувши глубко,
Сказал под звон ветвей:
«Прощай, моя голубка,
До новых журавлей».

«Золото холодное луны…»

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.

Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.

Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травою.
Ты же, путник, мертвым не внемли,
Не склоняйся к плитам головою.

Оглянись, как хорошо другом:
Губы к розам так и тянет, тянет.
Помирись лишь в сердце со врагом –
И тебя блаженством ошафранит.

Жить – так жить, любить – так уж влюбляться.
В лунном золоте целуйся и гуляй,
Если ж хочешь мертвым поклоняться,
То живых тем сном не отравляй.

Это пела даже Шахразада, –
Так вторично скажет листьев медь.
Тех, которым ничего не надо,
Только можно в мире пожалеть.

И. Д. Рудинскому

Солнца луч золотой
Бросил искру свою
И своей теплотой
Согрел душу мою.

И надежда в груди
Затаилась моей;
Что-то жду впереди
От грядущих я дней.

Оживило тепло,
Озарил меня свет.
Я забыл, что прошло
И чего во мне нет.

Загорелася кровь
Жарче дня и огня.
И светло и тепло
На душе у меня.

Чувства полны добра,
Сердце бьется сильней.
Оживил меня луч
Теплотою своей.

Я с любовью иду
На указанный путь,
И от мук и тревог
Не волнуется грудь.

«Издатель славный! В этой книге…»

Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.

Пускай о многом неумело
Шептал бумаге карандаш,
Душа спросонок хрипло пела,
Не понимая праздник наш.

Но ты видением поэта
Прочтешь не в буквах, а в другом,
Что в той стране, где власть Советов,
Не пишут старым языком.

И, разбирая опыт смелый,
Меня насмешке не предашь, –
Лишь потому так неумело
Шептал бумаге карандаш.

Исповедь самоубийцы

Простись со мною, мать моя,
Я умираю, гибну я!
Больную скорбь в груди храня,
Ты не оплакивай меня.

Не мог я жить среди людей,
Холодный яд в душе моей.
И то, чем жил и что любил,
Я сам безумно отравил.

Своею гордою душой
Прошел я счастье стороной.
Я видел пролитую кровь
И проклял веру и любовь.

Я выпил кубок свой до дна,
Душа отравою полна.
И вот я гасну в тишине,
Но пред кончиной легче мне.

Я стер с чела печать земли,
Я выше трепетных в пыли.
И пусть живут рабы страстей –
Противна страсть душе моей.

Безумный мир, кошмарный сон,
А жизнь есть песня похорон.
И вот я кончил жизнь мою,
Последний гимн себе пою.

А ты с тревогою больной
Не плачь напрасно
Надо мной.

К покойнику

Уж крышку туго закрывают,
Чтоб ты не мог навеки встать,
Землей холодной зарывают,
Где лишь бесчувственные спят.

Ты будешь нем на зов наш зычный,
Когда сюда к тебе придем.
И вместе с тем рукой привычной
Тебе венков мы накладем.

Венки те красотою будут,
Могила будет в них сиять.
Друзья тебя не позабудут
И будут часто вспоминать.

Покойся с миром, друг наш милый,
И ожидай ты нас к себе.
Мы перетерпим горе с силой,
Быть может, скоро и придем к тебе.

«Какая ночь! Я не могу…»

Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне. Такая лунность.
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело, –
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз,
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, синий
На этих липах не цветы –
На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я – другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь недорогую.

Но все ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

Калики

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церквей пред затворами древними
Поклонялись пречистому Спасу.

Пробиралися странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Исусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
«Все единому служим мы господу,
Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо:
«Девки, в пляску! Идут скоморохи!»

Кантата

Спите, любимые братья,
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Новые в мире зачатья,
Зарево красных зарниц…
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.

Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот…
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.

Капитан земли

Еще никто
Не управлял планетой,
И никому
Не пелась песнь моя.
Лишь только он,
С рукой своей воздетой,
Сказал, что мир –
Единая семья.

Не обольщен я
Гимнами герою,
Не трепещу
Кровопроводом жил.
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.

Не то что мы,
Которым все так
Близко, –
Впадают в диво
И слоны…
Как скромный мальчик
Из Симбирска
Стал рулевым
Своей страны.

Средь рева волн
В своей расчистке,
Слегка суров
И нежно мил,
Он много мыслил
По-марксистски,
Совсем по-ленински
Творил.

Нет!
Это не разгулье Стеньки!
Не пугачевский

Бунт и трон!
Он никого не ставил
К стенке.
Все делал
Лишь людской закон.

Он в разуме,
Отваги полный,
Лишь только прилегал
К рулю,
Чтобы об мыс
Дробились волны,
Простор давая
Кораблю.

Он – рулевой
И капитан,
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия его –
Матросы.

Не трусь,
Кто к морю не привык:
Они за лучшие
Обеты
Зажгут,
Сойдя на материк,
Путеводительные светы.

Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,
А он меж вами
Споет вам песню
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.

Он скажет:
«Только тот пловец,
Кто, закалив

В бореньях душу,
Открыл для мира наконец
Никем не виданную
Сушу».

Капли

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.

Люди, веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.

Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы чувства тяжелого.
Тихо скользите по стеклам и бродите,
Точно как ищете что-то веселого.

Люди несчастные, жизнью убитые,
С болью в душе вы свой век доживаете.
Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете.

«Край любимый! Сердцу снятся…»

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

По меже, на переметке,
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы – кроткие монашки.

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

Кузнец

Душно в кузнице угрюмой,
И тяжел несносный жар,
И от визга и от шума
В голове стоит угар.
К наковальне наклоняясь,
Машут руки кузнеца,
Сетью красной рассыпаясь,
Вьются искры у лица.
Взор отважный и суровый
Блещет радугой огней,
Словно взмах орла, готовый
Унестись за даль морей…
Куй, кузнец, рази ударом,
Пусть с лица струится пот.
Зажигай сердца пожаром,
Прочь от горя и невзгод!
Закали свои порывы,
Преврати порывы в сталь
И лети мечтой игривой
Ты в заоблачную даль.
Там вдали, за черной тучей,
За порогом хмурых дней,
Реет солнца блеск могучий
Над равнинами полей.
Тонут пастбища и нивы
В голубом сиянье дня,
И над пашнею счастливо,
Созревают зеленя.
Взвейся к солнцу с новой силой,
Загорись в его лучах.
Прочь от робости постылой.
Сбрось скорей постыдный страх.

«Матушка в Купальницу по лесу ходила…»

Матушка в Купальницу по лесу ходила,
Босая, с подтыками, по росе бродила.

Травы ворожбиные ноги ей кололи,
Плакала родимая в купырях от боли.

Не дознамо печени судорга схватила,
Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле.
Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье наготове,
Выбираю удалью и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю
Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

«Мелколесье. Степь и дали…»

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец – крестьянин,
Ну, а я – крестьянский сын.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.

Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Не одна лихая слава
Пропадала трын-травой.

«Мир таинственный, мир мой древний…»

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть…
Здравствуй ты, моя чёрная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягучее колко,
Это песня звериных прав!..
…Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал… и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки…
Вдруг прыжок… и двуного недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даёшься ножу!
Как и ты, я, отвсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты, я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу…
Всё же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

«Мне грустно на тебя смотреть…»

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада…
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

«Мои мечты стремятся вдаль…»

Мои мечты стремятся вдаль,
Где слышны вопли и рыданья,
Чужую разделить печаль
И муки тяжкого страданья.

Я там могу найти себе
Отраду в жизни, упоенье,
И там, наперекор судьбе,
Искать я буду вдохновенья.

«Мы теперь уходим понемногу…»

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящим
Я не в силах скрыть своей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве,
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящим
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

На Кавказе

Издревле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.

Здесь Пушкин в чувственном огне
Слагал душой своей опальной:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

И Лермонтов, тоску леча,
Нам рассказал про Азамата,
Как он за лошадь Казбича
Давал сестру заместо злата.

За грусть и жёлчь в своем лице
Кипенья желтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.

И Грибоедов здесь зарыт,
Как наша дань персидской хмари,
В подножии большой горы
Он спит под плач зурны и тари.

А ныне я в твою безглядь
Пришел, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрыдать
Иль подсмотреть свой час кончины!

Мне все равно! Я полон дум
О них, ушедших и великих.
Их исцелял гортанный шум
Твоих долин и речек диких.

Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон шагов
Да видеть с гор глухие дали.

И я от тех же зол и бед

Бежал, навек простясь с богемой,
Зане созрел во мне поэт
С большой эпическою темой.

Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

И Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочел –
И в клетке сдохла канарейка.

Других уж нечего считать,
Они под хладным солнцем зреют.
Бумаги даже замарать
И то, как надо, не умеют.

Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,
Ты научи мой русских стих
Кизиловым струиться соком.

Чтоб, воротясь опять в Москву,
Я мог прекраснейшей поэмой
Забыть ненужную тоску
И не дружить вовек с богемой.

И чтоб одно в моей стране
Я мог твердить в свой час прощальный:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

«На плетнях висят баранки…»

На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льет теплынь.
Солнца струганые дранки
Загораживают синь.

Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлистого приволья
Гнутся травы, мнется лист.

Дробь копыт и хрип торговок,
Пьяный пах медовых сот.
Берегись, коли не ловок:
Вихорь пылью разметет.

За лещужною сурьмою –
Бабий крик, как поутру.
Не твоя ли шаль с каймою
Зеленеет на ветру?

Ой, удал и многосказен
Лад веселый на пыжну.
Запевай, как Стенька Разин
Утопил свою княжну.

Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой
Напоенный сердцем взгляд.

«Над окошком месяц. Под окошком ветер…»

Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий –
И такой родимый, и такой далекий.

Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу.

«Не бродить, не мять в кустах багряных…»

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи –
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

«Не ветры осыпают пущи…»

Не ветры осыпают пущи,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.

Я вижу – в просиничном плате,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.

Она несет для мира снова
Распять воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорюй и полднюй у куста».

И в каждом страннике убогом
Я вызнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях – крылья херувима,
А под пеньком – голодный Спас.

«Не криви улыбку, руки теребя…»

Не криви улыбку, руки теребя, –
Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо –
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно –
Просто захотелось заглянуть в окно.

«Не напрасно дули ветры…»

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Не гнетет немая млечность
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность
Как родительский очаг.

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.

И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

«Не ругайтесь! Такое дело!..»

Не ругайтесь! Такое дело!
Не торговец я на слова.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.

Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же смог я ее донести?
Брошу все. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги,
Перекину за плечи суму,
Оттого что в полях забулдыге
Ветер больше поет, чем кому.

Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи,
Лишь забыться и слушать пургу,
Оттого что без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.

«Несказанное, синее, нежное…»

Несказанное, синее, нежное…
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя – поле безбрежное –
Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляну.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что сталось в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом году –
Слишком мало я в юности требовал,
Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь,
Так же гнется, как в поле трава…
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!

«Неуютная жидкая лунность…»

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин, –
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес…
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное.
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною…
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

«Нивы сжаты, рощи голы…»

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

«Низкий дом с голубыми ставнями…»

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда, –
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые серењким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь,
Да ракитник, кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевењким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года…
Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

«Никогда я не был на Босфоре…»

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени – Россия –
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки –
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляну,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре –
Я тебе придумаю о нем.
Все равно – глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

«О Русь, взмахни крылами…»

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в златой ряднине
Твой Алексей Кольцов.

В руках – краюха хлеба,
Уста – вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.

За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его середний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избраздил весь край
И выбрал кличку – Клюев,
Смиренный Миколай.

Монашьи мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц

И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.

Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь –
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

«Опять раскинулся узорно…»

Опять раскинулся узорно
Над белым полем багрянец,
И заливается задорно
Нижегородский бубенец.

Под затуманенною дымкой
Ты кажешь девичью красу,
И треплет ветер под косынкой
Рыжеволосую косу.

Дуга, раскалываясь, пляшет,
То выныряя, то пропав,
Не заворожит, не обмашет
Твой разукрашенный рукав.

Уже давно мне стала сниться
Полей малиновая ширь,
Тебе – высокая светлица,
А мне – далекий монастырь.

Там синь и полымя воздушней
И легкодымней пелена.
я буду ласковый послушник,
А ты – разгульная жена.

И знаю я, мы оба станем
Грустить в упругой тишине:
Я по тебе – в глухом тумане,
А ты заплачешь обо мне.

Но и поняв, я не приемлю
Ни тихих ласк, ни глубины.
Глаза, увидевшие землю,
В иную землю влюблены.

Осень

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень, рыжая кобыла, чешет гривы.

Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

Памяти Брюсова

Мы умираем,
Сходим в тишь и грусть,
Но знаю я –
Нас не забудет Русь.

Любили девушек,
Любили женщин мы –
И ели хлеб
Из нищенской сумы.

Но не любили мы
Продажных торгашей.
Планета, милая, –
Катись, гуляй и пей.

Мы рифмы старые
Раз сорок повторим.
Пускать сумеем
Гоголя и дым.

Но все же были мы
Всегда одни.
Мой милый друг,
Не сетуй, не кляни!

Вот умер Брюсов,
Но помрем и мы, –
Не выпросить нам дней
Из нищенской сумы.

Но крепко вцапались
Мы в нищую суму.
Валерий Яклевич!
Мир праху твоему!

Пасхальный благовест

Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.

Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздается
Голос по лесам.

Скрылась за рекою
Белая луна,
Звонко побежала
Резвая волна.

Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.

Песнь о хлебе

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл – страдания людей!
Режет серп тяжелые колосья
Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью поутру.
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как желтый труп.

На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп – овин.
Словно дьякон, на кобылу гаркнув,
Чтит возница погребальный чин.

А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле
И цепами маленькие кости
Выбирают из худых телес.

Никому и в голову не встанет,
Что солома – это тоже плоть!..
Людоедке-мельнице – зубами
В рот суют те кости обмолоть

И, из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств…
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы класть.

Все побои ржи в припек окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмяный сок,
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишок.

И свистят, по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей…
Оттого что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.

Письмо к женщине

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.
Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел –
Катиться дальше, вниз.
Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.
Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму –
Куда несет нас рок событий.
Лицом к лицу
Лица не увидать.

Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь –
Корабль в плачевном состояньи.
Земля – корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был –
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрачивал в скандалах.
Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий…

Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!
Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был,
И что со мною сталось!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ла-Манша.
Простите мне…
Я знаю: вы не та –
Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.
Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

«Плачет метель, как цыганская скрипка…»

Плачет метель, как цыганская скрипка.
Милая девушка, злая улыбка,
Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не надо.

Так мы далеки и так не схожи –
Ты молодая, а я все прожил.
Юношам счастье, а мне лишь память
Снежною ночью в лихую замять.

Я не заласкан – буря мне скрипка.
Сердце метелит твоя улыбка.

Плясунья

Ты играй, гармонь, под трензель,
Отсыпай, плясунья, дробь!
На платке краснеет вензель,
Знай прищелкивай, не робь!

Парень бравый, синеглазый
Загляделся не на смех.
Веселы твои проказы,
Зарукавник – словно снег.

Улыбаются старушки,
Приседают старики.
Смотрят с завистью подружки
На шелковы косники.

Веселись, пляши угарней,
Развевай кайму фаты.
Завтра вечером от парней
Придут свахи и сваты.

«По дороге идут богомолки…»

По дороге идут богомолки,
Под ногами полынь да комли.
Раздвигая щипульные колки,
На канавах звенят костыли.

Топчут лапти по полю кукольни,
Где-то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой колокольни
Гулкий звон, словно зык чугуна.

Отряхают старухи дулейки,
Вяжут девки косницы до пят.
Из подворья с высокой келейки
На платки их монахи глядят.

На вратах монастырские знаки:
«Упокою грядущих ко мне»,
А в саду разбрехались собаки,
Словно чуя воров на гумне.

Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон…
По тени от ветлы-веретенца
Богомолки идут на канон.

«По лесу леший кричит на сову…»

По лесу леший кричит на сову.
Прячутся мошки от птичек в траву.
Ау!

Спит медведиха, и чудится ей:
Колет охотник острогой детей.
Ау!

Плачет она и трясет головой:
– Детушки-дети, идите домой.
Ау!

Звонкое эхо кричит в синеву:
– Эй ты, откликнись, кого я зову!
Ау!

«По селу тропинкой кривенькой…»

По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.

Распевали про любимые
Да последние деньки:
«Ты прощай, село родимое,
Темна роща и пеньки».

Зори пенились и таяли.
Все кричали, пяча грудь:
«До рекрутства горе маяли,
А теперь пора гульнуть».

Размахнув кудрями русыми,
В пляс пускались весело.
Девки брякали им бусами,
Зазывали за село.

Выходили парни бравые
За гуменные плетни,
А девчоночки лукавые
Убегали, – догони!

Над зелеными пригорками
Развевалися платки.
По полям, бредя с кошелками,
Улыбались старики.

По кустам, в траве над лыками,
Под пугливый возглас сов,
Им смеялась роща зыками
С переливом голосов.

По селу тропинкой кривенькой,
Ободравшись о пеньки,
Рекрута играли в ливенку
Про остальние деньки.

«Под венком лесной ромашки…»

Под венком лесной ромашки
Я строгал, чинил челны,
Уронил кольцо милашки
В струи пенистой волны.

Лиходейная разлука,
Как коварная свекровь.
Унесла колечко щука,
С ним – милашкину любовь.

Не нашлось мое колечко,
Я пошел с тоски на луг,
Мне вдогон смеялась речка:
«У милашки новый друг».

Не пойду я к хороводу:
Там смеются надо мной,
Повенчаюсь в непогоду
С перезвонною волной.

Подражанье песне

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить.
Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадильный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

«Поет зима – аукает…»

Поет зима – аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

«Пой же, пой. На проклятой гитаре…»

Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои вполукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг.

Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь – зараза,
Я не знал, что любовь – чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

Пой, мой друг. Навевай мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другова,
Молодая, красивая дрянь.

Ах, постой. Я ее не ругаю.
Ах, постой. Я ее не кляну.
Дай тебе про себя я сыграю
Под басовую эту струну.

Льется дней моих розовый купол.
В сердце снов золотых сума.
Много девушек я перещупал,
Много женщин в углу прижимал.

Да! есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.

Так чего ж мне ее ревновать.
Так чего ж мне болеть такому.
Наша жизнь – простыня да кровать.
Наша жизнь – поцелуй да в омут.

Пой же, пой! В роковом размахе
Этих рук роковая беда.
Только знаешь, пошли их на хер…
Не умру я, мой друг, никогда.

«Пойду в скуфье смиренным иноком…»

Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрысым босяком
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.

Хочу концы земли измерить,
Доверясь призрачной звезде,
И в счастье ближнего поверить
В звенящей рожью борозде.

Рассвет рукой прохлады росной
Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.

Глядя за кольца лычных прясел,
Я говорю с самим собой:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Бродяжной палкой и сумой.

Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на копны и стога.

«По-осеннему кычет сова…»

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.

Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.

Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.

Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветр,
По-осеннему шепчут листья.

Пороша

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу.
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна.
Словно белою косынкой
Повязалася сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А под самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много.
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

Поэтам Грузии

Писали раньше
Ямбом и октавой.
Классическая форма
Умерла.
Но ныне, в век наш
Величавый,
Я вновь ей вздернул
Удила.

Земля далекая!
Чужая сторона!
Грузинские кремнистые дороги.
Вино янтарное
В глаза струит луна,
В глаза глубокие,
Как голубые роги.

Поэты Грузии!
Я ныне вспомнил вас.
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!

Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

Я – северный ваш друг
И брат!
Поэты – все единой крови.
И сам я тоже азиат
В поступках, в помыслах
И слове.

И потому в чужой
Стране
Вы близки
И приятны мне.

Века всё смелют,
Дни пройдут,
Людская речь
В один язык сольется.
Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознью улыбнется.

Он скажет:
В пропасти времен
Есть изысканья и приметы…
Дрались сонмища племен,
Зато не ссорились поэты.

Свидетельствует
Вещий знак:
Поэт поэту
Есть кунак.

Самодержавный
Русский гнет
Сжимал все лучшее за горло,
Его мы кончили –
И вот
Свобода крылья распростерла.

И каждый в племени своем,
Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк
По-своему поем,
Поддавшись чувствам
Человечьим…

Свершился дивный
Рок судьбы:
Уже мы больше
Не рабы.

Поэты Грузии,
Я ныне вспомнил вас,
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!..

Товарищи по чувствам,

По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

Пропавший месяц

Облак, как мышь,
подбежал и взмахнул
В небо огромным хвостом.
Словно яйцо,
расколовшись, скользнул
Месяц за дальним холмом.

Солнышко утром в колодезь озер
Глянуло –
месяца нет…
Свесило ноги оно на бугор,
Кликнуло –
месяца нет.

Клич тот услышал с реки рыболов,
Вздумал старик подшутить.
Отраженье от солнышка
с утренних вод
Стал он руками ловить.

Выловил.
Крепко скрутил бечевой,
Уши коленом примял.
Вылез и тихо на луч золотой
Солнечных век
привязал.

Солнышко к богу глаза подняло
И сказало:
«Тяжек мой труд!»
И вдруг солнышку
что-то веки свело,
Оглянулося – месяц как тут.

Как белка на ветке, у солнца в глазах
Запрыгала радость…
Но вдруг…
Луч оборвался,
и по скользким холмам
Отраженье скатилось в луг.

Солнышко испугалось…
А старый дед,
Смеясь, грохотал, как гром.
И голубем синим
вечерний свет
Махал ему в рот крылом.

«Проплясал, проплакал дождь весенний…»

Проплясал, проплакал дождь весенний,
Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей Есенин,
Подымать глаза…

Скучно слушать под небесным древом
Взмах незримых крыл:
Не разбудишь ты своим напевом
Дедовских могил!

Привязало, осаднило слово
Даль твоих времен.
Не в ветрах, а, знать, в томах тяжелых
Прозвенит твой сон.

Кто-то сядет, кто-то выгнет плечи,
Вытянет персты.
Близок твой кому-то красный вечер,
Да не нужен ты.

Всколыхнет он Брюсова и Блока,
Встормошит других.
Но все так же день войдет с востока,
Так же вспыхнет миг.

Не изменят лик земли напевы,
Не стряхнут листа…
Навсегда твои пригвождены ко древу
Красные уста.

Навсегда простер глухие длани
Звездный твой Пилат.
Или, Или, лама савахфани,[1]
Отпусти в закат.

«Прощай, Баку! Тебя я не увижу…»

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе,
И чувствую сильней простое слово: друг.

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до могилы
И волны Каспия, и балаханский май.

Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!
В последний раз я друга обниму…
Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреневом дыму.

«Прячет месяц за овинами…»

Прячет месяц за овинами
Желтый лик от солнца ярого.
Высоко над луговинами
По востоку пышет зарево.
Пеной рос заря туманится,
Словно глубь очей невестиных.
Прибрела весна, как странница,
С посошком в лаптях берестяных.
На березки в роще теневой
Серьги звонкие повесила
И с рассветом в сад сиреневый
Мотыльком порхнула весело.

Пушкину

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь…
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

«Руки милой – пара лебедей…»

Руки милой – пара лебедей –
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою.
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно тужить
О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что – для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Шираза.

Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.

Русалка под новый год

Ты не любишь меня, милый голубь,
Не со мной ты воркуешь, с другою.
Ах, пойду я к реке под горою,
Кинусь с берега в черную прорубь.

Не отыщет никто мои кости
Я русалкой вернуся весною.
Приведешь ты коня к водопою,
И коня напою я из горсти.

Запою я тебе втихомолку,
Как живу я царевной, тоскую,
Заману я тебя, заколдую,
Уведу коня в струи за холку!

Ой, как терем стоит под водою –
Там играют русалочки в жмурки, –
Изо льда он, а окна-конурки
В сизых рамах горят под слюдою.

На постель я травы натаскаю,
Положу я тебя с собой рядом.
Буду тешить тебя своим взглядом,
Зацелую тебя, заласкаю!

Русь бесприютная

Товарищи, сегодня в горе я,
Проснулась боль
В угасшем скандалисте!
Мне вспомнилась
Печальная история –
История об Оливере Твисте.

Мы все по-разному
Судьбой своей оплаканы.
Кто крепость знал,
Кому Сибирь знакома.
Знать, потому теперь
Попы и дьяконы
О здравье молятся
Всех членов Совнаркома.

И потому крестьянин
С водки штофа,
Рассказывая сродникам своим,
Глядит на Маркса,
Как на Саваофа,
Пуская Ленину
В глаза табачный дым.

Ирония судьбы!
Мы все острощены.
Над старым твердо
Вставлен крепкий кол.
Но все ж у нас
Монашеские общины
С «аминем» ставят
Каждый протокол.

И говорят,
Забыв о днях опасных:
«Уж как мы их…
Не в пух, а прямо в прах…
Пятнадцать штук я сам
Зарезал красных,
Да столько ж каждый,
Всякий наш монах».

Россия-мать!
Прости меня,
Прости!
Но эту дикость, подлую и злую,
Я на своем недлительном пути
Не приголублю
И не поцелую.

У них жилища есть,
У них есть хлеб,
Они с молитвами
И благостны и сыты.
Но есть на этой
Горестной земле,
Что всеми добрыми
И злыми позабыты.

Мальчишки лет семи-восьми
Снуют средь штатов без призора.
Бестелыми корявыми костьми
Они нам знак
Тяжелого укора.
Товарищи, сегодня в горе я,
Проснулась боль в угасшем скандалисте.
Мне вспомнилась
Печальная история –
История об Оливере Твисте.

Я тоже рос,
Несчастный и худой,
Средь жидких,
Тягостных рассветов.
Но если б встали все
Мальчишки чередой,
То были б тысячи
Прекраснейших поэтов.

В них Пушкин,
Лермонтов,
Кольцов,
И наш Некрасов в них,
В них я,
В них даже Троцкий,

Ленин и Бухарин.
Не потому ль мой грустью
Веет стих,
Глядя на их
Невымытые хари.

Я знаю будущее…
Это их…
Их календарь…
И вся земная слава.
Не потому ль
Мой горький, буйный стих
Для всех других –
Как смертная отрава.

Я только им пою,
Ночующим в котлах,
Пою для них,
Кто спит порой в сортире.
О, пусть они
Хотя б прочтут в стихах,
Что есть за них
Обиженные в мире.

С добрым утром!

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

«Свет вечерний шафранного края…»

Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой.
Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.
Лунным светом Шираз осиянен.

Иль они от тепла застыли,
Закрывая телесную медь?
Или, чтобы их больше любили,
Не желают лицом загореть,
Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце,
Ведь и так коротка наша жизнь,
Мало счастьем дано любоваться.
Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке
Осеняет своя благодать.
Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хаям…
Тихо розы бегут по полям.

«Синий май. Заревая теплынь…»

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.

В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие шторы
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге…
В этот вечер вся жизнь мне мила,
Как приятная память о друге.

Сад полышет, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова «милый».

Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать,
Все, как есть, без конца принимая.

Принимаю – приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и отрада…
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.

«Синий туман. Снеговое раздолье…»

Синий туман. Снеговое раздолье,
Тонкий лимонный лунный свет.
Сердцу приятно с тихою болью
Что-нибудь вспомнить из ранних лет.

Снег у крыльца как песок зыбучий.
Вот при такой же луне без слов,
Шапку из кошки на лоб нахлобучив,
Тайно покинул я отчий дров.

Снова вернулся я в край родимый.
Кто меня помнит? Кто позабыл?
Грустно стою я, как странник гонимый, –
Старый хозяин своей избы.

Молча я комкаю новую шапку,
Не по душе мне соболий мех.
Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабку,
Вспомнил кладбищенский рыхлый снег.

Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей не радей, –
Вот почему так тянусь я к людям,
Вот почему так люблю людей.

Вот отчего я чуть-чуть не заплакал
И, улыбаясь, душой погас, –
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.

«Слушай, поганое сердце…»

Слушай, поганое сердце,
Сердце собачье мое.
Я на тебя, как на вора,
Спрятал в руках лезвие.

Рано ли, поздно всажу я
В ребра холодную сталь.
Нет, не могу я стремиться
В вечную сгнившую даль.

Пусть поглупее болтают,
Что их загрызла мета;
Если и есть что на свете –
Это одна пустота.

«Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся…»

Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся.
Хорошо с любимой в поле затеряться.

Ветерок веселый робок и застенчив,
По равнине голой катится бубенчик,

Эх вы, сани, сани! Конь ты мои буланый!
Где-то на поляне клен танцует пьяный.

Мы к нему подъедем, спросим – что такое?
И станцуем вместе под тальянку трое.

«Снежная замять дробится и колется…»

Снежная замять дробится и колется,
Сверху озябшая светит луна.
Снова я вижу родную околицу,
Через метель огонек у окна.

Все мы бездомники, много ли нужно нам.
То, что далось мне, про то и пою.
Вот я опять за родительским ужином,
Снова я вижу старушку мою.

Смотрит, а очи слезятся, слезятся,
Тихо, безмолвно, как будто без мук.
Хочет за чайную чашку взяться –
Чайная чашка скользит из рук.

Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружись,
Слушай, под эту гармонику снежную
Я расскажу про свою тебе жизнь.

Много я видел и много я странствовал,
Много любил я и много страдал,
И оттого хулиганил и пьянствовал,
Что лучше тебя никого не видал.

Вот и опять у лежанки я греюсь,
Сбросил ботинки, пиджак свой раздел.
Снова я ожил и снова надеюсь
Так же, как в детстве, на лучший удел.

А за окном под метельные всхлипы,
В диком и шумном метельном чаду,
Кажется мне – осыпаются липы,
Белые липы в нашем саду.

«Снежная замять крутит бойко…»

Снежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.

Мчится на тройке чужая младость.
Где мое счастье? Где моя радость?

Все укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной тройке.

Снова пьют здесь, дерутся и плачут…

Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь.
И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином.

Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит мертвячиной
Над пропащею этой гульбой.

Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта – река.
Гармонист с провалившимся носом
Им про Волгу поет и про Чека.

Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.

Где ж вы те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?
Гармонист спиртом сифилис лечит,
Что в киргизских степях получил.

Нет! таких не подмять, не рассеять.
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты, Рассея моя… Рас… сея…
Азиатская сторона!

Собаке Качалова

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такою милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.

«Сохнет стаявшая глина…»

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам,
Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою,
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналоя
Воробей псалтырь читает.

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов, как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»

«Сочинитель бедный, это ты ли…»

Сочинитель бедный, это ты ли
Сочиняешь песни о луне?
Уж давно глаза мои остыли
На любви, на картах и вине.

Ах, луна влезает через раму,
Свет такой, хоть выколи глаза…
Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.

«Спит ковыль. Равнина дорогая…»

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси –
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

«Сторона ль моя, сторонка…»

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да посолонка,
Да заречная коса…

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.

По тебе ль, моей сторонке,
В половодье каждый год
С подожочка и котомки
Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,
Веко выглодала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

Сукин сын

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал… Я хотел ответа…
Не дождался… уехал… И вот
Через годы… известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом

И, как друга, введу тебя в дом…
Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом.

«Сыпь, гармоника! Скука… Скука…»

Сыпь, гармоника! Скука… Скука…
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука.
Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали,
Невтерпёж!
Что ж ты смотришь так синими брызгами?
Или в морду хошь?

В огород бы тебя, на чучело,
Пугать ворон.
До печенок меня замучила
Со всех сторон.

Сыпь, гармоника! Сыпь, моя частая!
Пей, выдра! Пей!
Мне бы лучше вон ту, сисястую,
Она глупей.

Я средь женщин тебя не первую,
Немало вас.
Но с такой вот, как ты, со стервою
Лишь в первый раз.

Чем больнее, тем звонче
То здесь, то там.
Я с собой не покончу.
Иди к чертям.

К вашей своре собачей
Пора простыть.
Дорогая… я плачу…
Прости… Прости…

«Там, где капустные грядки…»

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

«Тебе одной плету венок…»

Тебе одной плету венок,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую.
Гляжу в простор твоих полей,
Ты вся – далекая и близкая.
Сродни мне посвист журавлей
И не чужда тропинка склизкая.
Цветет болотная купель,
Куга зовет к вечерне длительной,
И по кустам звенит капель
Росы холодной и целительной.
И хоть сгоняет твой туман
Поток ветров, крылато дующих,
Но вся ты – смирна и ливан
Волхвов, потайственно волхвующих.

«Темна ноченька, не спится…»

Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок.
Распоясала зарница
В пенных струях поясок.

На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусляра.

Залюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.

«Тихий ветер. Вечер сине-хмурый…»

Тихий ветер. Вечер сине-хмурый.
Я смотрю широкими глазами.
В Персии такие ж точно куры,
Как у нас в соломенной Рязани.

Тот же месяц, только чуть пошире,
Чуть желтее и с другого края.
Мы с тобою любим в этом мире
Одинаково со всеми, дорогая.

Ночи теплые, – не в воле я, не в силах,
Не могу не прославлять, не петь их.
Так же девушки здесь обнимают милых
До вторых до петухов, до третьих.

Ах, любовь! Она ведь всем знакома,
Это чувство знают даже кошки,
Только я с отчизной и без дома
От нее сбираю скромно крошки.

Счастья нет. Но горевать не буду –
Есть везде родные сердцу куры,
Для меня рассеяны повсюду
Молодые чувственные дуры.

С ними я все радости приемлю
И для них лишь говорю стихами:
Оттого, знать, люди любят землю,
Что она пропахла петухами.

«Топи да болота…»

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Вззвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз –
Суховатой липой
Пахнет от колес.

Слухают ракиты
Посвист ветряной…
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной.

«Троицыно утро, утренний канон…»

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

Тянется деревня с праздничного сна,
В благовесте ветра хмельная весна.

На резных окошках ленты и кусты.
Я пойду к обедне плакать на цветы.

Пойте в чаще, птахи, я вам подпою,
Похороним вместе молодость мою.

Троицыно утро, утренний канон.
В роще по березкам белый перезвон.

«Туча кружево в роще связала…»

Туча кружево в роще связала,
Закурился пахучий туман.
Еду грязной дорогой с вокзала
Вдалеке от родимых полян.

Лес застыл без печали и шума,
Виснет темь, как платок, за сосной.
Сердце гложет плакучая дума…
Ой, не весел ты, край мой родной.

Пригорюнились девушки-ели,
И поет мой ямщик на-умяк:
«Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как».

«Ты плакала в вечерней тишине…»

Ты плакала в вечерней тишине,
И слезы горькие на землю упадали,
И было тяжело и так печально мне,
И все же мы друг друга не поняли.
Умчалась ты в далекие края,
И все мечты увянули без цвета,
И вновь опять один остался я
Страдать душой без ласки и привета.
И часто я вечернею порой
Хожу к местам заветного свиданья,
И вижу я в мечтах мне милый образ твой,
И слышу в тишине тоскливые рыданья.

«Ты такая ж простая, как все…»

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог –
Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые…
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

У могилы

На память об усопшем
В этой могиле под скромными ивами
Спит он, зарытый землей,
С чистой душой, со святыми порывами,
С верой зари огневой.
Тихо погасли огни благодатные
В сердце страдальца земли,
И на чело, никому не понятные,
Мрачные тени легли.
Спит он, а ивы над ним наклонилися,
Свесили ветви кругом,
Точно в раздумье они погрузилися,
Думают думы о нем.
Тихо от ветра, тоски напустившего,
Плачет, нахмурившись, даль.
Точно им всем безо времени сгибшего
Бедного юношу жаль.

«Улеглась моя былая рана…»

Улеглась моя былая рана –
Пьяный бред не гложет сердце мне.
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Сам чайханщик с круглыми плечами,
Чтобы славилась пред русским чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.

Угощай, хозяин, да не очень.
Много роз цветет в твоем саду.
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и драк.

Ну, а этой за движенья стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не очень,
Все равно калитка есть в саду…
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

«Упоенье – яд отравы…»

Упоенье – яд отравы,
Не живи среди людей,
Не меняй своей забавы
На красу бесцветных дней.

Все пройдет, и жизни холод
Сердце чуткое сожмет,
Всё, чем жил, когда был молод,
Глупой шуткой назовёт.

Берегись дыханья розы,
Не тревожь ее кусты.
Что любовь? Пустые грезы,
Бред несбыточной мечты.

Форма

[1] Свое

Цветы на подоконнике,
Цветы, цветы.
Играют на гармонике,
Ведь слышишь ты?

Играют на гармонике,
Ну что же в том?
Мне нравятся две родинки
На лбу крутом.

Ведь ты такая нежная,
А я так груб.
Целую так небрежно я
Калину губ.

Куда ты рвешься, шалая?
Побудь, побудь…
Постой, душа усталая,
Забудь, забудь.

Она такая дурочка,
Как те и та…
Вот потому Снегурочка
Всегда мечта.

2

Ехал барин из Рязани,
Полтораста рублей сани.
Семисотенный конь
С раззолоченной дугой.

Уж я эту дугу
Заложить не могу.
Заложить не могу

Ни недругу, ни врагу.

Как поеду на Губань,
Соберу я разну рвань.
Соберу я разну рвань:
– Собирайте, братцы, дань.

Только рвани нынче нет –
По-другому сделан свет.
И поет гармоница,
Что исчезла вольница.

Руки врозь.
Вожжи брось.
Такая досада.
Тани не надо. Тани нет,
А мне ее надо.

«Хорошо под осеннюю свежесть…»

Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою режет
Воду синюю солнца соха.

Хорошо выбивать из тела
Накаляющий песни гвоздь.
И в одежде празднично белой
Ждать, когда постучится гость.

Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь,
Только в скупости чувства греются,
Когда ребра ломает течь.

Молча ухает звездная звонница,
Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.

Хулиган

Дождик мокрыми метлами чистит
Ивняковый помет по лугам.
Плюйся, ветер, охапками листьев, –
Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,
Как с тяжелой походкой волы,
Животами, листвой хрипящими,
По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжое!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу, как сумерки лижут
Следы человечьих ног.

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

Бродит черпая жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченых черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветр,

Плюй спокойно листвой по лугам.
Не сорвет меня кличка «поэт».
Я и в песнях, как ты, хулиган.

Цветы

I

Цветы мне говорят прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край.

Любимые! Ну что ж, ну что ж!
Я видел вас и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.

II

Весенний вечер. Синий час.
Ну как же не любить мне вас,
Как не любить мне вас, цветы?
Я с вами выпил бы на «ты».

Шуми, левкой и резеда.
С моей душой стряслась беда.
С душой моей стряслась беда.
Шуми, левкой и резеда.

III

Ах, колокольчик! твой ли пыл
Мне в душу песней позвонил
И рассказал, что васильки
Очей любимых далеки.

Не пой! не пой мне! Пощади.
И так огонь горит в груди.
Она пришла, как к рифме «вновь»
Неразлучимая любовь.

IV

Цветы мои! Не всякий мог
Узнать, что сердцем я продрог,
Не всякий этот холод в нем
Мог растопить своим огнем.

Не всякий, длани кто простер,
Поймать сумеет долю злую.
Как бабочка – я на костер
Лечу и огненность целую.

V

Я не люблю цветы с кустов,
Не называю их цветами.
Хоть прикасаюсь к ним устами,
Но не найду к ним нежных слов.

Я только тот люблю цветок,
Который врос корнями в землю,
Его люблю я и приемлю,
Как северный наш василек.

VI

И на рябине есть цветы,
Цветы – предшественники ягод,
Они на землю градом лягут,
Багрец свергая с высоты.

Они не те, что на земле.
Цветы рябин другое дело.
Они как жизнь, как наше тело,
Делимое в предвечной мгле.

VII

Любовь моя! Прости, прости.
Ничто не обошел я мимо.
Но мне милее на пути,
Что для меня неповторимо.

Неповторимы ты и я.
Помрем – за нас придут другие.
Но это все же не такие –
Уж я не твой, ты не моя.

VIII

Цветы, скажите мне прощай,
Головками кивая низко,
Что не увидеть больше близко
Ее лицо, любимый край.

Ну что ж! пускай не увидать.
Я поражен другим цветеньем
И потому словесным пеньем
Земную буду славить гладь.

IX

А люди разве не цветы?
О милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова.

Как стебель тулово качая,
А эта разве голова
Тебе не роза золотая?
Цветы людей и в солнь и в стыть
Умеют ползать и ходить.

X

Я видел, как цветы ходили,
И сердцем стал с тех пор добрей,
Когда узнал, что в этом мире
То дело было в октябре.

Цветы сражалися друг с другом,
И красный цвет был всех бойчей.
Их больше падало под вьюгой,
Но все же мощностью упругой
Они сразили палачей.

XI

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали.
Головку розы режет сталь,
Но все же не боюсь я стали.

Цветы ходячие земли!
Они и сталь сразят почище,
Из стали пустят корабли,
Из стали сделают жилища.

XII

И потому, что я постиг,
Что мир мне не монашья схима,
Я ласково влагаю в стих,
Что все на свете повторимо.

И потому, что я пою,
Пою и вовсе не впустую,
Я милой голову мою
Отдам, как розу золотую.

Черемуха

Черемуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.
Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.
А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.
Черемуха душистая
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.
Ручей волной гремучею
Все ветки обдает
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поет.

Черный человек

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусавя надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек
Черный, черный…

«Слушай, слушай, –
Бормочет он мне, –
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.

В декабре в той стране
Снег до дьявола чист,
И метели заводят

Веселые прялки.
Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.

Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Счастье, – говорил он, –
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.

В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым –
Самое высшее в мире искусство».

«Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта.
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай».

Черный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой.
Словно хочет сказать мне,

Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.

……..
……..

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Ночь морозная…
Тих покой перекрестка.
Я один у окошка,
Ни гостя, ни друга не жду.
Вся равнина покрыта
Сыпучей и мягкой известкой,
И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду.

Где-то плачет
Ночная зловещая птица.
Деревянные всадники
Сеют копытливый стук.
Вот опять этот черный
На кресло мое садится,
Приподняв свой цилиндр
И откинув небрежно сюртук.

«Слушай, слушай! –
Хрипит он, смотря мне в лицо,
Сам все ближе
И ближе клонится. –
Я не видел, чтоб кто-нибудь
Из подлецов
Так ненужно и глупо
Страдал бессонницей.

Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.

Что же нужно еще
Напоенному дремой мирику?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет «она»,
И ты будешь читать
Свою дохлую томную лирику?

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую,
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.

Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами…

И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Черный человек!
Ты прескверный гость!
Это слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу…

…….

…Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один…
И – разбитое зеркало…

«Чую радуницу божью…»

Чую радуницу божью –
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Исус.

Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.

Голубиный пух от бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.

Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В богородицын покров.

«Этой грусти теперь не рассыпать…»

Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Для меня было все тогда новым,
Много в сердце теснилось чувств,
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с уст.

И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки… пеньки… косогоры
Обпечалили русскую ширь.

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая, серая гладь.
Это все мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.

Покосившаяся избенка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лошаденка,
Заглядевшись в неласковый пруд.

Это все, что зовем мы родиной,
Это все, отчего на ней
Пьют и плачут в одно с непогодиной,
Дожидаясь улыбчивых дней.

Потому никому не рассыпать
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

«Эх вы, сани! А кони, кони!..»

Эх вы, сани! А кони, кони!
Видно, черт их на землю принес.
В залихватском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.

Ни луны, ни собачьего лая
В далеке, в стороне, в пустыре.
Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.

Пой, ямщик, вперекор этой ночи, –
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.

Эх, бывало, заломишь шапку,
Да заложишь в оглобли коня,
Да приляжешь на сена охапку, –
Вспоминай лишь, как звали меня.

И откуда бралась осанка,
А в полуночную тишину
Разговорчивая тальянка
Уговаривала не одну.

Все прошло. Поредел мой волос.
Конь издох, опустел наш двор.
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.

Но и все же душа не остыла,
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.

«Я зажег свой костер…»

Я зажег свой костер,
Пламя вспыхнуло вдруг
И широкой волной
Разлилося вокруг.

И рассыпалась мгла
В беспредельную даль,
С отягченной груди
Отгоняя печаль.

Безнадежная грусть
В тихом треске углей
У костра моего
Стала песней моей.

И я весело так
На костер свой смотрел,
Вспоминаючи грусть,
Тихо песню запел.

Я опять подо мглой.
Мой костер догорел,
В нем лишь пепел с золой
От углей уцелел.

Снова грусть и тоска
Мою грудь облегли,
И печалью слегка
Веет вновь издали.

Чую – будет гроза,
Грудь заныла сильней,
И скатилась слеза
На остаток углей.

«Я иду долиной. На затылке кепи…»

Я иду долиной. На затылке кепи,
В лайковой перчатке смуглая рука.
Далеко сияют розовые степи,
Широко синеет тихая река.

Я – беспечный парень. Ничего не надо.
Только б слушать песни – сердцем подпевать,
Только бы струилась легкая прохлада,
Только б не сгибалась молодая стать.

Выйду за дорогу, выйду под откосы, –
Сколько там нарядных мужиков и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы.
«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль не слаб?

На земле милее. Полно плавать в небо.
Как ты любишь долы, так бы труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?
Размахнись косою, покажи свой пыл».

Ах, перо не грабли, ах, коса не ручка –
Но косой выводят строчки хоть куда.
Под весенним солнцем, под весенней тучкой
Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу –
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.
Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные строчки,
Чтобы их читали лошадь и баран.

В этих строчках – песня, в этих строчках – слово.
Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая корова,
Отдавая плату теплым молоком.

«Я красивых таких не видел…»

Я красивых таких не видел,
Только, знаешь, в душе затаю
Не в плохой, а в хорошей обиде –
Повторяешь ты юность мою.

Ты – мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.
Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную теребя?

Запоешь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном.
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?

Что поет теперь мать за куделью?
Я навеки покинул село,
Только знаю – багряной метелью
Нам листвы на крыльцо намело.

Знаю то, что о нас с тобой вместе
Вместо ласки и вместо слез
У ворот, как о сгибшей невесте,
Тихо воет покинутый пес.

Но и все ж возвращаться не надо,
Потому и достался не в срок,
Как любовь, как печаль и отрада,
Твой красивый рязанский платок.

«Я обманывать себя не стану…»

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мглистом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин –
В глупой страсти сердце жить не в силе, –
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омуть в сердце мглистом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

«Я пастух, мои палаты…»

Я пастух, мои палаты –
Межи зыбистых полей,
По горам зеленым – скаты
С гарком гулких дупелей.

Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шепот сосняка.

Светят зелено в сутемы
Под росою тополя.
Я – пастух; мои хоромы –
В мягкой зелени поля.

Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.

Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья.
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

«Я по первому снегу бреду…»

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю – то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях,
Это лебеди сели на луг.

Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз.
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

О лесная, дремучая муть!
О веселье оснеженных нив!
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.

«Я покинул родимый дом…»

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож.

«Я положил к твоей постели…»

Я положил к твоей постели
Полузавядшие цветы,
И с лепестками помертвели
Мои усталые мечты.

Я нашептал моим левкоям
Об угасающей любви,
И ты к оплаканным покоям
Меня уж больше не зови.

Мы не живем, а мы тоскуем.
Для нас мгновенье красота,
Но не зажжешь ты поцелуем
Мои холодные уста.

И пусть в мечтах я все читаю:
«Ты не любил, тебе не жаль»,
Зато я лучше понимаю
Твою любовную печаль.

«Я помню, любимая, помню…»

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь,
И грустно другую любя.
Как будто любимую повесть,
С другой вспоминает тебя.

«Я последний поэт деревни…»

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

«Я спросил сегодня у менялы…»

Я спросил сегодня у менялы,
Что даёт за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы,
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И ещё спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи рдеют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты – моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали чёрную чадру.

«Я усталым таким еще не был…»

Я усталым таким еще не был
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило.
Да и сам я любил не одну.
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину.

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервь!
Не с того ли глаза мне точит
Словно синие листья червь?

Не больна мне ничья измена,
И не радует легкость побед,
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет,

Превращается в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Мне не жаль вас, прошедшие годы,
Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно.
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца.

И теперь даже стало не тяжко
Ковылять из притона в притон,
Как в смирительную рубашку
Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем же законам,
Умиряется бешеный пыл.
Но и все ж отношусь я с поклоном
К тем полям, что когда-то любил.

В те края, где я рос под кленом,

Где резвился на желтой траве, –
Шлю привет воробьям и воронам
И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил, –
Пусть хоть ветер теперь начинает
Под микитки дубасить рожь».

Поэма «Пугачев»

I

Появление Пугачева в Яицком Городке

Пугачев

Ох, как устал и как болит нога…
Ржет дорога в жуткое пространство.
Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?
Мне нравится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.
Луна, как желтый медведь,
В мокрой траве ворочается.
Наконец-то я здесь, здесь!
Рать врагов цепью волн распалась,
Не удалось им на осиновый шест
Водрузить головы моей парус.
Яик, Яик, ты меня звал
Стоном придавленной черни.
Пучились в сердце жабьи глаза
Грустящей в закат деревни.
Только знаю я, что эти избы –
Деревянные колокола,
Голос их ветер хмарью съел.
О, помоги же, степная мгла,
Грозно свершить мой замысел.

Сторож

Кто ты, странник? Что бродишь долом?
Что тревожишь ты ночи гладь?
Отчего, словно яблоко тяжелое,
Виснет с шеи твоя голова?

Пугачев

В солончаковое ваше место
Я пришел из далеких стран –

Посмотреть на золото телесное,
На родное золото славян.
Слушай, отче! Расскажи мне нежно,
Как живет здесь мудрый наш мужик?
Так же ль он в полях своих прилежно
Цедит молоко соломенное ржи?
Так же ль здесь, сломав зари застенок,
Гонится овес на водопой рысцой,
И на грядках, от капусты пенных,
Челноки ныряют огурцов?
Так же ль мирен труд домохозяек,
Слышен прялки ровный разговор?

Сторож

Нет, прохожий! С этой жизнью Яик
Раздружился с самых давних пор.
С первых дней, как оборвались вожжи,
С первых дней, как умер третий Петр,
Над капустой, над овсом, над рожью
Мы задаром проливаем пот.
Нашу рыбу, соль и рынок,
Чем сей край богат и рьян,
Отдала Екатерина
Под надзор своих дворян.
И теперь по всем окраинам
Стонет Русь от цепких лапищ.
Воском жалоб сердце Каина
К состраданью не окапишь.
Всех связали, всех вневолили,
С голоду хоть жри железо.
И течет заря над полем
С горла неба перерезанного.

Пугачев

Невеселое ваше житье!
Но скажи мне, скажи,
Неужель в народе нет суровой хватки
Вытащить из сапогов ножи
И всадить их в барские лопатки?

Сторож

Видел ли ты,
Как коса в лугу скачет,
Ртом железным перекусывая ноги трав?
Оттого, что стоит трава на корячках,
Под себя коренья подобрав.
И никуда ей, траве, не скрыться
От горячих зубов косы.
Потому что не может она, как птица,
Оторваться от земли в синь.
Так и мы! Вросли ногами крови в избы,
Что нам первый ряд подкошенной травы?
Только лишь до нас не добрались бы,
Только нам бы,
Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы.
Но теперь как будто пробудились,
И березами заплаканный наш тракт
Окружает, как туман от сырости,
Имя мертвого Петра.

Пугачев

Как Петра? Что ты сказал, старик?
Иль это взвыли в небе облака?

Сторож

Я говорю, что скоро грозный крик,
Который избы словно жаб влакал,
Сильней громов раскатится над нами.
Уже мятеж вздымает паруса!
Нам нужен тот, кто б первый бросил камень.

Пугачев

Какая мысль!

Сторож

О чем вздыхаешь ты?

Пугачев

Я положил себе зарок молчать до срока.
Клещи рассвета в небесах
Из пасти темноты
Выдергивают звезды, словно зубы,
А мне еще нигде вздремнуть не удалось.

Сторож

Я мог бы предложить тебе
Тюфяк свой грубый,
Но у меня в дому всего одна кровать,
И четверо на ней спит ребятишек.
Пугачев
Благодарю! Я в этом граде гость.
Дадут приют мне под любою крышей.
Прощай, старик!

Сторож

Храни тебя Господь!
Русь, Русь! И сколько их таких,
Как в решето просеивающих плоть,
Из края в край в твоих просторах шляется?
Чей голос их зовет,
Вложив светильником им посох в пальцы?
Идут они, идут! Зеленый славя гул,
Купая тело в ветре и в пыли,
Как будто кто сослал их всех на каторгу
Вертеть ногами
Сей шар земли.
Но что я вижу?
Колокол луны скатился ниже,
Он, словно яблоко увянувшее, мал.
Благовест лучей его стал глух.
Уж на нашесте громко заиграл
В куриную гармонику петух.

II Бегство калмыков

Первый голос

Послушайте, послушайте, послушайте,
Вам не снился тележный свист?
Нынче ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
От Самары проползло на Иргис.
От российской чиновничьей неволи,
Оттого, что, как куропаток, их щипали
На наших лугах,
Потянулись они в свою Монголию
Стадом деревянных черепах.

Второй голос

Только мы, только мы лишь медлим,
Словно страшен нам захлестнувший нас шквал,
Оттого-то шлет нам каждую неделю
Приказы свои Москва.
Оттого-то, куда бы ни шел ты,
Видишь, как под усмирителей меч
Прыгают кошками желтыми
Казацкие головы с плеч.

Кирпичников

Внимание! Внимание! Внимание!
Не будьте ж трусливы, как овцы,
Сюда едут на страшное дело вас сманивать
Траубенберг и Тамбовцев.

Казаки

К черту! К черту предателей!
Тамбовцев
Сми-ирно-о!
Сотники казачьих отрядов,
Готовьтесь в поход!
Нынче ночью, как дикие звери,
Калмыки всем скопом орд
Изменили Российской империи
И угнали с собой весь скот.

Потопленную лодку месяца
Чаган выплескивает на берег дня.
Кто любит свое отечество,
Тот должен слушать меня.
Нет, мы не можем, мы не можем, мы не можем
Допустить сей ущерб стране.
Россия лишилась мяса и кожи,
Россия лишилась лучших коней.
Так бросимтесь же в погоню
На эту монгольскую мразь,
Пока она всеми ладонями
Китаю не предалась.

Кирпичников

Стой, атаман, довольно
Об ветер язык чесать.
За Россию нам, конешно, больно,
Оттого, что нам Россия – мать.
Но мы ничуть, мы ничуть не испугались,
Что кто-то покинул наши поля,
И калмык нам не желтый заяц,
В которого можно, как в пищу, стрелять.
Он ушел, этот смуглый монголец,
Дай же Бог ему добрый путь.
Хорошо, что от наших околиц
Он без боли сумел повернуть.

Траубенберг

Что это значит?

Кирпичников

Это значит то,
Что, если б
Наши избы были на колесах,
Мы впрягли бы в них своих коней
И гужом с солончаковых плесов
Потянулись в золото степей.
Наши б кони, длинно выгнув шеи,
Стадом черных лебедей

По во́дам ржи
Понесли нас, буйно хорошея,
В новый край, чтоб новой жизнью жить.
Казаки
Замучили! Загрызли, прохвосты!

Тамбовцев

Казаки! Вы целовали крест!
Вы клялись…

Кирпичников

Мы клялись, мы клялись Екатерине
Быть оплотом степных границ,
Защищать эти пастбища синие
От налета разбойных птиц.
Но скажите, скажите, скажите,
Разве эти птицы не вы?
Наших пашен суровых житель
Не найдет, где прикрыть головы.

Траубенберг

Это измена!..
Связать его! Связать!

Кирпичников

Казаки, час настал!
Приветствую тебя, мятеж свирепый!
Что не могли в словах сказать уста,
Пусть пулями расскажут пистолеты.

(Стреляет.)

Траубенберг падает мертвым. Конвойные разбегаются. Казаки хватают лошадь Тамбовцева под уздцы и стаскивают его на землю.

Голоса

Смерть! Смерть тирану!

Тамбовцев

О Господи! Ну что я сделал?

Первый голос

Мучил, злодей, три года,
Три года, как коршун белый,
Ни проезда не давал, ни прохода.

Второй голос

Откушай похлебки метелицы.
Отгулял, отстегал и отхвастал.

Третий голос

Че́рта ли с ним канителиться?

Четвертый голос

Повесить его – и баста!

Кирпичников

Пусть знает, пусть слышит Москва –
На расправы ее мы взбыстрим.
Это только лишь первый раскат,
Это только лишь первый выстрел.
Пусть помнит Екатерина,
Что если Россия – пруд,
То черными лягушками в тину
Пушки мечут стальную икру.
Пусть носится над страной,
Что казак не ветла на прогоне
И в луны мешок травяной
Он башку незадаром сронит.

Осенней ночью
Караваев

Тысячу чертей, тысячу ведьм и тысячу дьяволов!
Экий дождь! Экий скверный дождь!
Скверный, скверный!
Словно вонючая моча волов
Льется с туч на поля и деревни.
Скверный дождь!
Экий скверный дождь!
Как скелеты тощих журавлей,
Стоят ощипанные вербы,
Плавя ребер медь.
Уж золотые яйца листьев на земле
Им деревянным брюхом не согреть,
Не вывести птенцов – зеленых вербенят,
По горлу их скользнул сентябрь, как нож,
И кости крыл ломает на щебняк
Осенний дождь.
Холодный, скверный дождь.
О, осень, осень!
Голые кусты,
Как оборванцы, мокнут у дорог.
В такую непогодь собаки, сжав хвосты,
Боятся головы просунуть за порог,
А тут вот стой, хоть сгинь,
Но тьму глазами ешь,
Чтоб не пробрался вражеский лазутчик.
Проклятый дождь!
Расправу за мятеж
Напоминают мне рыгающие тучи.
Скорей бы, скорей в побег, в побег
От этих кровью выдоенных стран.
С объятьями нас принимает всех
С Екатериною воюющий султан.
Уже стекается придушенная чернь
С озиркой, словно полевые мыши.
О солнце-колокол, твое тили-ли-день,
Быть может, здесь мы больше не услышим!
Но что там? Кажется, шаги?
Шаги… Шаги…
Эй, кто идет? Кто там идет?

Пугачев

Свой… свой…

Караваев

Кто свой?

Пугачев

Я, Емельян.

Караваев

А, Емельян, Емельян, Емельян.
Что нового в этом мире, Емельян?
Как тебе нравится этот дождь?

Пугачев

Этот дождь на счастье Богом дан,
Нам на руку, чтоб он хлестал всю ночь.

Караваев

Да-да! Я тоже так думаю, Емельян.
Славный дождь! Замечательный дождь!

Пугачев

Нынче вечером, в темноте скрываясь,
Я правительственные посты осмотрел.
Все часовые попрятались, как зайцы,
Боясь замочить шинели.
Знаешь? Эта ночь, если только мы выступим,
Не кровью, а зарею окрасила б наши ножи,
Всех бы солдат без единого выстрела
В сонном Яике мы могли уложить…
Завтра ж к утру будет ясная погода,

Сивым табуном проскачет хмарь.
Слушай, ведь я из простого рода
И сердцем такой же степной дикарь!
Я умею, на сутки и версты не трогаясь,
Слушать бег ветра и твари шаг,
Оттого, что в груди у меня, как в берлоге,
Ворочается зверенышем теплым душа.
Мне нравится запах травы, холодом подожженной,
И сентябрьского листолета протяжный свист.
Знаешь ли ты, что осенью медвежонок
Смотрит на луну,
Как на вьющийся в ветре лист?
По луне его учит мать
Мудрости своей звериной,
Чтобы смог он, дурашливый, знать
И призванье свое и имя.
Я значенье мое разгадал…

Караваев

Тебе ж недаром верят?

Пугачев

Долгие, долгие тяжкие года
Я учил в себе разуму зверя…
Знаешь? Люди ведь все со звериной душой, –
Тот медведь, тот лиса, та волчица, –
А жизнь – это лес большой,
Где заря красным всадником мчится.
Нужно крепкие, крепкие иметь клыки.

Караваев

Да-да! Я тоже так думаю, Емельян…
И если б они у нас были,
То московские полки
Нас не бросали, как рыб, в Чаган.
Они б побоялись нас жать
И карать так легко и просто
За то, что в чаду мятежа
Убили мы двух прохвостов.

Пугачев

Бедные, бедные мятежники,
Вы цвели и шумели, как рожь.
Ваши головы колосьями нежными
Раскачивал июльский дождь.
Вы улыбались тварям…
Послушай, да ведь это ж позор,
Чтоб мы этим поганым харям
Не смогли отомстить до сих пор?
Разве это когда прощается,
Чтоб с престола какая-то блядь
Протягивала солдат, как пальцы,
Непокорную чернь умерщвлять!
Нет, не могу, не могу!
К черту султана с туретчиной,
Только на радость врагу
Этот побег опрометчивый.
Нужно остаться здесь!
Нужно остаться, остаться,
Чтобы вскипела месть
Золотою пургой акаций,
Чтоб пролились ножи
Железными струями люто!
Слушай! Бросай сторожить,
Беги и буди весь хутор.

IV

Происшествие на Таловом Умёте

Оболяев

Что случилось? Что случилось? Что случилось?

Пугачев

Ничего страшного. Ничего страшного. Ничего страшного.
Там на улице жолклая сырость
Гонит туман, как стада барашковые.

Мокрою цаплей по лужам полей бороздя,
Ветер заставил все живое,
Как жаб по их гнездам, скрыться,
И только порою,
Привязанная к нитке дождя,
Черным крестом в воздухе
Проболтнется шальная птица.
Это осень, как старый оборванный монах,
Пророчит кому-то о погибели веще.

Послушайте, для наших благ
Я придумал кой-что похлеще.

Караваев

Да-да! Мы придумали кой-что похлеще.

Пугачев

Знаете ли вы,
Что по черни ныряет весть,
Как по гребням волн лодка с парусом низким?
По-звериному любит мужик наш на корточки сесть
И сосать эту весть, как коровьи большие сиськи.
От песков Джигильды до Алатыря
Эта весть о том,
Что какой-то жестокий поводырь
Мертвую тень императора
Ведет на российскую ширь.
Эта тень с веревкой на шее безмясой,
Отвалившуюся челюсть теребя,
Скрипящими ногами приплясывая,
Идет отомстить за себя,
Идет отомстить Екатерине,
Подымая руку, как желтый кол,
За то, что она с сообщниками своими,
Разбив белый кувшин
Головы его,
Взошла на престол.

Оболяев

Это только веселая басня!
Ты, конечно, не за этим пришел,
Чтоб рассказать ее нам?

Пугачев

Напрасно, напрасно, напрасно
Ты так думаешь, брат Степан.

Караваев

Да-да! По-моему, тоже напрасно.

Пугачев

Разве важно, разве важно, разве важно,
Что мертвые не встают из могил?
Но зато кой-где почву безвлажную
Этот слух словно плугом взрыл.
Уже слышится благовест бунтов,
Рев крестьян оглашает зенит,
И кустов деревянный табун
Безлиственной ковкой звенит.
Что ей Петр? – Злой и дикой ораве? –
Только камень желанного случая,
Чтобы колья погромные правили
Над теми, кто грабил и мучил.
Каждый платит за лепту лептою,
Месть щенками кровавыми щенится.
Кто же скажет, что это свирепствуют
Бродяги и отщепенцы?
Это буйствуют россияне!
Я ж хочу научить их под хохот сабль
Обтянуть тот зловещий скелет парусами
И пустить его по безводным степям,
Как корабль.
А за ним
По курганам синим
Мы живых голов двинем бурливый флот.
Послушайте! Для всех отныне
Я – император Петр!

Казаки

Как император?

Оболяев

Он с ума сошел!

Пугачев

Ха-ха-ха!
Вас испугал могильщик,
Который, череп разложив как горшок,
Варит из медных монет щи,
Чтоб похлебать в черный срок.
Я стращать мертвецом вас не стану,
Но должны ж вы, должны понять,
Что этим кладбищенским планом
Мы подымем монгольскую рать!
Нам мало того простолюдства,
Которое в нашем краю,
Пусть калмык и башкирец бьются
За бараньи костры средь юрт!

Зарубин

Это верно, это верно, это верно!
Кой нам черт умышлять побег?
Лучше здесь всем им головы скверные
Обломать, как колеса с телег.
Будем крыть их ножами и матом,
Кто без сабли – так бей кирпичом!
Да здравствует наш император,
Емельян Иванович Пугачев!

Пугачев

Нет, нет, я для всех теперь
Не Емельян, а Петр…

Караваев

Да-да, не Емельян, а Петр…

Пугачев

Братья, братья, ведь каждый зверь
Любит шкуру свою и имя…
Тяжко, тяжко моей голове
Опушать себя чуждым инеем.
Трудно сердцу светильником мести
Освещать корявые чащи.
Знайте, в мертвое имя влезть –
То же, что в гроб смердящий.
Больно, больно мне быть Петром,
Когда кровь и душа Емельянова.
Человек в этом мире не бревенчатый дом,
Не всегда перестроишь наново…
Но… к черту все это, к черту!
Прочь жалость телячьих нег!
Нынче ночью в половине четвертого
Мы устроить должны набег.

V

Уральский каторжник

Хлопуша
Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.
Я три дня и три ночи искал ваш умёт,
Тучи с севера сыпались каменной грудой.
Слава ему! Пусть он даже не Петр,
Чернь его любит за буйство и удаль.
Я три дня и три ночи блуждал по тропам,
В солонце рыл глазами удачу,
Ветер волосы мои, как солому, трепал
И цепами дождя обмолачивал.
Но озлобленное сердце никогда не заблудится,
Эту голову с шеи сшибить нелегко.
Оренбургская заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняла мне в рот молоко.

И холодное корявое вымя сквозь тьму
Прижимал я, как хлеб, к истощенным векам.
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.

Зарубин

Кто ты? Кто? Мы не знаем тебя!
Что тебе нужно в нашем лагере,
Отчего глаза твои,
Как два цепных кобеля,
Беспокойно ворочаются в соленой влаге?
Что пришел ты ему сообщить?
Злое ль, доброе ль светится из пасти вспурга?
Прорубились ли в Азию бунтовщики?
Иль, как зайцы, бегут от Оренбурга?

Хлопуша

Где он? Где? Неужель его нет?
Тяжелее, чем камни, я нес мою душу.
Ах, давно, знать, забыли в этой стране
Про отчаянного негодяя и жулика Хлопушу.
Смейся, человек!
В ваш хмурый стан
Посылаются замечательные разведчики.
Был я каторжник и арестант,
Был убийца и фальшивомонетчик.
Но всегда ведь, всегда ведь, рано ли, поздно ли,
Расставляет расплата капканы терний.
Заковали в колодки и вырвали ноздри
Сыну крестьянина Тверской губернии.
Десять лет –
Понимаешь ли ты, десять лет? –
То острожничал я, то бродяжил.
Это теплое мясо носил скелет
На общипку, как пух лебяжий.
Че́рта ль с того, что хотелось мне жить?
Что жестокостью сердце устало хмуриться?
Ах, дорогой мой,
Для помещика мужик –
Все равно что овца, что курица.
Ежедневно молясь на зари желтый гроб,

Кандалы я сосал голубыми руками…
Вдруг… три ночи назад… губернатор Рейнсдорп,
Как сорвавшийся лист,
Взлетел ко мне в камеру…
«Слушай, каторжник!
(Так он сказал.)
Лишь тебе одному поверю я.
Там в ковыльных просторах ревет гроза,
От которой дрожит вся империя,
Там какой-то пройдоха, мошенник и вор
Вздумал вздыбить Россию ордой грабителей,
И дворянские головы сечет топор –
Как березовые купола
В лесной обители.
Ты, конечно, сумеешь всадить в него нож?
(Так он сказал, так он сказал мне.)
Вот за эту услугу ты свободу найдешь
И в карманах зазвякает серебро, а не камни».
Уж три ночи, три ночи, пробираясь сквозь тьму,
Я ищу его лагерь, и спросить мне некого.
Проведите ж, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека!

Зарубин

Странный гость.

Подуров

Подозрительный гость.

Зарубин

Как мы можем тебе довериться?

Подуров

Их немало, немало, за червонцев горсть
Готовых пронзить его сердце.

Хлопуша

Ха-ха-ха!
Это очень неглупо,
Вы надежный и крепкий щит.
Только весь я до самого пупа –
Местью вскормленный бунтовщик.
Каплет гноем смола прогорклая
Из разодранных ребер изб.
Завтра ж ночью я выбегу волком
Человеческое мясо грызть.
Все равно ведь, все равно ведь, все равно ведь
Не сожрешь – так сожрут тебя ж.
Нужно вечно держать наготове
Эти руки для драки и краж.
Верьте мне!
Я пришел к вам как друг.
Сердце радо в пурге расколоться,
Оттого, что без Хлопуши
Вам не взять Оренбург
Даже с сотней лихих полководцев.

Зарубин

Так открой нам, открой, открой
Тот план, что в тебе хоронится.

Подуров

Мы сейчас же, сейчас же пошлем тебя в бой
Командиром над нашей конницей.

Хлопуша

Нет!
Хлопуша не станет биться.
У Хлопуши другая мысль.
Он хотел бы, чтоб гневные лица
Вместе с злобой умом налились.
Вы бесстрашны, как хищные звери,
Грозен лязг ваших битв и побед,
Но ведь все ж у вас нет артиллерии?
Но ведь все ж у вас пороху нет?
Ах, в башке моей, словно в бочке,

Мозг, как спирт, хлебной едкостью лют.
Знаю я, за Сакмарой рабочие
Для помещиков пушки льют.
Там найдется и порох, и ядра,
И наводчиков зоркая рать,
Только надо сейчас же, не откладывая,
Всех крестьян в том краю взбунтовать.
Стыдно медлить здесь, стыдно медлить,
Гнев рабов – не кобылий фырк…
Так давайте ж по липовой меди
Трахнем вместе к границам Уфы.

VI

В стане Зарубина
Зарубин

Эй ты, люд честной да веселый,
Забубенная трын-трава.
Подружилась с твоими селами
Скуломордая татарва.
Свищут кони, как вихри, по полю,
Только взглянешь – и след простыл.
Месяц, желтыми крыльями хлопая,
Раздирает, как ястреб, кусты.
Загляжусь я по ровной голи
В синью стынущие луга,
Не березовая ль то Монголия?
Не кибитки ль киргиз – стога?..
Слушай, люд честной, слушай, слушай
Свой кочевнический пересвист!
Оренбург, осажденный Хлопушей,
Ест лягушек, мышей и крыс.
Треть страны уже в наших руках,
Треть страны мы как войско выставили.
Нынче ж в ночь потеряет враг
По Приволжью все склады и пристани.

Шигаев

Стоп, Зарубин!
Ты, наверное, не слыхал,

Это видел не я…
Другие…
Многие…
Около Самары с пробитой башкой ольха,
Капая желтым мозгом,
Прихрамывает при дороге.
Словно слепец, от ватаги своей отстав,
С гнусавой и хриплой дрожью
В рваную шапку вороньего гнезда
Просит она на пропитанье
У проезжих и у прохожих.
Но никто ей не бросит даже камня.
В испуге крестясь на звезду,
Все считают, что это страшное знамение,
Предвещающее беду.
Что-то будет.
Что-то должно случиться.
Говорят, наступит глад и мор,
По сту раз на лету будет склевывать птица
Желудочное свое серебро.

Торнов

Да-да-да!
Что-то будет!
Повсюду
Воют слухи, как псы у ворот,
Дует в души суровому люду
Ветер сырью и вонью болот.
Быть беде!
Быть великой потере!
Знать, не зря с луговой стороны
Луны лошадиный череп
Каплет золотом сгнившей слюны.

Зарубин

Врете! Врете вы,
Нож вам в спины!
С детства я не видал в глаза,
Чтоб от этакой чертовщины
Хуже бабы дрожал казак.

Шигаев

Не дрожим мы, ничуть не дрожим!
Наша кровь – не башкирские хляби.
Сам ты знаешь ведь, чьи ножи
Пробивали дорогу в Челябинск.
Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто разбил наголо Сарапуль.
Столько мух не сидело у тебя на носу,
Сколько пуль в наши спины вцарапали.
В стужу ль, в сырость ли,
В ночь или днем –
Мы всегда наготове к бою,
И любой из нас больше дорожит конем,
Чем разбойной своей головою.
Но кому-то грозится, грозится беда,
И ее ль казаку не слышать?
Посмотри, вон сидит дымовая труба,
Как наездник, верхом на крыше.
Вон другая, вон третья,
Не счесть их рыл
С залихватской тоской остолопов,
И весь дикий табун деревянных кобыл
Мчится, пылью клубя, галопом.
Ну куда ж он? Зачем он?
Каких дорог
Оголтелые всадники ищут?
Их стегает, стегает переполох
По стеклянным глазам кнутовищем.

Зарубин

Нет, нет, нет!
Ты не понял…
То слышится звань,
Звань к оружью под каждой оконницей.
Знаю я, нынче ночью идет на Казань
Емельян со свирепой конницей.
Сам вчера, от восторга едва дыша,
За горой в предрассветной мгле
Видел я, как тянулись за Черемшан
С артиллерией тысчи телег.
Так торжественно с хрипом колесным обоз
По дорожным камням грохотал.

Рев верблюдов сливался с блеянием коз
И с гортанною речью татар.

Торнов

Что ж, мы верим, мы верим,
Быть может,
Как ты мыслишь, все так и есть,
Голос гнева, с бедою схожий,
Нас сзывает на страшную месть.
Дай Бог!
Дай Бог, чтоб так и сталось.

Зарубин

Верьте, верьте!
Я вам клянусь!
Не беда, а нежданная радость
Упадет на мужицкую Русь.
Вот взвенел, словно сабли о панцири,
Синий сумрак над ширью равнин.
Даже рощи –
И те повстанцами
Подымают хоругви рябин.
Зреет, зреет веселая сеча.
Взвоет в небо кровавый туман.
Гулом ядер и свистом картечи
Будет завтра их крыть Емельян.
И чтоб бунт наш гремел безысходней,
Чтоб вконец не сосала тоска, –
Я сегодня ж пошлю вас, сегодня,
На подмогу его войскам.

VII

Ветер качает рожь
Чумаков

Что это? Как это? Неужель мы разбиты?
Сумрак голодной волчицей выбежал кровь зари лакать.*
О эта ночь! Как могильные плиты,

По небу тянутся каменные облака.
Выйдешь в поле, зовешь, зовешь,
Кличешь старую рать, что легла под Сарептой,
И глядишь и не видишь – то ли зыбится рожь,
То ли желтые полчища пляшущих скелетов.
Нет, это не август, когда осыпаются овсы,
Когда ветер по полям их колотит дубинкой грубой.
Мертвые, мертвые, посмотрите, кругом мертвецы,
Вон они хохочут, выплевывая сгнившие зубы.
Сорок тысяч нас было, сорок тысяч,
И все сорок тысяч за Волгой легли, как один.
Даже дождь так не смог бы траву иль солому высечь,
Как осыпали саблями головы наши они.
Что это? Как это? Куда мы бежим?
Сколько здесь нас в живых осталось?
От горящих деревень бьющий лапами в небо дым
Расстилает по земле наш позор и усталость.
Лучше б было погибнуть нам там и лечь,
Где кружит воронье беспокойным, зловещим свадьбищем,
Чем струить эти пальцы пятерками пылающих свеч,
Чем нести это тело с гробами надежд, как кладбище!

Бурнов

Нет! Ты не прав, ты не прав, ты не прав,
Я сейчас чувством жизни, как никогда, болен.
Мне хотелось бы, как мальчишке, кувыркаться
по золоту трав
И сшибать черных галок с крестов голубых колоколен.
Все, что отдал я за свободу черни,
Я хотел бы вернуть и поверить снова,
Что вот эту луну,
Как керосиновую лампу в час вечерний,
Зажигает фонарщик из города Тамбова.
Я хотел бы поверить, что эти звезды – не звезды,
Что это – желтые бабочки, летящие на лунное пламя…
Друг!..
Зачем же мне в душу ты ропотом слезным
Бросаешь, как в стекла часовни, камнем?

Чумаков

Что жалеть тебе смрадную холодную душу, –
Околевшего медвежонка в тесной берлоге?
Знаешь ли ты, что в Оренбурге зарезали Хлопушу?
Знаешь ли ты, что Зарубин в Табинском остроге?
Наше войско разбито вконец Михельсоном,
Калмыки и башкиры удрали к Аральску в Азию.
Не с того ли так жалобно
Суслики в поле притоптанном стонут,
Обрызгивая мертвые головы, как кленовые
листья, грязью?
Гибель, гибель стучит по деревням в колотушку.
Кто ж спасет нас? Кто даст нам укрыться?
Посмотри! Там опять, там опять за опушкой
В воздух крылья крестами бросают крикливые птицы.

Бурнов

Нет-нет-нет! Я совсем не хочу умереть!
Эти птицы напрасно над нами вьются.
Я хочу снова отроком, отряхая с осинника медь,
Подставлять ладони, как белые скользкие блюдца.
Как же смерть?
Разве мысль эта в сердце поместится,
Когда в Пензенской губернии у меня есть свой дом?
Жалко солнышко мне, жалко месяц,
Жалко тополь над низким окном.
Только для живых ведь благословенны
Рощи, потоки, степи и зеленя.
Слушай, плевать мне на всю вселенную,
Если завтра здесь не будет меня!
Я хочу жить, жить, жить,
Жить до страха и боли,
Хоть карманником, хоть золоторотцем,
Лишь бы видеть, как мыши от радости прыгают в поле,
Лишь бы слышать, как лягушки от восторга поют в колодце.
Яблоновым цветом брызжется душа моя белая,
В синее пламя ветер глаза раздул.
Ради Бога, научи́те меня,
Научи́те меня, и я что угодно сделаю,
Сделаю что угодно, чтоб звенеть в человечьем саду!

Творогов

Стойте! Стойте!
Если б знал я, что вы не трусливы,
То могли б мы спастись без труда.
Никому б не открыли наш заговор безъязыкие ивы,
Сохранила б молчанье одинокая в небе звезда.
Не пугайтесь!
Не пугайтесь жестокого плана,
Это не тяжелее, чем хруст ломаемых в теле костей,
Я хочу предложить вам:
Связать на заре Емельяна
И отдать его в руки грозящих нам смертью властей.

Чумаков

Как, Емельяна?

Бурнов

Нет! Нет! Нет!

Творогов

Хе-хе-хе!
Вы глупее, чем лошади!
Я уверен, что завтра ж,
Лишь золотом плюнет рассвет,
Вас развесят солдаты, как туш, на какой-нибудь площади.
И дурак тот, дурак, кто жалеть будет вас.
Оттого, что сами себе вы придумали тернии.
Только раз ведь живем мы, только раз!
Только раз светит юность, как месяц в родной губернии.
Слушай, слушай, есть дом у тебя на Суре,
Там в окно твое тополь стучится багряными листьями,
Словно хочет сказать он хозяину в хмурой октябрьской поре,
Что изранила его осень холодными меткими выстрелами.
Как же сможешь ты тополю помочь?
Чем залечишь ты его деревянные раны?
Вот такая же жизни осенняя гулкая ночь
Общипала, как тополь зубами дождей, Емельяна.

Знаю, знаю, весной, когда лает вода,
Тополь снова покроется мягкой зеленой кожей.
Но уж старые листья на нем не взойдут никогда.
Их растащит зверье и потопчут прохожие.
Что мне в том, что сумеет Емельян скрыться в Азию?
Что, набравши кочевников, может снова удариться в бой?
Все равно ведь и новые листья падут и покроются грязью.
Слушай, слушай, мы старые листья с тобой!
Так чего ж нам качаться на голых корявых ветвях?
Лучше оторваться и броситься в воздух кружиться,
Чем лежать и струить золотое гниенье в полях,
Чем глаза твои выклюют черные хищные птицы.
Тот, кто хочет за мной, – в добрый час!
Нам башка Емельяна – как челн
Потопающим в дикой реке…
Только раз ведь живем мы, только раз!
Только раз славит юность, как парус, луну вдалеке.

VIII

Конец Пугачева
Пугачев

Вы с ума сошли! Вы с ума сошли! Вы с ума сошли!
Кто сказал вам, что мы уничтожены?
Злые рты, как с протухшею пищей кошли,
Зловонно рыгают бесстыдной ложью.
Трижды проклят тот трус, негодяй и злодей,
Кто сумел окормить вас такою дурью.
Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей
И попасть до рассвета со мною в Гурьев.
Да, я знаю, я знаю, мы в страшной беде,
Но затем-то и злей над туманною вязью
Деревянными крыльями по каспийской воде
Наши лодки заплещут, как лебеди, в Азию.
О Азия, Азия! Голубая страна,
Обсыпанная солью, песком и известкой.
Там так медленно по небу едет луна,
Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой.
Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо
Скачут там шерстожелтые горные реки!
Не с того ли так свищут монгольские орды

Всем тем диким и злым, что сидит в человеке?
Уж давно я, давно я скрывал тоску
Перебраться туда, к их кочующим станам,
Чтоб разящими волнами их сверкающих скул
Стать к преддверьям России, как тень Тамерлана.
Так какой же мошенник, прохвост и злодей
Окормил вас бесстыдной трусливой дурью?
Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей
И попасть до рассвета со мною в Гурьев.

Крямин

О смешной, о смешной, о смешной Емельян!
Ты все такой же сумасбродный, слепой и вкрадчивый…
Расплескалась удаль твоя по полям,
Не вскипеть тебе больше ни в какой азиатчине.
Знаем мы, знаем твой монгольский народ,
Нам ли храбрость его неизвестна?
Кто же первый, кто первый, как не этот сброд
Под Сакмарой ударился в бегство?
Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
Выбирала для жертвы самых слабых и меньших,
Только б грабить и жечь ей пограничную Русь
Да привязывать к седлам добычей женщин.
Ей всегда был приятней набег и разбой,
Чем суровые походы с житейской хмурью.
Нет, мы больше не можем идти за тобой,
Не хотим мы ни в Азию, ни на Каспий, ни в Гурьев.

Пугачев

Боже мой, что я слышу?
Казак, замолчи!
Я заткну твою глотку ножом иль выстрелом…
Неужели и вправду отзвенели мечи?
Неужель это плата за все, что я выстрадал?
Нет-нет-нет, не поверю, не может быть!
Не на то вы взрастали в степных станицах,
Никакие угрозы суровой судьбы
Не должны вас заставить смириться.
Вы должны разжигать еще больше тот взвой,
Когда ветер метелями с наших стран дул…
Смело ж к Каспию! Смело за мной!

Эй вы, сотники, слушать команду!

Крямин

Нет! Мы больше не слуги тебе!
Нас не взманит твое сумасбродство.
Не хотим мы в ненужной и глупой борьбе
Лечь, как толпы других, по погостам.
Есть у сердца невзгоды и тайный страх
От кровавых раздоров и стонов.
Мы хотели б, как прежде, в родных хуторах
Слушать шум тополей и кленов.
Есть у нас роковая зацепка за жизнь,
Что прочнее канатов и проволок…
Не пора ли тебе, Емельян, сложить
Перед властью мятежную голову?!
Все равно то, что было, назад не вернешь,
Знать, недаром листвою октябрь заплакал…

Пугачев

Как? Измена?
Измена?
Ха-ха-ха!..
Ну так что ж!
Получай же награду свою, собака!

(Стреляет.)
Крямин падает мертвым. Казаки с криком обнажают сабли. Пугачев, отмахиваясь кинжалом, пятится к стене.

Голоса

Вяжите его! Вяжите!

Творогов

Бейте! Бейте прям саблей в морду!

Первый голос

Натерпелись мы этой прыти…

Второй голос

Тащите его за бороду…

Пугачев

…Дорогие мои… Хор-рошие…
Что случилось? Что случилось? Что случилось?
Кто так страшно визжит и хохочет
В придорожную грязь и сырость?
Кто хихикает там исподтишка,
Злобно отплевываясь от солнца?
…Ах, это осень!
Это осень вытряхивает из мешка
Чеканенные сентябрем червонцы.
Да! Погиб я!
Приходит час…
Мозг, как воск, каплет глухо, глухо…
…Это она!..
Это она подкупила вас,
Злая и подлая оборванная старуха.
Это она, она, она,
Разметав свои волосы зарею зыбкой,
Хочет, чтоб сгибла родная страна
Под ее невеселой холодной улыбкой.

Творогов

Ну, рехнулся… чего ж глазеть?

Вяжите!

Чай, не выбьет стены головою.
Слава Богу! конец его зверской резне,
Конец его злобному волчьему вою.
Будет ярче гореть теперь осени медь,
Мак зари черпаками ветров не выхлестать.
Торопитесь же!
Нужно скорей поспеть
Передать его в руки правительства.

Где ж ты? Где ж ты, былая мощь?
Хочешь встать – и рукою не можешь двинуться!
Юность, юность! Как майская ночь,
Отзвенела ты черемухой в степной провинции.
Вот всплывает, всплывает синь ночная над Доном,
Тянет мягкою гарью с сухих перелесиц.
Золотою известкой над низеньким домом
Брызжет широкий и теплый месяц.
Где-то хрипло и нехотя кукарекнет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет околица.
И все дальше, все дальше, встревоживши сонный луг,
Бежит колокольчик, пока за горой не расколется.
Боже мой!
Неужели пришла пора?
Неужель под душой так же падаешь, как под ношей?
А казалось… казалось еще вчера…
Дорогие мои… дорогие… хор-рошие…

Март-август 1921

Страна негодяев

Персонал
Комиссар из охраны железнодорожных линий *Чекистов*.
Замарашкин – сочувствующий коммунистам доброволец.
Бандит *Номах*.
Комиссары приисков Рассветов, Чарин, Лобок.
Комендант поезда.
Красноармейцы.
Рабочие.
Советский сыщик *Литза-Хун*.
Повстанец *Барсук*.
Повстанцы.
Милиционеры.

Часть первая

На карауле

Снежная чаща. Железнодорожная будка Уральской линии. Чекистов, охраняющий линию, ходит с одного конца в другой.

Чекистов

Ну и ночь! Что за ночь!
Черт бы взял эту ночь
С… адским холодом
И такой темнотой,
С тем, что нужно без устали
Бельма пе́рить.

Стой!
Кто идет?
Отвечай!..
А не то
Мой наган размозжит твой череп!
Стой, холера тебе в живот!

Замарашкин

Тише… тише…
Легче бранись, Чекистов!
От ругательств твоих
Даже у будки краснеют стены.
И с чего это, брат мой,
Ты так неистов?
Это ж… я… Замарашкин…
Иду на смену…

Чекистов

Черт с тобой, что ты Замарашкин!
Я ведь не собака,
Чтоб слышать носом.

Замарашкин

Ох, и зол же ты, брат мой!..

Аж до печенок страшно…
Я уверен, что ты страдаешь
Кровавым поносом…

Чекистов

Ну конечно, страдаю!..
От этой проклятой селедки
Может вконец развалиться брюхо.
О!
Если б теперь… рюмку водки…
Я бы даже не выпил…
А так…
Понюхал…

Знаешь? Когда эту селедку берешь за хвост,
То думаешь,
Что вся она набита рисом…
Разломаешь,
Глядь:
Черви… Черви…
Жирные белые черви…
Дьявол нас, знать, занес
К этой грязной мордве
И вонючим черемисам!

Замарашкин

Что ж делать,
Когда выпал такой нам год?
Скверный год! Отвратительный год!
Это еще ничего…
Там… За Самарой… Я слышал…
Люди едят друг друга…
Такой выпал нам год!
Скверный год!
Отвратительный год
И к тому ж еще чертова вьюга.

Чекистов

Мать твою в эт-твою!

Ветер, как сумасшедший мельник,
Крутит жерновами облаков
День и ночь…
День и ночь…
А народ ваш сидит, бездельник,
И не хочет себе ж помочь.
Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик!
Коль живет он в Рязанской губернии,
Так о Тульской не хочет тужить.
То ли дело Европа?
Там тебе не вот эти хаты,
Которым, как глупым курам,
Головы нужно давно под топор…

Замарашкин

Слушай, Чекистов!..
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты
Настоящий жид.
Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой, что ты жил
За границей…
Все равно в Могилеве твой дом.

Чекистов

Ха-ха!
Ты обозвал меня жидом?
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей.
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысчи лет,
Потому что…
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими

И строили храмы Божие…
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.
Ха-ха!
Что скажешь, Замарашкин?
Ну?
Или тебе обидно,
Что ругают твою страну?
Бедный! Бедный Замарашкин…

Замарашкин

Черт-те что ты городишь, Чекистов!

Чекистов

Мне нравится околёсина.
Видишь ли… я в жизни
Был бедней церковного мыша
И глодал вместо хлеба камни.
Но у меня была душа,
Которая хотела быть Гамлетом.
Глупая душа, Замарашкин!
Ха-ха!
А когда я немного подрос,
Я увидел…
Слышатся чьи-то шаги.
Тише… Помолчи, голубчик…
Кажется… кто-то… кажется…
Черт бы взял этого мерзавца Номаха
И всю эту банду повстанцев!
Я уверен, что нынче ночью
Ты заснешь, как плаха,
А он опять остановит поезд
И разграбит станцию.

Замарашкин

Я думаю, этой ночью он не придет.
Нынче от холода в воздухе
Дохли птицы.
Для конницы нынче

Дорога скользка́, как лед,
А с пехотой прийти
Он и сам побоится.
Нет! этой ночью он не придет!
Будь спокоен, Чекистов!
Это просто с мороза проскрипело дерево…

Чекистов

Хорошо! Я спокоен. Сейчас уйду.
Продрог до костей от волчьей стужи.
А в казарме сегодня,
Как на беду,
Из прогнившей картошки
Холодный ужин.
Эх ты, Гамлет, Гамлет!
Ха-ха, Замарашкин!..
Прощай!
Карауль в оба!..

Замарашкин

Хорошего аппетита!
Спокойной ночи!

Чекистов

Мать твою в эт-твою!

(*Уходит.*)

Ссора из-за фонаря

Некоторое время Замарашкин расхаживает около будки один. Потом неожиданно подносит руку к губам и издает в два пальца осторожный свист. Из чащи, одетый в русский полушубок и в шапку-ушанку, выскакивает Номах.

Номах

Что говорил тебе этот коммунист?

Замарашкин

Слушай, Номах! Оставь это дело.
Они за тебя по-настоящему взяли́сь.
Как бы не на столбе
Очутилось твое тело.

Номах

Ну так что ж!
Для ворон будет пища.

Замарашкин

Но ты должен щадить других.

Номах

Что другие?
Свора голодных нищих.
Им все равно…
В этом мире немытом
Душу человеческую
Ухорашивают рублем,
И если преступно здесь быть бандитом,
То не более преступно,
Чем быть королем…
Я слышал, как этот прохвост
Говорил тебе о Гамлете.
Что он в нем смыслит?
Гамлет восстал против лжи,
В которой варился королевский двор.
Но если б теперь он жил,
То был бы бандит и вор.
Потому что человеческая жизнь
Это тоже двор,
Если не королевский, то скотный.

Замарашкин

Помнишь, мы зубрили в школе?
«Слова, слова, слова…»
Впрочем, я вас обоих
Слушаю неохотно.

У меня есть своя голова.
Я только всему свидетель,
В тебе ж люблю старого друга.
В час несчастья с тобой на свете
Моя помощь к твоим услугам.

Номах

Со мною несчастье всегда.
Мне нравятся жулики и воры.
Мне нравятся груди,
От гнева спертые.
Люди устраивают договоры,
А я посылаю их к черту.
Кто смеет мне быть правителем?
Пусть те, кому дорог хлев,
Называются гражданами и жителями
И жиреют в паршивом тепле.
Это все твари тленные!
Предмет для навозных куч!
А я – гражданин вселенной,
Я живу, как я сам хочу!

Замарашкин

Слушай, Номах… Я знаю,
Быть может, ты дьявольски прав,
Но все ж… Я тебе желаю
Хоть немного смирить свой нрав.
Подумай… Не завтра, так после…
Не после… Так после опять…
Слова ведь мои не кости,
Их можно легко прожевать.
Ты понимаешь, Номах?

Номах

Ты думаешь, меня это страшит?
Я знаю мою игру.
Мне здесь на все наплевать.
Я теперь вконец отказался от многого,
И в особенности от государства,

Как от мысли праздной,
Оттого что постиг я,
Что все это договор,
Договор зверей окраски разной.
Люди обычаи чтут как науку,
Да только какой же в том смысл и прок,
Если многие громко сморкаются в руку,
А другие обязательно в носовой платок.
Мне до дьявола противны
И те и эти.
Я потерял равновесие…
И знаю сам –
Конечно, меня подвесят
Когда-нибудь к небесам.
Ну так что ж!
Это еще лучше!
Там можно прикуривать о звезды…
Но…
Главное не в этом.
Сегодня проходит экспресс,
В 2 ночи –
46 мест.
Красноармейцы и рабочие.
Золото в слитках.

Замарашкин

Ради Бога, меня не впутывай!

Номах

Ты дашь фонарь?
Замарашкин
Какой фонарь?

Номах

Красный.
Замарашкин
Этого не будет!

Номах

Будет хуже.

Замарашкин

Чем хуже?

Номах

Я разберу рельсы.

Замарашкин

Номах! Ты подлец!
Ты хочешь меня под расстрел…
Ты хочешь, чтоб Трибунал…

Номах

Не беспокойся! Ты будешь цел.
Я 200 повстанцев сюда пригнал.
Коль боишься расстрела,
Бежим со мной.

Замарашкин

Я? С тобой?
Да ты спятил с ума!

Номах

В голове твоей бродит
Непроглядная тьма.
Я думал – ты смел,
Я думал – ты горд,
А ты только лишь лакей
Узаконенных держиморд.
Ну так что ж!
У меня есть выход другой,

Он не хуже…

Замарашкин

Я не был никогда слугой.
Служит тот, кто трус.
Я не пленник в моей стране,
Ты меня не заманишь к себе.
Уходи! Уходи!
Уходи ради дружбы.

Номах

Ты, как сука, скулишь при луне…

Замарашкин

Уходи! Не заставь скорбеть…
Мы ведь товарищи старые…
Уходи, говорю тебе…
(*Трясет винтовкой.)*
А не то вот на этой гитаре
Я сыграю тебе разлуку.

Номах (смеясь)

Слушай, защитник коммуны,
Ты, пожалуй, этой гитарой
Оторвешь себе руку.
Спрячь-ка ее, бесструнную,
Чтоб не охрипла на холоде.
Я и сам ведь сонату лунную
Умею играть на кольте.

Замарашкин

Ну и играй, пожалуйста.
Только не здесь.
Нам такие музыканты не нужны.

Номах

Все вы носите овечьи шкуры,
И мясник пасет для вас ножи.
Все вы стадо!
Стадо! Стадо!
Неужели ты не видишь? Не поймешь,
Что такого равенства не надо?
Ваше равенство – обман и ложь.
Старая гнусавая шарманка
Этот мир идейных дел и слов.
Для глупцов – хорошая приманка,
Подлецам – порядочный улов.
Дай фонарь!

Замарашкин

Иди ты к черту!

Номах

Тогда не гневайся,
Пускай тебя не обижает
Другой мой план.

Замарашкин

Ни один план твой не пройдет.

Номах

Ну, это мы еще увидим…
Послушай, я тебе скажу:
Коль я хочу,
Так, значит, надо.
Ведь я башкой моей не дорожу
И за грабеж не требую награды.
Все, что возьму, –
Я все отдам другим.
Мне нравится игра,
Ни слава и ни злато.
Приятно мне под небом голубым

Утешить бедного и вшивого собрата.
Дай фонарь!

Замарашкин

Отступись, Номах!

Номах

Я хочу сделать для бедных праздник.

Замарашкин

Они сделают его сами.

Номах

Они сделают его через 1000 лет.

Замарашкин

И то хорошо.

Номах

А я сделаю его сегодня.

Бросается на Замарашкина и давит его за горло. Замарашкин падает. Номах завязывает ему рот платком и скручивает веревками руки и ноги. Некоторое время он смотрит на лежащего, потом идет в будку и выходит оттуда с зажженным красным фонарем.

Часть вторая

Экспресс № 5

Салон-вагон. В вагоне страшно накурено. Едут комиссары и рабочие. Ведут спор.

Рассветов

Чем больше гляжу я на снежную ширь,
Тем думаю все упорнее.
Черт возьми!
Да ведь наша Сибирь
Богаче, чем желтая Калифорния.
С этими запасами руды
Нам не страшна никакая
Мировая блокада.
Только работай! Только трудись!
И в республике будет,
Что кому надо.
Можно ль представить,
Что в месяц один
Открыли пять золотоносных жил.
В Америке это было бы сенсацией,
На бирже стоял бы рев.
Маклера бы скупали акции,
Выдавая 1 пуд за 6 пудов.
Я работал в клондайкских приисках,
Где один нью-йоркский туз
За 3 миллиона без всякого риска
12½ положил в картуз.
А дело все было под шепот,
Просто биржевой трюк,
Но многие, денежки вхлопав,
Остались почти без брюк.
О! эти американцы…
Они – неуничтожимая моль.
Сегодня он в оборванцах,
А завтра золотой король.
Так было и здесь…
Самый простой прощалыга
Из индианских мест
Жил, по-козлиному прыгал
И вдруг в богачи пролез.
Я помню все штуки эти.

Мы жили в ночлежках с ним.
Он звал меня мистер Развети,
А я его – мистер Джим.
«Послушай, – сказал он, – plis,
Ведь это не написано в брамах,
Чтобы без wiski и miss
Мы валялись с тобою в ямах.
У меня в животе лягушки
Завелись от голодных дум.
Я хочу хорошо кушать
И носить хороший костюм.
Есть одна у меня затея,
И если ты не болван,
То без всяких словес, не потея,
Согласишься на этот план.
Нам нечего очень стараться,
Чтоб расходовать жизненный сок.
Я знаю двух-трех мерзавцев,
У которых золотой песок.
Они нам отыщут банкира
(т. е. мерзавцы эти),
И мы будем королями мира…
Ты понял, мистер Развети?»
«Открой мне секрет, Джим!» –
Сказал я ему в ответ.
А он мне сквозь трубочный дым
Пробулькал:
«Секретов нет!
Мы просто возьмем два ружья,
Зарядим золотым песком
И будем туда стрелять,
Куда нам укажет Том».
(А Том этот был рудокоп –
Мошенник, каких поискать.)
И вот мы однажды тайком
В Клондайке.
Нас целая рать…
И по приказу, даденному
Под браунинги в висок,
Мы в четыре горы-громадины
Золотой стреляли песок,
Как будто в слонов лежащих,
Чтоб достать дорогую кость.
И громом гремела в чащах

Ружей одичалая злость.
Наш предводитель живо
Шлет телеграмму потом:
«*Открыли золотую жилу.*
Приезжайте немедленно.
Том».
А дело было под шепот,
Просто биржевой трюк…
Но многие, денежки вхлопав,
Остались почти без брюк.

Чарин

Послушай, Рассветов! и что же,
Тебя не смутил обман?

Рассветов

Не все ли равно,
К какой роже
Капиталы текут в карман.
Мне противны и те, и эти.
Все они –
Класс грабительских банд.
Но должен же, друг мой, на свете
Жить Рассветов Никандр.

Голос из группы

Правильно!

Другой голос

Конечно, правильно!

Третий голос

С паршивой овцы хоть шерсти
Человеку рабочему клок.

Чарин

Значит, по этой версии
Подлость подчас не порок?

Первый голос

Ну конечно, в собачьем стане,
С философией жадных собак,
Защищать лишь себя не станет
Тот, кто навек дурак.

Рассветов

Дело, друзья, не в этом.
Мой рассказ вскрывает секрет.
Можно сказать перед всем светом,
Что в Америке золота нет.
Там есть соль,
Там есть нефть и уголь,
И железной много руды.
Кладоискателей вьюга
Замела золотые следы.
Калифорния – это мечта
Всех пропойц и неумных бродяг.
Тот, кто глуп или мыслить устал,
Прозябает в ее краях.
Эти люди – гнилая рыба.
Вся Америка – жадная пасть,
Но Россия… вот это глыба…
Лишь бы только Советская власть!..
Мы, конечно, во многом отстали.
Материк наш –
Лес, степь да вода.
Из железобетона и стали
Там настроены города.
Вместо наших глухих раздолий
Там, на каждой почти полосе,
Перерезано рельсами поле
С цепью каменных рек-шоссе.
И по каменным рекам без пыли,
И по рельсам без стона шпал
И экспрессы и автомобили

От разбега в бензинном мыле
Мчат, секундой считая долла́р.
Места нет здесь мечтам и химерам,
Отшумела тех лет пора.
Все курьеры, курьеры, курьеры,
Маклера, маклера, маклера…
От еврея и до китайца,
Проходимец и джентельмен –
Все в единой графе считаются
Одинаково – bisnes men.
На цилиндры, шапо и кепи
Дождик акций свистит и льет.
Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп, или пьян.
Вот она – Мировая Биржа!
Вот они – подлецы всех стран.

Чарин

Да, Рассветов! но все же, однако,
Ведь и золота мы хотим.
И у нас биржевая клоака
Расстилает свой едкий дым.
Никому ведь не станет в новинки,
Что в кремлевские буфера
Уцепились когтями с Ильинки
Маклера, маклера, маклера…
И в ответ партийной команде,
За налоги на крестьянский труд,
По стране свищет банда на банде,
Волю власти считая за кнут.
И кого упрекнуть нам можно?
Кто сумеет закрыть окно,
Чтоб не видеть, как свора острожная
И крестьянство так любят Махно?
Потому что мы очень строги,
А на строгость ту зол народ,
У нас портят железные дороги,
Гибнут озими, падает скот.
Люди с голоду бросились в бегство,
Кто в Сибирь, а кто в Туркестан,
И оскалилось людоедство

На сплошной недород у крестьян.
Их озлобили наши поборы,
И, считая весь мир за Бедлам,
Они думают, что мы воры
Иль поблажку даем ворам.
Потому им и любы бандиты,
Что всосали в себя их гнев.
Нужно прямо сказать, открыто,
Что республика наша – blef,
Мы не лучшее, друг мой, дерьмо.

Рассветов

Нет, дорогой мой!
Я вижу, у вас
Нет понимания масс.
Ну кому же из нас не известно
То, что ясно как день для всех.
Вся Россия – пустое место.
Вся Россия – лишь ветер да снег.
Этот отзыв ни резкий, ни черствый.
Знают все, что до наших лбов
Мужики караулили версты
Вместо пегих дорожных столбов.
Здесь все дохли в холере и оспе.
Не страна, а сплошной бивуак.
Для одних – золотые россыпи,
Для других – непроглядный мрак.
И кому же из нас незнакомо,
Как на теле паршивый прыщ, –
Тысчи лет из бревна да соломы
Строят здания наших жилищ.
10 тысяч в длину государство,
В ширину окло верст тысяч 3-х.
Здесь одно лишь нужно лекарство –
Сеть шоссе и железных дорог.
Вместо дерева нужен камень,
Черепица, бетон и жесть.
Города создаются руками,
Как поступками – слава и честь.
Подождите!
Лишь только клизму
Мы поставим стальную стране,
Вот тогда и конец бандитизму,

Вот тогда и конец резне.

Слышатся тревожные свистки паровоза. Поезд замедляет ход. Все вскакивают.

Рассветов

Что такое?
Лобок
Тревога!
Первый голос
Тревога!

Рассветов

Позовите коменданта!

Комендант
(вбегая)

Я здесь.

Рассветов

Что случилось?

Комендант

Красный фонарь…

Рассветов
(смотрит в окно)

Гм… да… я вижу…

Лобок

Дьявольская метель…
Вероятно, занос.

Комендант

Сейчас узнаем…

Поезд останавливается. Комендант выбегает.
Рассветов

Это не станция и не разъезд,
Просто маленькая железнодорожная будка.

Лобок

Мне говорили, что часто здесь
Поезда прозябают по целым суткам.
Ну, а еще я слышал…

Чарин

Что слышал?

Лобок

Что здесь немного шалят.

Рассветов

Глупости…

Лобок

Для кого как.

Входит комендант.
Рассветов

Ну?

Комендант

Здесь стрелочник и часовой
Говорят, что отсюда за ½ версты
Сбита рельса.

Рассветов

Надо поправить.

Комендант

Часовой говорит, что до станции
По другой ветке верст 8.
Можно съездить туда
И захватить мастеров.

Рассветов

Отцепляйте паровоз и поезжайте.

Комендант

Это дело 30-ти минут.

Уходит. Рассветов и другие остаются, погруженные в молчание.

После 30-ти минут

Красноармеец
(вбегая в салон-вагон)

Несчастие! Несчастие!
Все

(вперебой)

Что такое?..
Что случилось?..
Что такое?..

Красноармеец

Комендант убит.
Вагон взорван.
Золото ограблено.
Я ранен.
Несчастие! Несчастие!

Вбегает рабочий.
Рабочий

Товарищи! Мы обмануты!
Стрелочник и часовой
Лежат здесь в будке.
Они связаны.
Это провокация бандитов.

Рассветов

За каким вы дьяволом
Увезли с собой вагон?

Красноармеец

Комендант послушался стрелочника…

Рассветов

Мертвый болван!

Красноармеец

Лишь только мы завернули
На этот… другой путь,
Часовой сразу 2 пули
Всадил коменданту в грудь.
Потом выстрелил в меня.
Я упал…
Потом он громко свистнул,
И вдруг, как из-под земли,
Сугробы взрывая,

Нас окружили в при́ступ
Окло двухсот негодяев.
Машинисту связали руки,
В рот запихали платок.
Потом я услышал стуки
И взрыв, где лежал песок.
Метель завывала чертом.
В плече моем ныть и течь.
Я притворился мертвым
И понял, что надо бечь.

Лобок

Я знаю этого парня,
Что орудует в этих краях.
Он, кажется, родом с Украйны
И кличку носит Номах.

Рассветов

Номах?

Лобок

Да. Номах.

Вбегает 2-й красноармеец.
2-й красноармеец

Рельсы в полном порядке!
Так что, выходит, обман…

Рассветов
(хватаясь за голову)

И у него не хватило догадки!..
Мертвый болван!
Мертвый болван!

Часть третья

О чем говорили на вокзале N в следующий день

Замарашкин
(один около стола с телефоном)

Если б я не был обижен,
Я, может быть, и не сказал,
Но теперь я отчетливо вижу,
Что он плюнул мне прямо в глаза.

Входят Рассветов, Лобок и Чекистов.

Лобок

Я же говорил, что это место
Считалось опасным всегда.
Уже с прошлого года
Стало известно,
Что он со всей бандой перебрался сюда.

Рассветов

Что мне из того, что ты знал?
Узнай, где теперь он.

Чекистов

Ты, Замарашкин, идиот!
Я будто предчувствовал.

Рассветов

Бросьте вы к черту ругаться.
Это теперь не помога.
Нам нужно одно:
Дознаться,
По каким они скрылись дорогам.

Чекистов

Метель замела все следы.

Замарашкин

Пустяки, мы следы отыщем.
Не будем ставить громоздко
Вопрос, где лежат пути.
Я знаю из нашего розыска
Ищейку, каких не найти.
Это шанхайский китаец.
Он коммунист, и притом,
Под видом бродяги слоняясь,
Знает здесь каждый притон.

Рассветов

Это, пожалуй, дело.

Лобок

Как зовут китайца?
Уж не Литза ли Хун?

Замарашкин

Он самый!

Лобок

О, про него много говорят теперь.
Тогда Номах в наших лапах.

Рассветов

Но, я думаю… Номах
Тоже не из тетерь…

Замарашкин

Он чует самый тонкий запах.

Рассветов

Потом ведь нам очень важно
Поймать его не пустым…
Нам нужно вернуть покражу…
Но золото, может, не с ним…

Замарашкин

Золото, конечно, не при нем.
Но при слежке вернем и пропажу.
Нужно всех их забрать живьем…
Под кнутом они сами расскажут.

Рассветов

Что же: звоните в розыск.

Замарашкин
(подходит к телефону)

43-78…

Алло…

43-78?

Приволжский городок
Тайный притон с паролем «Авдотья, подними подол». 2 тайных посетителя. Кабатчица, судомойка и подавщица.
Кабатчица

Спирт самый чистый, самый настоящий!
Сама бы пила, да деньги надо.
Милости просим.
Заглядывайте почаще.
Хоть утром, хоть в полночь –
Я всегда вам рада.

Входят Номах, Барсук и еще 2 повстанца. Номах в пальто и шляпе.

Барсук

Привет тетке Дуне!

Кабатчица

Мое вам почтение, молодые люди.

1-й повстанец

Дай-ка и нам по баночке клюнуть.
С перезябу-то легче, пожалуй, будет.
Садятся за стол около горящей печки.

Кабатчица

Сейчас, мои дорогие!
Сейчас, мои хорошие!

Номах

Холод зверский. Но… все-таки
Я люблю наши русские вьюги.

Барсук

Мне все равно. Что вьюга, что дождь…
У этой тетки
Спирт такой,
Что лучше во всей округе не найдешь.

1-й повстанец

Я не люблю вьюг,
Зато с удовольствием выпью.
Когда крутит снег,
Мне кажется,
На птичьем дворе гусей щиплют.

Вкус у меня раздражительный,
Аппетит, можно сказать, – неприличный,
А потому я хотел бы положительно
Говядины или птичины.

Кабатчица

Сейчас, мои желанные…
Сейчас, сейчас…

(*Ставит спирт и закуску.*)
Номах
(тихо к кабатчице)

Что за люди… сидят здесь… окол?..

Кабатчица

Свои, голубчик,
Свои, мой сокол.
Люди не простого рода,
Знатные-с, сударь.
Я знаю их 2 года.
Посетители – первый класс,
Каких нынче мало.
У меня уж набит глаз
В оценке материала.
Люди ловкой игры.
Оба – спецы по винам.
Торгуют из-под полы
И спиртом, и кокаином.
Не беспокойтесь! У них
Язык на полке.
Их ищут самих
Красные волки.
Это дворяне,
Щербатов и Платов.

Посетители начинают разговаривать.
Щербатов

Авдотья Петровна!

Вы бы нам на гитаре
Вальс
«Невозвратное время».

Платов

Или эту… ту, что вчера…

(*Напевает)*

«Все, что было,
Все, что мило,
Все давным-давно
Уплы-ло…»
Эх, Авдотья Петровна!
Авдотья Петровна!
Кабы нам назад лет 8,
Старую Русь,
Старую жизнь,
Старые зимы,
Старую осень.

Барсук

Ишь чего хочет, сволочь!

1-й повстанец

М-да-с…

Щербатов

Невозвратное время! Невозвратное время!
Пью за Русь!
Пью за прекрасную
Прошедшую Русь.
Разве нынче народ пошел?
Разве племя?
Подлец на подлеце
И на трусе трус.
Отцвело навсегда

То, что было в стране благородно.
Золотые года!
Ах, Авдотья Петровна!
Сыграйте, Авдотья Петровна,
Вальс,
Сыграйте нам вальс
«Невозвратное время».

Кабатчица

Да, родимые! да, сердешные!
Это не жизнь, а сплошное безобразие.
Я ведь тоже была
Дворянка здешняя
И училась в первой
Городской гимназии.

Платов

Спойте! Спойте, Авдотья Петровна!
Спойте «Все, что было»!

Кабатчица

Обождите, голубчики,
Дайте с посудой справиться.

Щербатов

Пожалуйста, пожалуйста!

Платов

Пожалуйста, Авдотья Петровна!

Через кухонные двери появляется китаец.
Китаец

Ниет Амиэрика,
Ниет Евыропе.

Опий, опий,
Сыамый лыучий опий.
Шанго курил,
Диеньги дыавал,
Сыам лиубил,
Если б не сытрадал.
Куришь, колица виюца,
А хыто пыривык,
Зыабыл ливарюца,
Зыабыл большевик.
Ниет Амиэрика,
Ниет Евыропе.
Опий, опий,
Сыамый лыучий опий.

Щербатов

Эй, ходя! Давай 2 трубки.

Китаец

Диеньги пирёт.
Хыодя очень бедыный.
Тывой шибко живет,
Мой очень быледный.

Подавщица

Курить на кухню.

Щербатов

На кухню, так на кухню.

(Покачиваясь, идет с Платовым на кухню. Китаец за ними.)
Номах

Ну и народец здесь.
О всех веревка плачет.

Барсук

М-да-с…

1-й повстанец

Если так говорить,
То, значит,
В том числе и о нас.

Барсук

Разве ты себя считаешь негодяем?

1-й повстанец

Я не считаю,
Но нас считают.

2-й повстанец

Считала лисица
Ворон на дереве.

К столику подходит подавщица.
Подавщица

Сегодня в газете…

Номах

Что в газете?

Подавщица
(тихо)

Пишут, что вы разгромили поезд,
Убили коменданта и красноармейца.
За вами отправились в поиски.
Говорят, что поймать надеются.

Обещано 1000 червонцев.
С описанием ваших примет:

Блондин.

Среднего роста.
28-ми лет.

(Отходит.)
Номах

Ха-ха!
Замарашкин не выдержал.

Барсук

Я говорил, что его нужно было
Прикончить, и дело с концом.
Тогда б ни одно рыло
Не знало,
Кто справился с мертвецом.

Номах

Ты слишком кровожаден.
Если б я видел,
То и этих двоих
Не позволил убить…
Зачем?
Ведь так просто
Связать руки
И в рот платок.

Барсук

Нет! это не так уж просто.
В живом остается протест.
Молчат только те – на погостах,
На ком крепкий камень и крест.
Мертвый не укусит носа,
А живой…

Номах

Кончим об этом.

1-й повстанец

2 вопроса…

Номах

Каких?

1-й повстанец

Куда деть слитки
И куда нам?

Номах

Я сегодня в 12 в Киев.
Паспорт у меня есть.
Вас не знают, кто вы такие,
Потому оставайтесь здесь…
Телеграммой я дам вам знать,
Где я буду…
В какие минуты…
Обязательно тыщ 25
На песок закупить валюты.
Пусть они поумерят прыть –
Мы мозгами немного побольше…

Барсук

Остальное зарыть?

Номах

Часть возьму я с собой,
Остальное пока зарыть…

После можно отправить в Польшу.
У меня созревает мысль
О российском перевороте,
Лишь бы только мы крепко сошлись,
Как до этого в нашей работе.
Я не целюсь играть короля
И в правители тоже не лезу,
Но мне хочется погулять
И под порохом, и под железом.
Мне хочется вызвать тех,
Что на Марксе жиреют, как янки.
Мы посмотрим их храбрость и смех,
Когда двинутся наши танки.

Барсук

Замечательный план!

1-й повстанец

Мы всегда готовы.

2-й повстанец

Я как-то отвык без войны.

Барсук

Мы все по ней скучаем.
Стало тошно до чертиков
Под юбкой сидеть у жены
И живот напузыривать чаем.
Денег нет, чтоб пойти в кабак,
Сердце ж спиртику часто хочет.
Я от скуки стал нюхать табак –
Хоть немного в носу щекочет.

Номах

Ну, а теперь пора.
До 12 четверть часа.

(Бросает на стол два золотых.)

Барсук

Может быть, проводить?

Номах

Ни в коем случае.
Я выйду один.

(Быстро прощается и уходит.)

Из кухни появляется китаец и неторопливо выходит вслед за ним. Опьяневшие посетители садятся на свои места. Барсук берет шапку, кивает товарищам на китайца и выходит тоже.

Щербатов

Слушай, Платов!
Я совсем ничего не чувствую.

Платов

Это виноват кокаин.

Щербатов

Нет, это не кокаин.
Я, брат, не пьян.
Я всего лишь одну понюшку.
По-моему, этот китаец
Жулик и шарлатан!
Ну и народ пошел!
Ну и племя!
Ах, Авдотья Петровна!
Сыграйте нам, Авдотья Петровна, вальс…
Сыграйте нам вальс
«Невозвратное время».

(Тычется носом в стол. Платов тоже.)

Повстанцы молча продолжают пить. Кабатчица входит с

гитарой. Садится у стойки и начинает настраивать.

Часть четвертая

На вокзале N
Рассветов и Замарашкин. Вбегает Чекистов.
Чекистов

Есть! Есть! Есть!
Замарашкин, ты не брехун!
Вот телеграмма:
«Я Киев. Золото здесь.
Нужен ли арест.
Литза-Хун».

(Передает телеграмму Рассветову.)
Рассветов

Все это очень хорошо,
Но что нужно ему ответить?

Чекистов

Как что?
Конечно, взять на цугундер!

Рассветов

В этом мало радости –
Уничтожить одного,
Когда на свободе
Будет 200 других.

Чекистов

Других мы поймаем потом.
С другими успеем после…
Они ходят
Из притона в притон,
Пьют спирт и играют в кости.
Мы возьмем их в любом кабаке.
В них одних, без Номаха,

Толку мало.
А пока
Нужно крепко держать в руке
Ту добычу,
Которая попала.

Рассветов

Теперь он от нас не уйдет,
Особенно при сотне нянек.

Чекистов

Что ему няньки?
Он их сцапает в рот,
Как самый приятный
И легкий пряник.

Рассветов

Когда будут следы к другим,
Мы возьмем его в 2 секунды.
Я не знаю, с чего вы
Вдолбили себе в мозги –
На цугундер да на цугундер.
Нам совсем не опасен
Один индивид.
И скажу вам, коллега, вкратце,
Что всегда лучше
Отыскивать нить
К общему центру организации.
Нужно мыслить без страха.
Послушайте, мой дорогой:
Мы уберем Номаха,
Но завтра у них будет другой.
Дело совсем не в Номахе,
А в тех, что попали за борт.
Нашей веревки и плахи
Ни один не боится черт.
Страна негодует на нас.
В стране еще дикие нравы.
Здесь каждый Аким и Фанас

Бредит имперской славой.
Еще не изжит вопрос,
Кто ляжет в борьбе из нас.
Честолюбивый росс
Отчизны своей не продаст.
Интернациональный дух
Прет на его рожон.
Мужик если гневен не вслух,
То завтра придет с ножом.
Повстанчество есть сигнал.
Поэтому сказ мой весь:
Тот, кто крыло поймал,
Должен всю птицу съесть.

Чекистов

Клянусь всеми чертями,
Что эта птица
Даст вам крылом по морде
И улетит из-под носа.

Рассветов

Это не так просто.

Замарашкин

Для него будет,
Пожалуй, очень просто.

Рассветов

Мы усилим надзор
И возьмем его,
Как мышь в мышеловку.
Но только тогда этот вор
Получит свою веревку,
Когда хоть бандитов сто
Будет качаться с ним рядом,
Чтоб чище синел простор
Коммунистическим взглядам.

Чекистов

Слушайте, товарищ!
Это превышение власти –
Этот округ вверен мне.
Мне нужно поймать преступника,
А вы разводите теорию.

Рассветов

Как хотите, так и называйте.
Но,
Чтоб больше наш спор
Не шел о том,
Мы сегодня ж дадим ответ:
«Литза-Хун!
Наблюдайте за золотом.
Больше приказов нет».

Чекистов быстро поворачивается, хлопает дверью и выходит в коридор.

В коридоре

Чекистов

Тогда я поеду сам.
Киев

Хорошо обставленная квартира. На стене большой, во весь рост, портрет Петра Великого. Номах сидит на крыле кресла, задумавшись. Он, по-видимому, только что вернулся. Сидит в шляпе. В дверь кто-то барабанит пальцами. Номах, как бы пробуждаясь от дремоты, идет осторожно к двери, прислушивается и смотрит в замочную скважину.

Номах

Кто стучит?

Голос

Отворите… Это я…

Номах

Кто вы?

Голос

Это я… Барсук…

Номах
(отворяя дверь)

Что это значит?

Барсук
(входит и закрывает дверь)

Это значит – тревога.

Номах

Кто-нибудь арестован?

Барсук

Нет.

Номах

В чем же дело?

Барсук

Нужно быть наготове.
Немедленно нужно в побег.
За вами следят.
Вас ловят.
И не вас одного, а всех.

Номах

Откуда ты узнал это?

Барсук

Конечно, не высосал из пальцев.
Вы помните тот притон?

Номах

Помню.

Барсук

А помните одного китайца?

Номах

Да…
Но неужели…

Барсук

Это он.
Лишь только тогда вы скрылись,
Он последовал за вами.
Через несколько минут
Вышел и я.
Я видел, как вы сели в вагон,
Как он сел в соседний.
Потом осторожно, за золотой
Кондуктору,
Сел я сам.
Я здесь, как и вы,
Дней 10.

Номах

Посмотрим, кто кого перехитрит?

Барсук

Но это еще не все.
Я следил за ним, как лиса.
И вчера, когда вы выходили
Из дому,
Он был более полчаса
И рылся в вашей квартире.
Потом он, свистя под нос,
Пошел на вокзал…
Я – тоже.
Предо мной стоял вопрос –
Узнать,
Что хочет он, черт желтокожий…
И вот… на вокзале…
Из-за спины
На синем телеграфном бланке
Я прочел,
Еле сдерживаясь от мести,
Я прочел –
От чего у меня чуть не скочили штаны –
Он писал, что вы здесь,
И спрашивал об аресте.

Номах

Да… Это немного пахнет…

Барсук

По-моему, не немного, а очень много.
Нужно скорей в побег.
Всем нам одна дорога –
Поле, леса и снег,
Пока доберемся к границе,
А там нас лови!
Грози!

Номах

Я не привык торопиться,
Когда вижу опасность вблизи.

Барсук

Но это…

Номах

Безумно?
Пусть будет так.
Я –
Видишь ли, Барсук, –

Чудак.

Я люблю опасный момент,
Как поэт – часы вдохновенья,
Тогда бродит в моем уме
Изобретательность
До остервененья.
Я ведь не такой,
Каким представляют меня кухарки.
Я весь – кровь,
Мозг и гнев весь я.
Мой бандитизм особой марки.
Он сознание, а не профессия.
Слушай! я тоже когда-то верил
В чувства:
В любовь, геройство и радость,
Но теперь я постиг, по крайней мере,
Я понял, что все это
Сплошная гадость.
Долго валялся я в горячке адской,
Насмешкой судьбы до печенок израненный.
Но… Знаешь ли…
Мудростью своей кабацкой
Все выжигает спирт с бараниной…
Теперь, когда судорога
Душу скрючила
И лицо, как потухающий фонарь в тумане,
Я не строю себе никакого чучела.
Мне только осталось –
Озорничать и хулиганить…

Всем, кто мозгами бедней и меньше,
Кто под ветром судьбы не был нищ и наг,
Оставляю прославлять города и женщин,
А сам буду славить
Преступников и бродяг.

Банды! Банды!
По всей стране.
Куда не вглядись, куда не пойди ты –
Видишь, как в пространстве,
На конях
И без коней,
Скачут и идут закостенелые бандиты.
Это все такие же
Разуверившиеся, как я…

А когда-то, когда-то…
Веселым парнем,
До костей весь пропахший
Степной травой,
Я пришел в этот город с пустыми руками,
Но зато с полным сердцем
И не пустой головой.
Я верил… я горел…
Я шел с революцией,
Я думал, что братство не мечта и не сон,
Что все во единое море сольются –
Все сонмы народов,
И рас, и племен.

Пустая забава.
Одни разговоры!
Ну что же?
Ну что же мы взяли взамен?
Пришли те же жулики, те же воры
И вместе с революцией
Всех взяли в плен…
Но к черту все это!
Я далек от жалоб.
Коль началось –
Так пускай начинается.
Лишь одного я теперь желаю,
Как бы покрепче…

Как бы покрепче
Одурачить китайца!..

Барсук

Признаться, меня все это,
Кроме побега,
Плохо устраивает.

(*Подходит к окну.)*

Я хотел бы…
О! Что это? Боже мой!
Номах! Мы окружены!
На улице милиция.

Номах
(подбегая к окну)

Как?
Уже?
О! Их всего четверо…

Барсук

Мы пропали.

Номах

Скорей выходи из квартиры.

Барсук

А ты?

Номах

Не разговаривай!..
У меня есть ящик стекольщика
И фартук…

Живей обрядись
И спускайся вниз…
Будто вставлял здесь стекла…
Я положу в ящик золото…
Жди меня в кабаке «Луна».

(Бежит в другую комнату, тащит ящик и фартук.)

Барсук быстро подвязывает фартук. Кладет ящик на плечо и выходит.

Номах

(прислушиваясь у двери)

Кажется, остановили…
Нет… прошел…
Ага…
Идут сюда…

(Отскакивает от двери. В дверь стучат. Как бы раздумывая, немного медлит. Потом неслышными шагами идет в другую комнату.)

Сцена за дверью

Чекистов, Литза-Хун и 2 милиционера.

Чекистов

(смотря в скважину)

Что за черт!
Огонь горит,
Но в квартире
Как будто ни души.

Литза-Хун

(с хорошим акцентом)

Это его прием…
Всегда… Когда он уходит.
Я был здесь, когда его не было,
И так же горел огонь.

1-й милиционер

У меня есть отмычка.

Литза-Хун

Давайте мне…
Я вскрою…

Чекистов

Если его нет,
То надо устроить засаду.

Литза-Хун
(вскрывая дверь)

Сейчас узнаем…

(Вынимает браунинг и заглядывает в квартиру.)

Тс… Я сперва один.
Спрячьтесь на лестнице.
Здесь ходят
Другие квартиранты.
Чекистов
Лучше вдвоем.

Литза-Хун

У меня бесшумные туфли…
Когда понадобится,
Я дам свисток или выстрел.

(Входит в квартиру и закрывает дверь.)
Глаза Петра Великого
Осторожными шагами Литза-Хун идет к той комнате, в которой скрылся Номах. На портрете глаза Петра Великого начинают моргать и двигаться. Литза-Хун входит в комнату. Портрет неожиданно открывается, как дверь, и оттуда выскакивает Номах. Он рысьими шагами подходит к двери, запирает на цепь и снова исчезает в портрет-дверь. Через некоторое время слышится беззвучная короткая возня, и с браунингом в руке из комнаты выходит китаец. Он делает световой полумрак. Открывает дверь и тихо дает свисток.

Вбегают милиционеры и Чекистов.

Чекистов

Он здесь?
Китаец

(прижимая в знак молчания палец к губам)

Тс… он спит…
Стойте здесь…
Нужен один милиционер,
К черному выходу.

(Берет одного милиционера и крадучись проходит через комнату к черному выходу.)

Через минуту слышится выстрел, и испуганный милиционер бежит обратно к двери.

Милиционер

Измена!
Китаец ударил мне в щеку
И удрал черным ходом.
Я выстрелил…
Но… дал промах…

Чекистов

Это он!
О! проклятье!
Это он!
Он опять нас провел.

Вбегают в комнату и выкатывают оттуда в кресле связанного по рукам и ногам. Рот его стянут платком. Он в нижнем белье. На лицо его глубоко надвинута шляпа. Чекистов сбрасывает шляпу, и милиционеры в ужасе отскакивают.

Милиционеры

Провокация!..
Это Литза-Хун…

Чекистов

Развяжите его.

Милиционеры бросаются развязывать.
Литза-Хун
(выпихивая освобожденными руками платок изо рта)

Черт возьми!
У меня болит живот от злобы.
Но клянусь вам…
Клянусь вам именем китайца,
Если б он не накинул на меня мешок,
Если б он не выбил мой браунинг,
То бы…
Я сумел с ним справиться…

Чекистов

А я… Если б был мандарин,
То повесил бы тебя, Литза-Хун,
За такое место…
Которое вслух не называется.

1922–1923

Песнь о великом походе

Эй вы, встречные,
Поперечные!
Тараканы, сверчки
Запечные!
Не народ, а дрохва
Подбитая.
Русь нечесаная,
Русь немытая!
Вы послушайте
Новый вольный сказ.
Новый вольный сказ
Про житье у нас.
Первый сказ о том,
Что давно было.
А второй – про то,
Что сейчас всплыло.
Для тебя я, Русь,
Эти сказы спел,
Потому что был
И правдив и смел.
Был мастак слагать
Эти притчины,
Не боясь ничьей
Зуботычины.

* * *

Ой, во городе
Да во Ипатьеве
При Петре было
При императоре.
Говорил слова
Непутевый дьяк:
«Уж и как у нас, ребята,
Стал быть, царь дурак.
Царь дурак-батрак
Сопли жмет в кулак,
Строит Питер-град
На немецкий лад.

Видно, делать ему
Больше нечего.
Принялся он Русь
Онемечивать.
Бреет он князьям
Бра́ды, у́сие.
Как не плакаться
Тут над Русию?
Не тужить тут как
Над судьбиною?
Непослушных он
Бьет дубиною».

* * *

Услыхал те слова
Молодой стрелец.
Хвать смутьянщика
За тугой косец.
«Ты иди, ползи,
Не кочурься, брат.
Я свезу тебя
Прямо в Питер-град.
Привезу к царю.
Кайся, сукин кот!
Кайся, сукин кот,
Что смущал народ!»

* * *

По Тверской-Ямской
Под дугою вбряк
С колокольцами
Ехал бедный дьяк.
На четвертый день,
О полднёвых пор,
Прикатил наш дьяк
Ко царю, во двор.
Выходил тут царь
С высока́ крыльца,

Мах дубинкою –
Подозвал стрельца.
«Ты скажи, зачем
Прикатил, стрелец?
Аль с Москвы какой
Потайной гонец?»
«Не гонец я, царь,
Не родня с Москвой.
Я всего лишь есть
Слуга верный твой.
Я привез к тебе
Бунтаря-дьяка.
У него, знать, в жисть
Не болят бока.
В кабаке на весь
На честной народ
Он позорил, царь,
Твой высокий род».
«Ну, – сказал тут Петр, –
Вылезай-кось, вошь!»
Космы дьяковы
Поднялись, как рожь.
У Петра с плеча
Сорвался кулак.
И навек задрал
Лапти кверху дьяк.

* * *

У Петра был двор,
На дворе был кол,
На колу – мочало.
Это только, ребята,
Начало.

* * *

Ой, суров наш царь,
Алексеич Петр.
Он в единый дух

Ведро пива пьет.
Курит – дым идет
На три сажени,
Во немецких одеждах
Разнаряженный.
Возгово́рит наш царь
Алексеич Петр:
«Подойди ко мне,
Дорогой Лефорт.
Мастер славный ты
В Амстердаме был.
Русский царь тебе,
Как батрак, служил.
Он учился там,
Как топор держать.
Ты езжай-кось, мастер,
В Амстердам опять.
Передай ты всем
От Петра поклон.
Да скажи, что сейчас
В страшной доле он.
В страшной доле я
За родную Русь…
Скоро смерть придет,
Помирать боюсь.
Помирать боюсь,
Да и жить не рад:
Кто ж теперь блюсти
Будет Питер-град?
Средь туманов сих
И цепных болот
Снится сгибший мне
Трудовой народ.
Слышу, голос мне
По ночам звенит,
Что на их костях
Лег тугой гранит.
Оттого подчас,
Обступая град,
Мертвецы встают
В строевой парад.
И кричат они,
И вопят они.
От такой крични

Загашай огни.
Говорят слова:
«Мы всему цари!
Попадешься, Петр,
Лишь сумей, помри!
Мы сдерем с тебя
Твой лихой чупрын,
Потому что ты
Был собачий сын.
Поблажал ты знать
Со министрами.
На крови для них
Город выстроил.
Но пускай за то
Знает каждый дом –
Мы придем еще,
Мы придем, придем.
Этот город наш,
Потому и тут
Только может жить
Лишь рабочий люд».
Смолк наш царь
Алексеич Петр,
В три ручья с него
Льет холодный пот.

* * *

Слушайте, слушайте,
Вы, конечно, народ
Хороший!
Хоть метелью вас крой,
Хоть порошей.
Одним словом,
Миляги!
Не дадите ли
Ковшик браги?
Человечий язык,
Чай, не птичий!
Славный вы, люди,
Придумали
Обычай!

* * *

И пушки бьют,
И колокола плачут.
Вы, конечно, понимаете,
Что это значит?
Много было роз,
Много было маков.
Схоронили Петра,
Тяжело оплакав.
И с того ль, что там
Всякий сволок был,
Кто всерьез рыдал,
А кто глаза слюнил.
Но с того вот дня,
Да на двести лет
Дуракам-царям
Прямо счету нет.
И все двести лет
Шел подзёмный гуд:
«Мы придем, придем!
Мы возьмем свой труд!
Мы сгребем дворян –
Да по плеши им,
На фонарных столбах
Перевешаем!»

* * *

Через двести лет,
В снеговой октябрь,
Затряслась Нева,
Подымая рябь.
Утром встал народ –
И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать.
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!

Но с чего же там
Пушки бьют-палят?
Бьют за городом,
Бьют из-за моря.
Понимай как хошь
Ты, душа моя!
Много в эти дни
Совершилось дел.
Я пою о них,
Как спознать сумел.

* * *

Веселись, душа
Молодецкая!
Нынче наша власть,
Власть советская!
Офицерика,
Да голубчика
Прикокошили
Вчера в Губчека.
Ни за Троцкого,
Ни за Ленина –
За донского казака
За Каледина.
Гаркнул «Яблочко»
Молодой матрос:
«Мы не так еще
Подотрем вам нос!»

* * *

А за Явором,
Под Украйною,
Услыхали мужики
Весть печальную.
Власть советская
Им очень нравится,
Да идут войска
С ней расправиться.

В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.
И на по́мог им,
Как лихих волчат,
Из Сибири шлет отряды
Адмирал Колчак.

* * *

Ах, рыбки мои,
Мелки косточки!
Вы, крестьянские ребята,
Подросточки.
Ни ногатой вас не взять,
Ни рязанами.
Вы гольем пошли гулять
С партизанами.
Красной Армии штыки
В поле светятся.
Здесь отец с сынком
Могут встретиться.
За один удел
Бьется эта рать,
Чтоб владеть землей
Да весь век пахать.
Чтоб шумела рожь
И овес звенел.
Чтобы каждый калачи
С пирогами ел.

* * *

Ну и как же тут злобу
Не вынашивать?
На Дону теперь поют
Не по-нашему:
«Пароход идет
Мимо пристани.

Будем рыбу кормить
Коммунистами».
А у нас для них поют:
«Куда ты котишься?
В Вечека попадешь –
Не воротишься».

* * *

От одной беды
Целых три растут.
Вдруг над Питером
Слышен новый гуд.
Не поймет никто,
Отколь гуд идет:
«Ты не смей дремать,
Трудовой народ!
Как под Питером
Рать Юденича!»
Что же делать нам
Всем теперича?
И оттуда бьют,
И отсель палят.
Ой ты, бедный люд!
Ой ты, Питер-град!

* * *

Но при всякой беде
Веет новью вал.
Кто ж не вспомнит теперь
Речь Зиновьева?
Дождик лил тогда
В три погибели.
На корню дожди
Озимь выбили.
И на энтот год
Не шумела рожь.
То не жизнь была,
А в печенки нож!

А Зиновьев всем
Вел такую речь:
«Братья, лучше нам
Здесь костьми полечь,
Чем отдать врагу
Вольный Питер-град
И идти опять
В кабалу назад».

* * *

А за синим Доном
Станицы казачьей
В это время волк ехидный
По-кукушьи плачет.
Говорит Корнилов
Казакам поречным:
«Угостите партизанов
Вишеньем картечным!
С Красной Армией Деникин
Справится, я знаю.
Расстелились наши пики
С Дона до Дунаю».

* * *

Ой ты, атамане!
Не вожак, а соцкий.
А на что ж у коммунаров
Есть товарищ Троцкий?
Он без слезной речи
И лихого звона
Обещал коней нам наших
Напоить из Дона.
Вей сильней и крепче,
Ветер синь-студеный!
С нами храбрый Ворошилов,
Удалой Буденный.

* * *

Если крепче жмут,
То сильней орешь.
Мужику одно:
Не топтали б рожь.
А как пошла по ней
Тут рать Деникина,
В сотни верст легла
Прямо в никь она.
Над такой бедой
В стане белых ржут.
Валят сельский скот
И под водку жрут.
Мнут крестьянских жен,
Девок лапают.
«Так и надо вам,
Сиволапые!
Ты, мужик, прохвост!
Сволочь! бестия!
Отплати-кось нам
За поместия.
Отплати за то,
Что ты вешал знать.
Эй, в кнуты их всех,
Растакую мать».

* * *

Ой ты, синяя сирень,
Голубой полисад.
На родимой стороне
Никто жить не рад.
Опустели огороды,
Хаты брошены.
Заливные луга
Не покошены.
И примят овес,
И прибита рожь.
Где ж теперь, мужик,
Ты приют найдешь?

* * *

Но сильней всего
Те встревожены,
Что ночьми не спят
В куртках кожаных.
Кто за бедный люд
Жить и сгибнуть рад.
Кто не хочет сдать
Вольный Питер-град.

* * *

Там под Лиговом
Страшный бой кипит.
Питер траурный
Без огней не спит.
Миг – и вот сейчас
Враг проломит все,
И прощай, мечта
Городов и сел…
Пот и кровь струит
С лиц встревоженных.
Бьют и бьют людей
В куртках кожаных.
Как снопы, лежат
Трупы по полю.
Кони в страхе ржут,
В страхе топают.
Но напор от нас
Все сильней, сильней,
Бьются восемь дней,
Бьются девять дней.
На десятый день
Не сдержался враг…
И пошел чесать
По кустам в овраг.
Наши взад им: «Крой!..»
Пушки бьют, палят…
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!

* * *

А за Белградом,
Окол Харькова,
Кровью ярь мужиков
Перехаркана.
Бедный люд в Москву
Босиком бежит.
И от стона, и от рева
Вся земля дрожит.
Ищут хлеба они,
Просят милости.
Ну и как же злобной воле
Тут не вырасти?
У околицы
Гуляй-полевой
Собиралися
Буйны головы.
Да как стали жечь,
Как давай палить!
У Деникина
Аж живот болит.

* * *

Эх, песня!
Песня!
Есть ли что на свете
Чудесней?
Хоть под гусли тебя пой,
Хоть под тальяночку.
Не дадите ли вы мне,
Хлопцы,
Еще баночку?

* * *

Ах, яблочко,
Цвета милого!
Бьют Деникина,

Бьют Корнилова.
Цветочек мой!
Цветик маковый!
Ты скорей, адмирал,
Отколчакивай.
Там за степью гул,
Там за степью гром.
Каждый в битве защищает
Свой отцовский дом.
Курток кожаных
Под Донцом не счесть.
Видно, много в Петрограде
Этой масти есть.

* * *

В белом стане вопль,
В белом стане стон.
Обступает наша рать
Их со всех сторон.
В белом стане крик,
В белом стане бред.
Как пожар стоит
Золотой рассвет.
И во всех кабаках
Огни светятся…
Завтра многие друг с другом
Уж не встретятся.
И все пьют за царя,
За святую Русь,
В ласках знатных шлюх
Забывая грусть.

* * *

В красном стане храп.
В красном стане смрад.
Вонь портяночная
От сапог солдат.
Завтра, еле свет,

Нужно снова в бой.
Спи, корявый мой!
Спи, хороший мой!
Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

* * *

На заре, заре,
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы встречали день.
Подымая вверх,
Как тоску, глаза,
В куртке кожаной
Коммунар сказал:
«Братья, если здесь
Одолеют нас,
То октябрьский свет
Навсегда погас.
Будет крыть нас кнут.
Будет крыть нас плеть.
Всем весь век тогда
В нищете корпеть».
С горьким гневом рук,
Утерев слезу,
Ротный наш с тех слов
Сапоги разул.
Громко кашлянув,
«На, – сказал он мне, –
Дома нет сапог,
Передай жене».

* * *

На заре, заре,
В дождевой крутень
Свистом ядерным

Мы сушили день.
Пуля входит в грудь,
Как пчелы ужал.
Наш отряд тогда
Впереди бежал.
За лощиной пруд.
А за прудом лог.
Коммунар ничком
В землю носом лег.
Мы вперед, вперед!
Враг назад, назад!
Мертвецы пусть так
Под дождем лежат.
Спите, храбрые,
С отзвучавшим ртом!
Мы придем вас всех
Хоронить потом.

* * *

Вот и кончен бой,
Машет красный флаг.
Не жалея пят,
Удирает враг.
Удивленный тем,
Что остался цел,
Молча ротный наш
Сапоги надел.
И сказал: «Жене
Сапоги не враз.
Я их сам теперь
Износить горазд».

* * *

Вот и кончен бой,
Тот, кто жив, тот рад.
Ай да вольный люд!
Ай да Питер-град!
От полуночи

До синя утра
Над Невой твоей
Бродит тень Петра.
Бродит тень Петра,
Грозно хмурится
На кумачный цвет
В наших улицах.
В берег бьет вода
Пенной индевью…
Корабли плывут
Будто в Индию…

Поэма о 36

Много в России
Троп.
Что ни тропа –
То гроб.
Что ни верста –
То крест.
До енисейских мест
Шесть тысяч один
Сугроб.
Синий уральский
Ском
Каменным лег
Мешком,
За скомом шумит
Тайга.
Коль вязнет в снегу
Нога,
Попробуй идти
Пешком.
Добро́, у кого
Закал,
Кто знает сибирский
Шквал.
Но если ты слаб
И лег,
То, тайно пробравшись
В лог,
Тебя отпоет
Шакал.
Буря и грозный
Вой.
Грузно бредет
Конвой.
Ружья наперевес.
Если ты хочешь
В лес,
Не дорожи
Головой.
Ссыльный солдату
Не брат.
Сам подневолен

Солдат.
Если не взял
На прицел, –
Завтра его
Под расстрел.
Но ты не иди
Назад.
Пусть умирает
Тот,
Кто брата в тайгу
Ведет.
А ты под кандальный
Дзин
Шпарь, как седой
Баргузин.
Беги все вперед
И вперед.
Там за Уралом
Дом.
Степь и вода
Кругом.
В синюю гладь
Окна
Скрипкой поет
Луна.
Разве так плохо
В нем?
Славный у песни
Лад.
Мало ли кто ей
Рад.
Там за Уралом
Клен.
Всякий ведь в жизнь
Влюблен
В лунном мерцанье
Хат.
Если ж, где отчая
Весь,
Стройная девушка
Есть,
Вся, как сиреневый
Май,
Вся, как родимый

Край, –
Разве не манит
Песнь?
Буря и грозный
Вой.
Грузно бредет
Конвой.
Ружья наперевес.
Если ты хочешь
В лес,
Не дорожи
Головой.

* * *

Колкий, пронзающий
Пух.
Тяжко идти средь
Пург.
Но под кандальный
Дзень,
Если ты любишь
День,
Разве милей
Шлиссельбург?
Там, упираясь
В дверь,
Ходишь, как в клетке
Зверь.
Дума всегда
Об одном:
Может, в краю
Родном
Стало не так
Теперь.
Может, под песню
Вьюг
Умер последний
Друг.
Друг или мать,
Все равно!
Хочется вырвать

Окно
И убежать в луг.
Но долог тюремный
Час.
И зорок солдатский
Глаз.
Если ты хочешь
Знать,
Как тяжело
Убежать, –
Я знаю один
Рассказ.

* * *

Их было тридцать
Шесть.
В камере негде
Сесть.
В окнах бурунный
Вспург.
Крепко стоит
Шлиссельбург.
Море поет ему
Песнь.
Каждый из них
Сидел
За то, что был горд
И смел,
Что в гневной своей
Тщете
К рыдающим в нищете
Большую любовь
Имел.
Ты помнишь, конечно,
Тот
Клокочущий пятый
Год,
Когда из-за стен
Баррикад
Целился в брата
Брат.

Тот в голову, тот
В живот.
Один защищал
Закон –
Невольник, влюбленный
В трон.
Другой этот трон
Громил,
И брат ему был
Не мил.
Ну, разве не прав был
Он?
Ты помнишь, конечно,
Как
Нагайкой свистел
Казак?
Тогда у склоненных
Ниц
С затылков и поясниц
Капал горячий
Мак.
Я знаю, наверно,
И ты
Видал на снегу
Цветы.
Ведь каждый мальчишкой
Рос.
Каждому били
Нос
В кулачной на все
«Сорты».
Но тех я цветов
Не видал,
Был еще глуп
И мал.
И не читал еще
Книг.
Но если бы видел
Их,
То разве молчать
Стал?

* * *

Их было тридцать
Шесть.
В каждом кипела
Месть.
Каждый оставил
Дом
С ивами над прудом,
Но не забыл о нем
Песнь.
Раз комендант
Сказал:
«Тесен для вас
Зал.
Пять я таких
Приму
В камеру по одному,
Тридцать один –
На вокзал».
Поле и снежный
Звон.
Клетчатый мчится
Вагон.
Рельсы грызет
Паровоз.
Разве уместен
Вопрос:
Куда их доставит
Он?
Много в России
Троп.
Что ни тропа –
То гроб.
Что ни верста –
То крест.
До енисейских мест
Шесть тысяч один
Сугроб.

* * *

Поезд на всех
Парах.

В каждом неясный
Страх.
Видно, надев
Браслет,
Гонят на много
Лет
Золото рыть
В горах.
Может случиться
С тобой
То, что достанешь
Киркой,
Дочь твоя там,
Вдалеке,
Будет на левой
Руке
Перстень носить
Золотой.
Поле и снежный
Звон.
Клетчатый мчится
Вагон.
Вдруг тридцать первый
Встал
И шепотом так сказал:
«Нынче мне ночь
Не в сон.
Нынче мне в ночь
Не лежать.
Я твердо решил
Бежать.
Благо, что ночь
Не в луне.
Вы помогите
Мне
Тело мое
Поддержать.
Клетку уж я
Пилой…
Выручил снежный
Вой.
Вы заградите меня
Подле окна
От огня,

Чтоб не видал
Конвой».
Тридцать столпились
В ряд,
Будто о чем
Говорят.
Будто глядят
На снег.
Разве так труден
Побег,
Если огни
Не горят?

* * *

Их оставалось
Пять.
Каждый имел
Кровать.
В окнах бурунный
Вспург.
Крепко стоит
Шлиссельбург.
Только в нем плохо
Спать.
Разве тогда
Уснешь,
Если все видишь
Рожь.
Видишь родной
Плетень,
Синий, звенящий
День,
И ты по меже
Идешь.
Тихий вечерний
Час.
Колокол бьет
Семь раз.
Месяц широк
И ал.
Так бы дремал

И дремал,
Не подымая глаз.
Глянешь, на окнах
Пух.
Скучный, несчастный
Друг,
Ночь или день,
Все равно.
Хочется вырвать
Окно
И убежать в луг.
Пятый страдать
Устал.
Где-то подпилок
Достал.
Ночью скребет
И скребет,
Капает с носа
Пот
Через губу в оскал.
Раз при нагрузке
Дров
Он поскользнулся
В ров…
Смотрят, уж он
На льду.
Что-то кричит
На ходу.
Крикнул – и будь
Здоров.

* * *

Быстро бегут
Дни.
День колесу
Сродни.
Снежной январской
Порой
В камере сорок
Второй
Встретились вновь

Они.
Пятому глядя
В глаза,
Тридцать первый
Сказал:
«Там, где струится
Обь,
Есть деревушка
Топь
И очень хороший
Вокзал.
В жизни живут лишь
Раз,
Я вспоминать
Не горазд.
Глупый сибирский
Чалдон.
Скуп, как сто дьяволов,
Он.
За пятачок продаст.
Снежная белая
Гладь.
Нечего мне
Вспоминать.
Знаю одно:
Без грез
Даже в лихой
Мороз
Сладко на сене
Спать».
Пятый сказал
В ответ:
«Мне уже сорок
Лет.
Но не угас мой
Бес.
Так все и тянет
В лес,
В синий вечерний
Свет.
Много сказать
Не могу:
Час лишь лежал я
В снегу.

Слушал метельный
Вой,
Но помешал
Конвой
С ружьями на бегу».

* * *

Серая, хмурая
Высь,
Тучи с землею
Слились.
Ты помнишь, конечно,
Тот
Метельный семнадцатый
Год,
Когда они
Разошлись?
Каждый пошел в свой
Дом
С ивами над прудом.
Видел луну
И клен,
Только не встретил
Он
Сердцу любимых
В нем.
Их было тридцать
Шесть.
В каждом кипела
Месть.
И каждый в октябрьский
Звон
Пошел на влюбленных
В трон,
Чтоб навсегда их
Сместь.
Быстро бегут
Дни.
Встретились вновь
Они.
У каждого новый

Дом.
В лежку живут лишь
В нем,
Очей загасив
Огни.
Тихий вечерний
Час.
Колокол бьет
Семь раз.
Месяц широк
И ал.
Тот, кто теперь
Задремал,
Уж не поднимет
Глаз.
Теплая синяя
Весь.
Всякие песни
Есть.
Над каждым своя
Звезда…
Мы же поем
Всегда:
Их было тридцать
Шесть.

Анна Снегина

А. Воронскому

1

«Село, значит, наше – Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодью
Рассажены тополя.
Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.
Оброки платили мы к сроку,
Но – грозный судья – старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягóт.
Раз – власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.
Но люди – все грешные души.
У многих глаза – что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое –
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч.
Каких уж тут ждать обилий,
Была бы душа жива.
Украдкой они рубили

Из нашего леса дрова.
Однажды мы их застали…
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали
По телу катилась дрожь.
В скандале убийством пахнет.
И в нашу и в их вину
Вдруг кто-то из них как ахнет! –
И сразу убил старшину.
На нашей быдластой сходке
Мы делу условили ширь.
Судили. Забили в колодки
И десять услали в Сибирь.
С тех пор и у нас неуряды.
Скатилась со счастья возжа.
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар».

* * *

Такие печальные вести
Возница мне пел весь путь.
Я в радовские предместья
Ехал тогда отдохнуть.
Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я – игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.
Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу»[2], и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил семнадцатый год.
Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смрадном огне
Тогда над страною калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать

Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но все же не взял я шпагу…
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу –
Был первый в стране дезертир.

* * *

Дорога довольно хорошая,
Приятная хладная звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
«Ну, вот оно, наше Радово, –
Промолвил возница, –
Здесь!
Недаром я лошади вкладывал
За норов ее и спесь.
Позволь, гражданин, на чаишко.
Вам к мельнику надо?
…Так – вон!..
Я требую с вас без излишка
За дальний такой прогон».
Даю сороковку.
«Мало!»
Даю еще двадцать.
«Нет!»
Такой отвратительный малый,
А малому тридцать лет.
«Да что ж ты?
Имеешь ли душу?
За что ты с меня гребешь?»
И мне отвечает туша:
«Сегодня плохая рожь.
Давайте еще незвонких
Десяток иль штучек шесть –
Я выпью в шинке самогонки
За ваше здоровье и честь…»

* * *

И вот я на мельнице…
Ельник
Осыпан свечьми светляков.
От радости старый мельник
Не может сказать двух слов:
«Голубчик! Да ты ли?
Сергуха?!
Озяб, чай? Поди, продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог!»
В апреле прозябнуть трудно,
Особенно так в конце.
Был вечер задумчиво чудный,
Как дружья улыбка в лице.
Объятья мельника кру́ты,
От них заревет и медведь,
Но все же в плохие минуты
Приятно друзей иметь.
«Откуда? Надолго ли?»
«На́ год».
«Ну, значит, дружище, гуляй!
Сим летом грибов и ягод
У нас хоть в Москву отбавляй.
И дичи здесь, братец, до че́рта,
Сама так под порох и прет.
Подумай ведь только…
Четвертый
Тебя не видали мы год…»
…
Беседа окончена.
Чинно
Мы выпили весь самовар.
По-старому с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Состарившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были!
Тот образ во мне не угас.

Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

2

«Ну что же, вставай, Сергуша!
Еще и заря не текла,
Старуха за милую душу
Оладьев тебе напекла.
Я сам-то сейчас уеду
К помещице Снегиной.
Ей
Вчера настрелял я к обеду
Прекраснейших дупелей».
Привет тебе, жизни денница!
Встаю, одеваюсь, иду.
Дымком отдает росяница
На яблонях белых в саду.
Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек.
И сколько зарыто в ямах.
И сколько зароют еще.
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судоргу щек.
Нет, нет!
Не пойду навеки!
За то, что какая-то мразь
Бросает солдату-калеке
Пятак или гривенник в грязь.
«Ну, доброе утро, старуха!
Ты что-то немного сдала…»
И слышу сквозь кашель глухо:
«Дела одолели! Дела…
У нас здесь теперь неспокойно.
Испариной все зацвело.
Сплошные мужицкие войны.
Дерутся селом на село.
Сама я своими ушами

Слыхала от прихожан:
То радовцев бьют криушане,
То радовцы бьют криушан.
А все это, значит, безвластье.
Прогнали царя…
Так вот…
Посыпались все напасти
На наш неразумный народ.
Открыли зачем-то остроги,
Злодеев пустили лихих.
Теперь на большой дороге
Покою не знай от них.
Вот тоже, допустим… с Криуши…
Их нужно б в тюрьму за тюрьмой,
Они ж, воровские души,
Вернулись опять домой.
У них там есть Прон Оглоблин,
Булдыжник, драчун, грубиян.
Он вечно на всех озлоблен,
С утра по неделям пьян.
И нагло в третьёвом годе,
Когда объявили войну,
При всем при честно́м народе
Убил топором старшину.
Таких теперь тысячи стало
Творить на свободе гнусь.
Пропала Расея, пропала…
Погибла кормилица Русь!»
Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,
Пошел мужикам поклониться,
Как старый знакомый и гость.
Иду голубою дорожкой
И вижу – навстречу мне
Несется мой мельник на дрожках
По рыхлой еще целине.
«Сергуха! За милую душу!
Постой, я тебе расскажу!
Сейчас! Дай поправить возжу,
Потом и тебя оглоушу.
Чего ж ты мне утром ни слова?
Я Снегиным так и бряк:
Приехал ко мне, мол, веселый
Один молодой чудак.

(Они ко мне очень желанны,
Я знаю их десять лет.)
А дочь их замужняя Анна
Спросила:
– Не тот ли, поэт?
– Ну да, – говорю, – он самый.
– Блондин?
– Ну, конечно, блондин.
– С кудрявыми волосами?
– Забавный такой господин.
– Когда он приехал?
– Недавно.
– Ах, мамочка, это он!
Ты знаешь,
Он был забавно
Когда-то в меня влюблен.
Был скромный такой мальчишка,
А нынче…
Поди ж ты…
Вот…
Писатель…
Известная шишка…
Без просьбы уж к нам не придет».
И мельник, как будто с победы,
Лукаво прищурил глаз:
«Ну, ладно! Прощай до обеда!
Другое сдержу про запас».
Я шел по дороге в Криушу
И тростью сшибал зеленя.
Ничто не пробилось мне в душу,
Ничто не смутило меня.
Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман…
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо роман.

* * *

Но вот и Криуша!
Три года
Не зрел я знакомых крыш.
Сиреневая погода

Сиренью обрызгала тишь.
Не слышно собачьего лая,
Здесь нечего, видно, стеречь –
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь.
Гляжу, на крыльце у Прона
Горластый мужицкий галдеж.
Толкуют о новых законах,
О ценах на скот и рожь.
«Здорово, друзья!»
«Э, охотник!
Здорово, здорово!
Садись.
Послушай-ка ты, беззаботник,
Про нашу крестьянскую жись.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.
Но все ж мы тебя не порочим.
Ты – свойский, мужицкий, наш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рьяным,
Себя вынимал на испод…
Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»
И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он – вы».

3

На корточках ползали слухи,
Судили, решали, шепча.
И я от моей старухи
Достаточно их получал.
Однажды, вернувшись с тяги,
Я лег подремать на диван.
Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман.
Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар.
И в этом проклятом припадке
Четыре я дня пролежал.
Мой мельник с ума, знать, спятил.
Поехал,
Кого-то привез…
Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.
Потом, когда стало легче,
Когда прекратилась трясь,
На пятые сутки под вечер
Простуда моя улеглась.
Я встал.
И лишь только пола
Коснулся дрожащей ногой,
Услышал я голос веселый:
«А!
Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала…
Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала,
А вы – знаменитый поэт.
…
Ну, сядем.
Прошла лихорадка?
Какой вы теперь не такой!
Я даже вздохнула украдкой,
Коснувшись до вас рукой.
Да!
Не вернуть, что было.

Все годы бегут в водоем.
Когда-то я очень любила
Сидеть у калитки вдвоем.
Мы вместе мечтали о славе…
И вы угодили в прицел,
Меня же про это заставил
Забыть молодой офицер…»

* * *

Я слушал ее и невольно
Оглядывал стройный лик.
Хотелось сказать:
«Довольно!
Найдемте другой язык!»
Но почему-то, не знаю,
Смущенно сказал невпопад:
«Да… Да…
Я сейчас вспоминаю…
Садитесь…
Я очень рад…
Я вам прочитаю немного
Стихи
Про кабацкую Русь…
Отделано четко и строго.
По чувству – цыганская грусть».
«Сергей!
Вы такой нехороший.
Мне жалко,
Обидно мне,
Что пьяные ваши дебоши
Известны по всей стране.
Скажите:
Что с вами случилось?»
«Не знаю».
«Кому же знать?»
«Наверно, в осеннюю сырость
Меня родила моя мать».
«Шутник вы…»
«Вы тоже, Анна».
«Кого-нибудь любите?»
«Нет».

«Тогда еще более странно
Губить себя с этих лет:
Пред вами такая дорога…»
Сгущалась, туманилась даль.
Не знаю, зачем я трогал
Перчатки ее и шаль.
…
Луна хохотала, как клоун.
И в сердце хоть прежнего нет,
По-странному был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз…
Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.

* * *

Мой мельник…
Ох, этот мельник!
С ума меня сводит он.
Устроил волынку, бездельник,
И бегает, как почтальон.
Сегодня опять с запиской,
Как будто бы кто-то влюблен:
«*Придите.*
Вы самый близкий.
С любовью
Оглоблин Прон».
Иду.
Прихожу в Криушу.
Оглоблин стоит у ворот
И спьяну в печенки и в душу
Костит обнищалый народ.
«Эй, вы!
Тараканье отродье!
Все к Снегиной…
Р-раз – и квас.
Даешь, мол, твои угодья
Без всякого выкупа с нас!»
И тут же, меня завидя,
Снижая сварливую прыть,

Сказал в неподдельной обиде:
«Крестьян еще нужно варить».
«Зачем ты позвал меня, Проша?»
«Конечно, ни жать, ни косить.
Сейчас я достану лошадь
И к Снегиной… вместе…
Просить…»
И вот запрягли нам клячу.
В оглоблях мосластая шкеть –
Таких отдают с придачей,
Чтоб только самим не иметь.
Мы ехали мелким шагом,
И путь нас смешил и злил:
В подъемах по всем оврагам
Телегу мы сами везли.
Приехали.
Дом с мезонином
Немного присел на фасад.
Волнующе пахнет жасмином
Плетнёвый его палисад.
Слезаем.
Подходим к террасе
И, пыль отряхая с плеч,
О чьем-то последнем часе
Из горницы слышим речь:
«Рыдай не рыдай – не помога…
Теперь он холодный труп…
…Там кто-то стучит у порога.
Припудрись…
Пойду отопру…»
Дебелая грустная дама
Откинула добрый засов.
И Прон мой ей брякнул прямо
Про землю,
Без всяких слов.
«Отдай!.. –
Повторял он глухо. –
Не ноги ж тебе целовать!»
Как будто без мысли и слуха
Она принимала слова.
Потом в разговорную очередь
Спросила меня
Сквозь жуть:
«А вы, вероятно, к дочери?

Присядьте…
Сейчас доложу…»
Теперь я отчетливо помню
Тех дней роковое кольцо.
Но было совсем не легко мне
Увидеть ее лицо.
Я понял –
Случилось горе,
И молча хотел помочь.
«Убили… Убили Борю…
Оставьте.
Уйдите прочь.
Вы – жалкий и низкий трусишка!
Он умер…
А вы вот здесь…»
Нет, это уж было слишком.
Не всякий рожден перенесть.
Как язвы, стыдясь оплеухи,
Я Прону ответил так:
«Сегодня они не в духе…
Поедем-ка, Прон, в кабак…»

4

Все лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик.
Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочь,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодней и багровей.
Туман припадает ниц.
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.
Мой мельник вовсю улыбается,
Какая-то веселость в нем.
«Теперь мы, Сергуха, по зайцам
За милую душу пальнем!»
Я рад и охоте,

Коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц, вкатился Прон.
«Дружище!
С великим счастьем,
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью,
Теперь мы всех р-раз – и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин – старшой комиссар.
Дружище!
Вот это номер!
Вот это почин так почин.
Я с радости чуть не помер,
А брат мой в штаны намочил.
Едри ж твою в бабушку плюнуть.
Гляди, голубарь, веселей.
Я первый сейчас же коммуну
Устрою в своем селе!»
У Прона был брат Лабутя,
Мужик – что твой пятый туз:
При всякой опасной минуте
Хвальбишка и дьявольский трус.
Таких вы, конечно, видали.
Их рок болтовней наградил.
Носил он две белых медали
С японской войны на груди.
И голосом хриплым и пьяным
Тянул, заходя в кабак:
«Прославленному под Ляояном
Ссудите на четвертак…»
Потом, насосавшись до дури,
Взволнованно и горячо
О сдавшемся Порт-Артуре
Соседу слезил на плечо.
«Голубчик! –
Кричал он. –
Петя!
Мне больно… Не думай, что пьян.
Отвагу мою на свете
Лишь знает один Ляоян».

Такие всегда на примете.
Живут, не мозоля рук.
И вот он, конечно, в Совете,
Медали запрятал в сундук.
Но с тою же важной осанкой,
Как некий седой ветеран,
Хрипел под сивушной банкой
Про Нерчинск и Турухан:
«Да, братец!
Мы горе видали,
Но нас не запугивал страх…»
…
Медали, медали, медали
Звенели в его словах.
Он Прону вытягивал нервы,
И Прон материл не судом.
Но все ж тот поехал первый
Описывать снегинский дом.
В захвате всегда есть скорость:
– Даешь! Разберем потом!
Весь хутор забрали в волость
С хозяйками и со скотом.
А мельник…
…
Мой старый мельник
Хозяек привез к себе,
Заставил меня, бездельник,
В чужой ковыряться судьбе.
И снова нахлынуло что-то,
Когда я всю ночь напролет
Смотрел на скривленный заботой
Красивый и чувственный рот.
Я помню –
Она говорила:
«Простите… Была не права…
Я мужа безумно любила.
Как вспомню… болит голова…
Но вас
Оскорбила случайно…
Жестокость была мой суд…
Была в том печальная тайна,
Что страстью преступной зовут.
Конечно,
До этой осени

Я знала б счастливую быль…
Потом бы меня вы бросили,
Как выпитую бутыль…
Поэтому было не надо…
Ни встреч… ни вобще продолжать…
Тем более с старыми взглядами
Могла я обидеть мать».
Но я перевел на другое,
Уставясь в ее глаза.
И тело ее тугое
Немного качнулось назад.
«Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?»
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор.
…
«Смотрите…
Уже светает.
Заря как пожар на снегу…
Мне что-то напоминает…
Но что?..
Я понять не могу…
Ах!.. Да…
Это было в детстве…
Другой… Не осенний рассвет…
Мы с вами сидели вместе…
Нам по шестнадцать лет…»
Потом, оглядев меня нежно
И лебедя выгнув рукой,
Сказала как будто небрежно:
«Ну, ладно…
Пора на покой…»
…
Под вечер они уехали.
Куда?
Я не знаю куда.
В равнине, проложенной вехами,
Дорогу найдешь без труда.
Не помню тогдашних событий,
Не знаю, что сделал Прон.
Я быстро умчался в Питер
Развеять тоску и сон.

Суровые, грозные годы!
Ну разве всего описать?
Слыхали дворцовые своды
Солдатскую крепкую «мать».
Эх, удаль!
Цветение в далях!
Недаром чумазый сброд
Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовский фокстрот.
За хлеб, за овес, за картошку
Мужик залучил граммофон, –
Слюнявя козлиную ножку,
Танго себе слушает он.
Сжимая от прибыли руки,
Ругаясь на всякий налог,
Он мыслит до дури о штуке,
Катающейся между ног.
Шли годы
Размашисто, пылко.
Удел хлебороба гас.
Немало попрело в бутылках
«Керенок» и «ходей» у нас.
Фефела! Кормилец! Касатик!
Владелец землей и скотом,
За пару измызганных «катек»
Он даст себя выдрать кнутом.
Ну, ладно.
Довольно стонов,
Ненужных насмешек и слов.
Сегодня про участь Прона
Мне мельник прислал письмо:
«Сергуха! За милую душу!
Привет тебе, братец! Привет!
Ты что-то опять в Криушу
Не кажешься целых шесть лет.
Утешь!
Соберись на милость!
Прижваривай по весне!
У нас здесь такое случилось,
Чего не расскажешь в письме.
Теперь стал спокой в народе,
И буря пришла в угомон.

Узнай, что в двадцатом годе
Расстрелян Оглоблин Прон.
Расея!..
Дуро́вая зыкь она.
Хошь верь, хошь не верь ушам –
Однажды отряд Деникина
Нагрянул на криушан.
Вот тут и пошла потеха…
С потехи такой – околеть!
Со скрежетом и со смехом
Гульнула казацкая плеть.
Тогда вот и чикнули Проню…
Лабутя ж в солому залез
И вылез,
Лишь только кони
Казацкие скрылись в лес.
Теперь он по пьяной морде
Еще не устал голосить:
«Мне нужно бы красный орден
За храбрость мою носить…»
Совсем прокатились тучи…
И хоть мы живем не в раю,
Ты все ж приезжай, голубчик,
Утешить судьбину мою…»

* * *

И вот я опять в дороге.
Ночная июньская хмарь.
Бегут говорливые дроги
Ни шатко ни валко, как встарь.
Дорога довольно хорошая,
Равнинная тихая звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни.
И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни.
Я снова на мельнице…
Ельник
Усыпан свечьми светляков.

По-старому старый мельник
Не может связать двух слов:
«Голубчик! Вот радость! Сергуха?!
Озяб, чай? Поди, продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог.
Сергунь! Золотой! Послушай!
…
И ты уж старик по годам…
Сейчас я за милую душу
Подарок тебе передам».
«Подарок?»
«Нет…
Просто письмишко…
Да ты не спеши, голубок!
Почти что два месяца с лишком
Я с почты его приволок».
Вскрываю… читаю… Конечно!..
Откуда же больше и ждать?
И почерк такой беспечный,
И лондонская печать.
«Вы живы?.. Я очень рада…
Я тоже, как вы, жива.
Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.
Теперь я от вас далеко…
В России теперь апрель.
И синею заволокой
Покрыта береза и ель.
Сейчас вот, когда бумаге
Вверяю я грусть моих слов,
Вы с мельником, может, на тяге
Подслушиваете тетеревов.
Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в страх,
Гляжу средь судов все пристальней
На красный советский флаг.
Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна…
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна»…
…
Письмо как письмо.
Беспричинно.

Я в жисть бы таких не писал…
По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Микола

1

В шапке облачного скола,
В лапоточках, словно тень,
Ходит милостник Микола
Мимо сел и деревень.

На плечах его котомка,
Стягловица в две тесьмы,
Он идет, поет негромко
Иорданские псалмы.

Злые скорби, злое горе
Даль холодная впила;
Загораются, как зори,
В синем небе купола.

Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет ряд плакучих ив,
И, как шелковые четки,
Веток бисерный извив.

Ходит ласковый угодник,
Пот елейный льет с лица:
«Ой ты, лес мой, хороводник,
Прибаюкай пришлеца».

2

Заневестилася кругом
Роща елей и берез.
По кустам зеленым лугом
Льнут охлопья синих рос.

Тучка тенью расколола
Зеленистый косогор…
Умывается Микола

Белой пеной из озер.

Под березкою-невестой,
За сухим посошником,
Утирается берестой,
Словно мягким рушником.

И идет стопой неспешной
По селеньям, пустырям:
«Я, жилец страны нездешной,
Прохожу к монастырям».

Высоко стоит злотравье,
Спорынья кадит туман:
«Помолюсь схожу за здравье
Православных христиан».

3

Ходит странник по дорогам,
Где зовут его в беде,
И с земли гуторит с богом
В белой туче-бороде.

Говорит господь с престола,
Приоткрыв окно за рай:
«О мой верный раб, Микола,
Обойди ты русский край.

Защити там в черных бедах
Скорбью вытерзанный люд.
Помолись с ним о победах
И за нищий их уют».

Ходит странник по трактирам,
Говорит, завидя сход:
«Я пришел к вам, братья, с миром –
Исцелить печаль забот.

Ваши души к подорожью
Тянет с посохом сума.
Собирайте милость божью

Спелой рожью в закрома».

4

Горек запах черной гари,
Осень рощи подожгла.
Собирает странник тварей,
Кормит просом с подола.

«Ой, прощайте, белы птахи,
Прячьтесь, звери, в терему.
Темный бор, – щекочут свахи, –
Сватай девицу-зиму».

«Всем есть место, всем есть логов,
Открывай, земля, им грудь!
Я – слуга давнишний богов –
В божий терем правлю путь».

Звонкий мрамор белых лестниц
Протянулся в райский сад;
Словно космища кудесниц,
Звезды в яблонях висят.

На престоле светит зорче
В алых ризах кроткий Спас;
«Миколае-чудотворче,
Помолись ему за нас».

5

Кроют зори райский терем,
У окошка божья мать
Голубей сзывает к дверям
Рожь зернистую клевать.

«Клюйте, ангельские птицы:
Колос – жизненный полет».
Ароматней медуницы
Пахнет жней веселых пот.

Кружевами лес украшен,
Ели словно купина.
По лощинам черных пашен –
Пряжа выснежного льна.

Засучивши с рожью полы,
Пахаря трясут лузгу,
В честь угодника Миколы
Сеют рожью на снегу.

И, как по траве окосья
В вечереющий покос,
На снегу звенят колосья
Под косницами берез.

Ус

Не белы снега по-над Доном
Заметали степь синим звоном.
Под крутой горой, что ль под тыном,
Расставалась мать с верным сыном.

«Ты прощай, мой сын, прощай, чадо,
Знать, пришла пора, ехать надо!
Захирел наш дол по-над Доном,
Под пятой Москвы, под полоном».

То не водный звон за путиной –
Бьет копытом конь под осиной.
Под красневу дремь, под сугредок
Отвечал ей сын напоследок:

«Ты не стой, не плачь на дорогу,
Зажигай свечу, молись богу.
Соберу я Дон, вскручу вихорь,
Полоню царя, сниму лихо».

Не река в бугор била пеной –
Вынимал он нож с подколена,
Отрезал с губы ус чернявый,
Говорил слова над дубравой:

«Уж ты, мать моя, голубица,
Сбереги ты ус на божнице;
Окропи его красным звоном,
Положи его под икону!»

Гикал-ухал он под туманом,
Подымалась пыль за курганом.
А она в ответ, как не рада:
«Уж ты сын ли мой, мое чадо!»

* * *

На крутой горе, под Калугой,
Повенчался Ус с синей вьюгой.

Лежит он на снегу под елью,
С весела-разгула, с похмелья.

Перед ним все знать да бояры,
В руках золотые чары.
«Не гнушайся ты, Ус, не злобуй,
Подымись, хоть пригубь, попробуй!

Нацедили мы вин красносоких
Из грудей из твоих из высоких.
Как пьяна с них твоя супруга,
Белокосая девица-вьюга!»

Молчит Ус, не кинет взгляда, –
Ничего ему от земли не надо.
О другой он земле гадает,
О других небесах вздыхает…

* * *

Заждалася сына дряхлая вдовица,
День и ночь горюя, сидя под божницей.
Вот прошло-проплыло уж второе лето,
Снова снег на поле, а его все нету.

Подошла, взглянула в мутное окошко…
«Не одна ты в поле катишься, дорожка!»
Свищет сокол-ветер, бредит тихим Доном.
«Хорошо б прижаться к золотым иконам…»

Села и прижалась, смотрит кротко-кротко…
«На кого ж похож ты, светлоглазый отрок?..
А! – сверкнули слезы над увядшим усом. –
Это ты, о сын мой, смотришь Иисусом!»

Радостью светит она из угла.
Песню запела и гребень взяла.
Лик ее старческий ласков и строг.
Встанет, присядет за печь, на порог.

Вечер морозный, как волк, темно-бур…
Кличет цыплят и нахохленных кур:

«Цыпушки-цыпы, свет-петушок!..»
Крепок в руке роговой гребешок.

Стала, уставилась лбом в темноту,
Чешет волосья младенцу Христу.

Певущий зов

Радуйтесь!
Земля предстала
Новой купели!
Догорели
Синие метели,
И змея потеряла
Жало.

О Родина,
Мое русское поле,
И вы, сыновья ее,
Остановившие
На частоколе
Луну и солнце, –
Хвалите бога!

В мужичьих яслях
Родилось пламя
К миру всего мира!
Новый Назарет
Перед вами.
Уже славят пастыри
Его утро.
Свет за горами…
Сгинь ты, английское юдо,
Расплещися по морям!
Наше северное чудо
Не постичь твоим сынам!

Не познать тебе Фавора,
Не расслышать тайный зов!
Отуманенного взора
На устах твоих покров.

Все упрямей, все напрасней
Ловит рот твой темноту.
Нет, не дашь ты правды в яслях
Твоему сказать Христу!

Но знайте,
Спящие глубоко:

Она загорелась,
Звезда Востока!
Не погасить ее Ироду
Кровью младенцев…

«Пляши, Саломея, пляши!»
Твои ноги легки и крылаты.
Целуй ты уста без души, –
Но близок твой час расплаты!
Уже встал Иоанн,
Изможденный от ран,
Поднял с земли
Отрубленную голову,
И снова гремят
Его уста,
Снова грозят
Содому:
«Опомнитесь!»

Люди, братья мои люди,
Где вы? Отзовитесь!
Ты не нужен мне, бесстрашный,
Кровожадный витязь.

Не хочу твоей победы,
Дани мне не надо!
Все мы – яблони и вишни
Голубого сада.

Все мы – гроздья винограда
Золотого лета,
До кончины всем нам хватит
И тепла и света!

Кто-то мудрый, несказанный,
Все себе подобя,
Всех живущих греет песней,
Мертвых – сном во гробе.

Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить.
Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить!

Товарищ

Он был сыном простого рабочего,
И повесть о нем очень короткая.
Только и было в нем, что волосы как ночь
Да глаза голубые, кроткие.

Отец его с утра до вечера
Гнул спину, чтоб прокормить крошку;
Но ему делать было нечего,
И были у него товарищи: Христос да кошка.

Кошка была старая, глухая,
Ни мышей, ни мух не слышала,
А Христос сидел на руках у матери
И смотрел с иконы на голубей под крышею.

Жил Мартин, и никто о нем не ведал.
Грустно стучали дни, словно дождь по железу.
И только иногда за скудным обедом
Учил его отец распевать марсельезу.

«Вырастешь, – говорил он, – поймешь…
Разгадаешь, отчего мы так нищи!»
И глухо дрожал его щербатый нож
Над черствой горбушкой насущной пищи.

Но вот под тесовым
Окном –
Два ветра взмахнули
Крылом;

То с вешнею полымью
Вод
Взметнулся российский
Народ…

Ревут валы,
Поет гроза!
Из синей мглы
Горят глаза.

За взмахом взмах,

Над трупом труп;
Ломает страх
Свой крепкий зуб.

Все взлет и взлет,
Все крик и крик!
В бездонный рот
Бежит родник…

И вот кому-то пробил
Последний, грустный час…
Но верьте, он не сробел
Пред силой вражьих глаз!

Душа его, как прежде,
Бесстрашна и крепка,
И тянется к надежде
Бескровная рука.

Он незадаром прожил,
Недаром мял цветы;
Но не на вас похожи
Угасшие мечты…

Нечаянно, негаданно
С родимого крыльца
Донесся до Мартина
Последний крик отца.

С потухшими глазами,
С пугливой синью губ,
Упал он на колени,
Обняв холодный труп.

Но вот приподнял брови,
Протер рукой глаза,
Вбежал обратно в хату
И стал под образа.

«Исус, Исус, ты слышишь?
Ты видишь? Я один.
Тебя зовет и кличет
Товарищ твой Мартин!

Отец лежит убитый,
Но он не пал, как трус.
Я слышу, он зовет нас,
О верный мой Исус.

Зовет он нас на помощь,
Где бьется русский люд,
Велит стоять за волю,
За равенство и труд!..»

И, ласково приемля
Речей невинных звук,
Сошел Исус на землю
С неколебимых рук.

Идут ручка с рукою,
А ночь черна, черна!..
И пыжится бедою
Седая тишина.

Мечты цветут надеждой
Про вечный, вольный рок.
Обоим нежит вежды
Февральский ветерок.

Но вдруг огни сверкнули…
Залаял медный груз.
И пал, сраженный пулей,
Младенец Иисус.

Слушайте:
Больше нет воскресенья!
Тело его предали погребенью
Он лежит
На Марсовом
Поле.

А там, где осталась мать,
Где ему не бывать
Боле,
Сидит у окошка
Старая кошка,
Ловит лапой луну…

Ползает Мартин по полу:
«Соколы вы мои, соколы,
В плену вы,
В плену!»
Голос его все глуше, глуше,
Кто-то давит его, кто-то душит,
Палит огнем.

Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное
Слово:
«Рре-эс-пуу-ублика!»

Отчарь

1

Тучи – как озера,
Месяц – рыжий гусь.
Пляшет перед взором
Буйственная Русь.

Дрогнул лес зеленый,
Закипел родник.
Здравствуй, обновленный
Отчарь мой, мужик!

Голубые воды –
Твой покой и свет,
Гибельной свободы
В этом мире нет.

Пой, зови и требуй
Скрытые брега;
Не сорвется с неба
Звездная дуга!

Не обронит вечер
Красного ведра;
Могутные плечи –
Что гранит-гора.

2

Под облачным древом
Верхом на луне
Февральской метелью
Ревешь ты во мне.

Небесные дщери
Куделят кремник;
Учил тебя вере

Седой огневик.

Он дал тебе пику,
Грозовый ятаг
И силой Аники
Отметил твой шаг.

Заря – как волчиха
С осклабленным ртом;
Но гонишь ты лихо
Двуперстным крестом.

Протянешь ли руку
Иль склонишь ты лик,
Кладешь ей краюху
На желтый язык.

И чуется зверю
Под радугой слов:
Алмазные двери
И звездный покров.

3

О чудотворец!
Широкоскулый и красноротый,
Приявший в корузлые руки
Младенца нежного, –
Укачай мою душу
На пальцах ног своих!

Я сын твой,
Выросший, как ветла
При дороге,
Научился смотреть в тебя,
Как в озеро.
Ты несказанен и мудр.

По сединам твоим
Узнаю, что был снег
На полях
И поемах.

По глазам голубым
Славлю
Красное
Лето.

4

Ах, сегодня весна, –
Ты взыграл, как поток!
Гладит волны челнок,
И поет тишина.

Слышен волховский звон
И Буслаев разгул,
Задружились под гул
Волга, Каспий и Дон.

Синегубый Урал
Выставляет клыки,
Но кадят Соловки
В его синий оскал.

Всех зовешь ты на пир,
Тепля клич, как свечу,
Прижимаешь к плечу
Нецелованный мир.

Свят и мирен твой дар,
Синь и песня в речах,
И горит на плечах
Необъемлемый шар!..

5

Закинь его в небо,
Поставь на столпы!
Там лунного хлеба
Златятся снопы.

Там голод и жажда

В корнях не поют,
Но зреет однажный
Свет ангельских юрт.

Там с вызвоном блюда
Прохлада куста,
И рыжий Иуда
Целует Христа.

Но звон поцелуя
Деньгой не гремит,
И цепь Акатуя –
Тропа перед скит.

Там дряхлое время,
Бродя по лугам,
Все русское племя
Сзывает к столам.

И, славя отвагу
И гордый твой дух,
Сыченою брагой
Обносит их круг.

Октоих

1

О родина, счастливый
И неисходный час!
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.

Тебе, твоим туманам
И овцам на полях,
Несу, как сноп овсяный,
Я солнце на руках.

Святись преполовеньем
И рождеством святись,
Чтоб жаждущие бдения
Извечьем напились.

Плечьми трясем мы небо,
Руками зыбим мрак
И в тощий колос хлеба
Вдыхаем звездный злак.

О Русь, о степь и ветры,
И ты, мой отчий дом!
На золотой повети
Гнездится вешний гром.

Овсом мы кормим бурю,
Молитвой поим дол,
И пашню голубую
Нам пашет разум-вол.

И не единый камень,
Через пращу и лук,
Не подобьет над нами
Подъятье божьих рук.

2

«О дево
Мария! –
Поют небеса. –
На нивы златые
Пролей волоса.

Омой наши лица
Рукою земли.
С за-гор вереницей
Плывут корабли.

В них души усопших
И память веков.
О, горе, кто ропщет,
Не снявши оков!

Кричащему в мраке
И бьющему лбом
Под тайные знаки
Мы врат не сомкнем.

Но сгибни, кто вышел
И узрел лишь миг!
Мы облачной крышей
Придавим слепых».

3

О боже, боже,
Ты ль
Качаешь землю в снах?
Созвездий светит пыль
На наших волосах.

Шумит небесный кедр
Через туман и ров,
И на долину бед
Спадают шишки слов.

Поют они о днях

Иных земель и вод,
Где на тугих ветвях
Кусал их лунный рот.

И шепчут про кусты
Непроходимых рощ,
Где пляшет, сняв порты,
Златоколенный дождь.

4

Осанна в вышних!
Холмы поют про рай.
И в том раю я вижу
Тебя, мой отчий край.

Под Маврикийским дубом
Сидит мой рыжий дед,
И светит его шуба
Горохом частых звезд.

И та кошачья шапка,
Что в праздник он носил,
Глядит, как месяц, зябко
На снег родных могил.

С холмов кричу я деду:
«О отче, отзовись…»
Но тихо дремлют кедры,
Обвесив сучья вниз.

Не долетает голос
В его далекий брег…
Но чу! Звенит, как колос,
С земли растущий снег:

«Восстань, прозри и вижди!
Неосказуем рок.
Кто все живит и зиждет –
Тот знает час и срок.

Вострубят божьи клики

Огнем и бурей труб,
И облак желтоклыкий
Прокусит млечный пуп.

И вывалится чрево
Испепелить бразды…
Но тот, кто мыслил девой,
Взойдет в корабль звезды».

Пришествие

1

Господи, я верую!..
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.

За горой нехоженой,
В синеве долин,
Снова мне, о боже мой,
Предстает твой сын.

По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей Руссии
Он несет свой крест.

Но пред тайной острова
Безначальных слов
Нет за ним апостолов,
Нет учеников.

2

О Русь, приснодева,
Поправшая смерть!
Из звездного чрева
Сошла ты на твердь.

На яслях овечьих
Осынила дол
За то, что в предтечах
Был пахарь и вол.

Воззри же на нивы,
На сжатый овес, –
Под снежною ивой

Упал твой Христос!

Опять его вои
Стегают плетьми
И бьют головою
О выступы тьмы…

3

Но к вихрю бездны
Он нем и глух.
С шеста созвездья
Поет петух.

О други, где вы?
Уж близок срок.
Темно ты, чрево,
И крест высок.

Вот гор воитель
Ощупал мглу.
Христа рачитель
Сидит в углу.

«Я видел: с ним он
Нам сеял мрак!»
«Нет, я не Симон…
Простой рыбак».

Вздохнула плесень,
И снег потух…
То третью песню
Пропел петух.

4

Ей, господи,
Царю мой!
Дьяволы на руках
Укачали землю.

Снова пришествию его
Поднят крест.
Снова раздирается небо.

Тишина полей и разума
Точит копья.
Лестница к саду твоему
Без приступок.

Как взойду, как поднимусь по ней
С кровью на отцах и братьях?

Тянет меня земля,
Оцепили пески.
На реках твоих
Сохну.

5

Симоне, Петр…
Где ты? Приди.
Вздрогнули ветлы:
«Там, впереди!»

Симоне, Петр…
Где ты? Зову!
Шепчется кто-то:
«Кричи в синеву!»

Крикнул – и громко
Вздыбился мрак.
Вышел с котомкой
Рыжий рыбак.

«Друг… Ты откуда?»
«Шел за тобой…»
«Кто ты?» – «Иуда!» –
Шамкнул прибой.

Рухнули гнезда
Облачных риз.

Ласточки-звезды
Канули вниз.

6

О Саваофе!
Покровом твоим рек и озер
Прикрой сына!

Под ивой бьют его вои
И голгофят снега твои.
О ланиту дождей
Преломи
Лезвие заката…

Трубами вьюг
Возвести языки…

Но не в суд или во осуждение.

7

Явись над Елеоном
И правде наших мест!
Горстьми златых затонов
Мы окропим твой крест.

Холмы поют о чуде,
Про рай звенит песок.
О верю, верю – будет
Телиться твой восток!

В моря овса и гречи
Он кинет нам телка…
Но долог срок до встречи,
А гибель так близка!

Уйми ты ржанье бури
И топ громов уйми?
Пролей ведро лазури

На ветхое деньми!

И дай дочерпать волю
Медведицей и сном,
Чтоб вытекшей душою
Удобрить чернозем…

Преображение

Разумнику Иванову

1

Облаки лают,
Ревет златозубая высь…
Пою и взываю:
Господи, отелись!

Перед воротами в рай
Я стучусь:
Звездами спеленай
Телицу-Русь.

За тучи тянется моя рука,
Бурею шумит песнь.
Небесного молока
Даждь мне днесь.

Грозно гремит твой гром,
Чудится плеск крыл.
Новый Содом
Сжигает Егудиил.

Но твердо, не глядя назад,
По ниве вод
Новый из красных врат
Выходит Лот.

2

Не потому ль в березовых
Кустах поет сверчок
О том, как ликом розовым
Окапал рожь восток;

О том, как богородица,

Накинув синий плат,
У облачной околицы
Скликает в рай телят.

С утра над осенницею
Я слышу зов трубы.
Теленькает синицею
Он про глагол судьбы.

«О, веруй, небо вспенится,
Как лай, сверкнет волна.
Над рощею ощенится
Златым щенком луна.

Иной травой и чащею
Отенит мир вода.
Малиновкой журчащею
Слетит в кусты звезда.

И выползет из колоса,
Как рой, пшеничный злак,
Чтобы пчелиным голосом
Озлатонивить мрак…»

3

Ей, россияне!
Ловцы вселенной,
Неводом зари зачерпнувшие небо, –
Трубите в трубы.

Под плугом бури
Ревет земля.
Рушит скалы златоклыкий
Омеж.

Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зерна
Бросает в борозды.

Светлый гость в колымаге к вам

Едет.
По тучам бежит
Кобылица.

Шлея на кобыле –
Синь.
Бубенцы на шлее –
Звезды.

4

Стихни, ветер,
Не лай, водяное стекло.
С небес через красные сети
Дождит молоко.

Мудростью пухнет слово,
Вязью колося поля.
Над тучами, как корова,
Хвост задрала заря.

Вижу тебя из окошка,
Зиждитель щедрый,
Ризою над землею
Свесивший небеса.

Ныне
Солнце, как кошка,
С небесной вербы
Лапкою золотою
Трогает мои волоса.

5

Зреет час преображенья,
Он сойдет, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь.

От утра и от полудня

Под поющий в небе гром,
Словно ведра, наши будни
Он наполнит молоком.

И от вечера до ночи,
Незакатный славя край,
Будет звездами пророчить
Среброзлачный урожай.

А когда над Волгой месяц
Склонит лик испить воды, –
Он, в ладью златую свесясь,
Уплывет в свои сады.

И из лона голубого,
Широко взмахнув веслом,
Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом.

Иорданская голубица

1

Земля моя златая!
Осенний светлый храм!
Гусей крикливых стая
Несется к облакам.

То душ преображенных
Несчислимая рать,
С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад.

А впереди их лебедь.
В глазах, как роща, грусть.
Не ты ль так плачешь в небе,
Отчалившая Русь?

Лети, лети, не бейся,
Всему есть час и брег.
Ветра стекают в песню,
А песня канет в век.

2

Небо – как колокол,
Месяц – язык,
Мать моя – родина,
Я – большевик.

Ради вселенского
Братства людей
Радуюся песней я
Смерти твоей.

Крепкий и сильный,
На гибель твою
В колокол синий

Я месяцем бью.

Братья-миряне,
Вам моя песнь.
Слышу в тумане я
Светлую весть.

3

Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.
Снова зарею клубится
Мой луговой Иордань.

Славлю тебя, голубая,
Звездами вбитая высь.
Снова до отчего рая
Руки мои поднялись.

Вижу вас, злачные нивы,
С стадом буланых коней.
С дудкой пастушеской в ивах
Бродит апостол Андрей.

И, полная боли и гнева,
Там, на окрайне села,
Мати пречистая дева
Розгой стегает осла.

4

Братья мои, люди, люди!
Все мы, все когда-нибудь
В тех благих селеньях будем,
Где протоптан Млечный Путь.

Не жалейте же ушедших,
Уходящих каждый час, –
Там на ландышах расцветших
Лучше, чем в полях у нас.

Страж любви – судьба-мздоимец
Счастье пестует не век.
Кто сегодня был любимец –
Завтра нищий человек.

5

О новый, новый, новый,
Прорезавший тучи день!
Отроком солнцеголовым
Сядь ты ко мне под плетень.

Дай мне твои волосья
Гребнем луны расчесать.
Этим обычаем гостя
Мы научились встречать.

Древняя тень Маврикии
Родственна нашим холмам,
Дождиком в нивы златые
Нас посетил Авраам.

Сядь ты ко мне на крылечко,
Тихо склонись ко плечу.
Синюю звездочку свечкой
Я пред тобой засвечу.

Буду тебе я молиться,
Славить твою Иордань…
Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.

Инония

1

Не устрашуся гибели,
Ни копий, не стрел дождей, –
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.

Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплевываю изо рта.

Не хочу восприять спасения
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.

Я иное узрел пришествие –
Где не пляшет над правдой смерть.
Как овцу от поганой шерсти, я
Остригу голубую твердь.

Подыму свои руки к месяцу,
Раскушу его, как орех.
Не хочу я небес без лестницы,
Не хочу, чтобы падал снег.

Не хочу, чтоб умело хмуриться
На озерах зари лицо.
Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.

Я сегодня рукой упругою
Готов повернуть весь мир…
Грозовой расплескались вьюгою
От плечей моих восемь крыл.

2

Лай колоколов над Русью грозный –
Это плачут стены Кремля.
Ныне на пики звездные
Вздыбливаю тебя, земля!

Протянусь до незримого города,
Млечный прокушу покров.
Даже богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.

Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом вьюг:
Я иным тебя, господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!

Проклинаю я дыхание Китежа
И все лощины его дорог.
Я хочу, чтоб на бездонном вытяже
Мы воздвигли себе чертог.

Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых.
Обещаю вам град Инонию,
Где живет божество живых.

Плачь и рыдай, Московия!
Новый пришел Индикоплов.
Все молитвы в твоем часослове я
Проклюю моим клювом слов.

Уведу твой народ от упования,
Дам ему веру и мощь,
Чтобы плугом он в зори ранние
Распахивал с солнцем нощь.

Чтобы поле его словесное
Выращало ульями злак,
Чтобы зерна под крышей небесною
Озлащали, как пчелы, мрак.

Проклинаю тебя я Радонеж,
Твои пятки и все следы!

Ты огня золотого залежи
Разрыхлял киркою воды.

Стая туч твоих, по-волчьи лающих,
Словно стая злющих волков,
Всех зовущих и всех дерзающих
Прободала копьем клыков.

Твое солнце когтистыми лапами
Прокогтялось в душу, как нож.
На реках вавилонских мы плакали,
И кровавый мочил нас дождь.

Ныне ж бури воловьим голосом
Я кричу, сняв с Христа штаны:
Мойте руки свои и волосы
Из лоханки второй луны.

Говорю вам – вы все погибнете,
Всех задушит вас веры мох.
По-иному над нашей выгибью
Вспух незримой коровой бог.

И напрасно в пещеры селятся
Те, кому ненавистен рев.
Все равно – он иным отелится
Солнцем в наш русский кров.

Все равно – он спалит телением,
Что ковало реке брега.
Разгвоздят мировое кипение
Золотые его рога.

Новый сойдет Олипий
Начертать его новый лик.
Говорю вам – весь воздух выпью
И кометой вытяну язык.

До Египта раскорячу ноги,
Раскую с вас подковы мук…
В оба полюса снежнорогие
Вопьюся клещами рук.

Коленом придавлю экватор

И, под бури и вихря плач,
Пополам нашу землю-матерь
Разломлю, как златой калач.

И в провал, отененный бездною,
Чтобы мир весь слышал тот треск,
Я главу свою власозвездную
Просуну, как солнечный блеск.

И четыре солнца из облачья,
Как четыре бочки с горы,
Золотые рассыпав обручи,
Скатясь, всколыхнут миры.

3

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, –
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!

Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом – рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!

Не вбивай руками синими
В пустошь потолок небес:
Не построить шляпками гвоздиными
Сияние далеких звезд.

Не залить огневого брожения
Лавой стальной руды.
Нового вознесения
Я оставлю на земле следы.

Пятками с облаков свесюсь,
Прокопытю тучи, как лось;
Колесами солнце и месяц
Надену на земную ось.

Говорю тебе – не пой молебствия

Проволочным твоим лучам.
Не осветят они пришествия,
Бегущего овцой по горам!

Сыщется в тебе стрелок еще
Пустить в его грудь стрелу.
Словно полымя, с белой шерсти его
Брызнет теплая кровь во мглу.

Звездами золотые копытца
Скатятся, взбороздив нощь.
И опять замелькает спицами
Над чулком ее черным дождь.

Возгремлю я тогда колесами
Солнца и луны, как гром;
Как пожар, размечу волосья
И лицо закрою крылом.

За уши встряхну я горы,
Кольями вытяну ковыль.
Все тыны твои, все заборы
Горстью смету, как пыль.

И вспашу я черные щеки
Нив твоих новой сохой;
Золотой пролетит сорокой
Урожай над твоей страной.

Новый он сбросит жителям
Крыл колосистых звон.
И, как жерди златые, вытянет
Солнце лучи на дол.

Новые вырастут сосны
На ладонях твоих полей.
И, как белки, желтые весны
Будут прыгать по сучьям дней.

Синие забрезжут реки,
Просверлив все преграды глыб.
И заря, опуская веки,
Будет звездных ловить в них рыб.

Говорю тебе – будет время,
Отплещут уста громов;
Прободят голубое темя
Колосья твоих хлебов.

И над миром с незримой лестницы,
Оглашая поля и луг,
Проклевавшись из сердца месяца,
Кукарекнув, взлетит петух.

4

По тучам иду, как по ниве, я,
Свесясь головою вниз.
Слышу плеск голубого ливня
И светил тонкоклювых свист.

В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор.

Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку мать;
Пальцами луч заката
Старается она поймать.

Прищемит его у окошка,
Схватит на своем горбе, –
А солнышко, словно кошка,
Тянет клубок к себе.

И тихо под шепот речки,
Прибрежному эху в подол,
Каплями незримой свечки
Капает песня с гор:

«Слава в вышних богу
И на земле мир!
Месяц синим рогом
Тучи прободил.

Кто-то вывел гуся
Из яйца звезды –
Светлого Исуса
Проклевать следы.

Кто-то с новой верой,
Без крест и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.

Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.

Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера – в силе.
Наша правда – в нас!»

НЕБЕСНЫЙ БАРАБАНЩИК

1

Гей вы, рабы, рабы!
Брюхом к земле прилипли вы.
Нынче луну с воды
Лошади выпили.

Листьями звезды льются
В реки на наших полях.
Да здравствует революция
На земле и на небесах!

Души бросаем бомбами,
Сеем пурговый свист.
Что нам слюна иконная
В наши ворота в высь?

Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвется
К новому берегу мир.

2

Если это солнце
В заговоре с ними, –
Мы его всей ратью
На штыках подымем.

Если этот месяц
Друг их черной силы, –
Мы его с лазури
Камнями в затылок.

Разметем все тучи,
Все дороги взмесим,
Бубенцом мы землю

К радуге привесим.

Ты звени, звени нам,
Мать-земля сырая,
О полях и рощах
Голубого края.

3

Солдаты, солдаты, солдаты –
Сверкающий бич над смерчом.
Кто хочет свободы и братства,
Тому умирать нипочем.

Смыкайтесь же тесной стеною!
Кому ненавистен туман,
Тот солнце корявой рукою
Сорвет на златой барабан.

Сорвет и пойдет по дорогам
Лить зов над озерами сил –
На тени церквей и острогов,
На белое стадо горилл.

В том зове калмык и татарин
Почуют свой чаемый град,
И черное небо хвостами,
Хвостами коров вспламенят.

4

Верьте, победа за нами!
Новый берег недалек.
Волны белыми когтями
Золотой скребут песок.

Скоро, скоро вал последний
Миллионом брызнет лун.
Сердце – свечка за обедней
Пасхе массы и коммун.

Ратью смуглой, ратью дружной
Мы идем сплотить весь мир.
Мы идем, и пылью вьюжной
Тает облако горилл.

Мы идем, а там, за чащей,
Сквозь белесость и туман
Наш небесный барабанщик
Лупит в солнце-барабан.

Пантократор

1

Славь, мой стих, кто ревет и бесится,
Кто хоронит тоску в плече,
Лошадиную морду месяца
Схватить за узду лучей.

Тысячи лет те же звезды славятся,
Тем же медом струится плоть.
Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, господь.

За седины твои кудрявые,
За копейки с златых осин
Я кричу тебе: «К черту старое!»,
Непокорный, разбойный сын.

И за эти щедроты теплые,
Что сочишь ты дождями в муть,
О, какими, какими метлами
Это солнце с небес стряхнуть?

2

Там, за млечными холмами,
Средь небесных тополей,
Опрокинулся над нами
Среброструйный Водолей.

Он Медведицей с лазури –
Как из бочки черпаком.
В небо вспрыгнувшая буря
Села месяцу верхом.

В вихре снится сонм умерших,
Молоко дымящий сад,
Вижу, дед мой тянет вершей

Солнце с полдня на закат.

Отче, отче, ты ли внука
Услыхал в сей скорбный срок?
Знать, недаром в сердце мукал
Издыхающий телок.

3

Кружися, кружися, кружися,
Чекань твоих дней серебро!
Я понял, что солнце из выси –
В колодезь златое ведро.

С земли на незримую сушу
Отчалить и мне суждено.
Я сам положу мою душу
На это горящее дно.

Но знаю – другими очами
Умершие чуют живых.
О, дай нам с земными ключами
Предстать у ворот золотых.

Дай с нашей овсяною волей
Засовы чугунные сбить,
С разбега по ровному полю
Заре на закорки вскочить.

4

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.

Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.

Мы радугу тебе – дугой,
Полярный круг – на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

Хвостом земле ты прицепись,
С зари отчалься гривой.
За эти тучи, эту высь
Скачи к стране счастливой.

И пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.

Кобыльи корабли

1

Если волк на звезду завыл,
Значит, небо тучами изглодано.
Рваные животы кобыл,
Черные паруса воронов.

Не просунет когтей лазурь
Из пургового кашля-смрада;
Облетает под ржанье бурь
Черепов златохвойный сад.

Слышите ль? Слышите звонкий стук?
Это грабли зари по пущам.
Веслами отрубленных рук
Вы гребетесь в страну грядущего.

Плывите, плывите в высь!
Лейте с радуги крик вороний!
Скоро белое дерево сронит
Головы моей желтый лист.

2

Поле, поле, кого ты зовешь?
Или снится мне сон веселый –
Синей конницей скачет рожь,
Обгоняя леса и села?

Нет, не рожь! скачет по полю стужа,
Окна выбиты, настежь двери.
Даже солнце мерзнет, как лужа,
Которую напрудил мерин.

Кто это? Русь моя, кто ты? кто?
Чей черпак в снегов твоих накипь?
На дорогах голодным ртом

Сосут край зари собаки.

Им не нужно бежать в «туда» –
Здесь, с людьми бы теплей ужиться.
Бог ребенка волчице дал,
Человек съел дитя волчицы.

3

О, кого же, кого же петь
В этом бешеном зареве трупов?
Посмотрите: у женщин третий
Вылупляется глаз из пупа.

Вон он! Вылез, глядит луной,
Не увидит ли помясистей кости.
Видно, в смех над самим собой
Пел я песнь о чудесной гостье.

Где же те? где еще одиннадцать,
Что светильники сисек жгут?
Если хочешь, поэт, жениться,
Так женись на овце в хлеву.

Причащайся соломой и шерстью,
Тепли песней словесный воск.
Злой октябрь осыпает перстни
С коричневых рук берез.

4

Звери, звери, приидите ко мне
В чашки рук моих злобу выплакать!
Не пора ль перестать луне
В небесах облака лакать?

Сестры-суки и братья кобели,
Я, как вы, у людей в загоне.
Не нужны мне кобыл корабли
И паруса вороньи.

Если голод с разрушенных стен
Вцепится в мои волоса, –
Половину ноги моей сам съем,
Половину отдам вам высасывать.

Никуда не пойду с людьми,
Лучше вместе издохнуть с вами,
Чем с любимой поднять земли
В сумасшедшего ближнего камень.

5

Буду петь, буду петь, буду петь!
Не обижу ни козы, ни зайца.
Если можно о чем скорбеть,
Значит, можно чему улыбаться.

Все мы яблоко радости носим,
И разбойный нам близок свист.
Срежет мудрый садовник осень
Головы моей желтый лист.

В сад зари лишь одна стезя,
Сгложет рощи октябрьский ветр.
Все познать, ничего не взять
Пришел в этот мир поэт.

Он пришел целовать коров,
Слушать сердцем овсяный хруст.
Глубже, глубже, серпы стихов!
Сыпь черемухой, солнце-куст!

Сорокоуст

1

Трубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть теперь нам
На измызганных ляжках дорог?

Вы, любители песенных блох,
Не хотите ль пососать у мерина?

Полно кротостью мордищ праздниться,
Любо ль, не любо ль, знай бери.
Хорошо, когда сумерки дразнятся
И всыпают вам в толстые задницы
Окровавленный веник зари.

Скоро заморозь известью выбелит
Тот поселок и эти луга.
Никуда вам не скрыться от гибели,
Никуда не уйти от врага.
Вот он, вот он с железным брюхом,
Тянет к глоткам равнин пятерню,

Водит старая мельница ухом,
Навострив мукомольный нюх.
И дворовый молчальник бык,
Что весь мозг свой на телок пролил,
Вытирая о прясло язык,
Почуял беду над полем.

2

Ах, не с того ли за селом
Так плачет жалостно гармоника:
Таля-ля-ля, тили-ли-гом
Висит над белым подоконником.
И желтый ветер осенницы
Не потому ль, синь рябью тронув,

Как будто бы с коней скребницей,
Очесывает листья с кленов.
Идет, идет он, страшный вестник,
Пятой громоздкой чащи ломит.
И все сильней тоскуют песни
Под лягушиный писк в соломе.
О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,
Се изб древенчатый живот
Трясет стальная лихорадка!

3

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?
Неужель он не знает, что в полях бессиянных
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег?
По-иному судьба на торгах перекрасила
Наш разбуженный скрежетом плес,
И за тысчи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

4

Черт бы взял тебя, скверный гость!
Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя не пришлось
Утопить, как ведро в колодце.
Хорошо им стоять и смотреть,
Красить рты в жестяных поцелуях, –
Только мне, как псаломщику, петь
Над родимой страной аллилуйя.
Оттого-то в сентябрьскую склень
На сухой и холодный суглинок,
Головой размозжась о плетень,
Облилась кровью ягод рябина.
Оттого-то вросла тужиль
В переборы тальянки звонкой.
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.

Исповедь хулигана

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган.

Я нарочно иду нечесаным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать.
Мне нравится, когда каменья брани
Летят в меня, как град рыгающей грозы,
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.

Так хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,
Которым дорог я, как поле и как плоть,
Как дождик, что весной взрыхляет зеленя.
Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня.

Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь бога и болотных недр.
О, если б вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!
Вы ль за жизнь его сердцем не индевели,
Когда босые ноги он в лужах осенних макал?
А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках.

Но живет в нем задор прежней вправки
Деревенского озорника.
Каждой корове с вывески мясной лавки
Он кланяется издалека.
И, встречаясь с извозчиками на площади,

Вспоминая запах навоза с родных полей,
Он готов нести хвост каждой лошади,
Как венчального платья шлейф.

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.
Приятны мне свиней испачканные морды
И в тишине ночной звенящий голос жаб.
Я нежно болен вспоминаньем детства,
Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь.
Как будто бы на корточки погреться
Присел наш клен перед костром зари.
О, сколько я на нем яиц из гнезд вороньих,
Карабкаясь по сучьям, воровал!
Все тот же ль он теперь, с верхушкою зеленой?
По-прежнему ль крепка его кора?

А ты, любимый,
Верный пегий пес?!
От старости ты стал визглив и слеп
И бродишь по двору, влача обвисший хвост,
Забыв чутьем, где двери и где хлев.
О, как мне дороги все те проказы,
Когда, у матери стянув краюху хлеба,
Кусали мы с тобой ее по разу,
Ни капельки друг другом не погребав.

Я все такой же.
Сердцем я все такой же.
Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.
Стеля стихов злаченые рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.

Спокойной ночи!
Всем вам спокойной ночи!
Отзвенела по траве сумерек зари коса…
Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну…….

Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть не жаль.
Ну так что ж, что кажусь я циником,
Прицепившим к заднице фонарь!

Старый, добрый, заезженный Пегас,
Мне ль нужна твоя мягкая рысь?
Я пришел, как суровый мастер,
Воспеть и прославить крыс.
Башка моя, словно август,
Льется бурливых волос вином.

Я хочу быть желтым парусом
В ту страну, куда мы плывем.

Возвращение на родину

Я посетил родимые места,
Ту сельщину,
Где жил мальчишкой,
Где каланчой с березовою вышкой
Взметнулась колокольня без креста.

Как много изменилось там,
В их бедном, неприглядном быте.
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам.

Отцовский дом
Не мог я распознать:
Приметный клен уж под окном не машет,
И на крылечке не сидит уж мать,
Кормя цыплят крупитчатою кашей.

Стара, должно быть, стала…
Да, стара.
Я с грустью озираюсь на окрестность:
Какая незнакомая мне местность!
Одна, как прежняя, белеется гора,
Да у горы
Высокий серый камень.

Здесь кладбище!
Подгнившие кресты,
Как будто в рукопашной мертвецы,
Застыли с распростертыми руками.
По тропке, опершись на подожок,
Идет старик, сметая пыль с бурьяна.
«Прохожий!
Укажи, дружок,
Где тут живет Есенина Татьяна?»

«Татьяна… Гм…
Да вон за той избой.
А ты ей что?
Сродни?
Аль, может, сын пропащий?»

«Да, сын.
Но что, старик, с тобой?
Скажи мне,
Отчего ты так глядишь скорбяще?»

«Добро, мой внук,
Добро, что не узнал ты деда!..»
«Ах, дедушка, ужели это ты?»
И полилась печальная беседа
Слезами теплыми на пыльные цветы.
……
«Тебе, пожалуй, скоро будет тридцать…
А мне уж девяносто…
Скоро в гроб.
Давно пора бы было воротиться».
Он говорит, а сам все морщит лоб.
«Да!.. Время!..
Ты не коммунист?»
«Нет!..»
«А сестры стали комсомолки.
Такая гадость! Просто удавись!
Вчера иконы выбросили с полки,
На церкви комиссар снял крест.
Теперь и богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам…
Может, пригодится…

Пойдем домой –
Ты все увидишь сам».
И мы идем, топча межой кукольни.
Я улыбаюсь пашням и лесам,
А дед с тоской глядит на колокольню.
……
……
«Здорово, мать! Здорово!» –
И я опять тяну к глазам платок.
Тут разрыдаться может и корова,
Глядя на этот бедный уголок.

На стенке календарный Ленин.
Здесь жизнь сестер,
Сестер, а не моя, –
Но все ж готов упасть я на колени,

Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи…
Женщина с ребенком.
Уже никто меня не узнает.
По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.

Ах, милый край!
Не тот ты стал,
Не тот.
Да уж и я, конечно, стал не прежний.
Чем мать и дед грустней и безнадежней,
Тем веселей сестры смеется рот.

Конечно, мне и Ленин не икона,
Я знаю мир…
Люблю мою семью…
Но отчего-то все-таки с поклоном
Сажусь на деревянную скамью.

«Ну, говори, сестра!»

И вот сестра разводит,
Раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал»,
О Марксе,
Энгельсе…
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно,
Как шустрая девчонка
Меня во всем за шиворот берет…
По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.

Ответ

Старушка милая,
Живи, как ты живешь.
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймешь –
Чем я живу
И чем я в мире занят.

Теперь у вас зима.
И лунными ночами,
Я знаю, ты
Помыслишь не одна,
Как будто кто
Черемуху качает
И осыпает
Снегом у окна.

Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И – что тебя хоронят.

Так будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поет она плакидой –
Сволочь-вьюга!
И снег ложится
Вроде пятачков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга!

Я более всего
Весну люблю.
Люблю разлив
Стремительным потоком,
Где каждой щепке,

Словно кораблю,
Такой простор,
Что не окинешь оком.

Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!
И лишь о ней
Страдаю и скорблю,
Ее одну
Я жду и призываю!

Но эта пакость –
Хладная планета!
Ее и Солнцем-Лениным
Пока не растопить!
Вот потому
С больной душой поэта
Пошел скандалить я,
Озорничать и пить.

Но время будет,
Милая, родная!
Она придет, желанная пора!
Недаром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот – у пера.

Забудь про деньги ты,
Забудь про все.
Какая гибель?!
Ты ли это, ты ли?
Ведь не корова я,
Не лошадь, не осел,
Чтобы меня
Из стойла выводили!

Я выйду сам,
Когда настанет срок,
Когда пальнуть
Придется по планете,
И, воротясь,

Тебе куплю платок,
Ну, а отцу
Куплю я штуки эти.

Пока ж – идет метель,
И тысячей дьячков
Поет она плакидой –
Сволочь-вьюга.
И снег ложится
Вроде пятачков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга.

Стансы

Я о своем таланте
Много знаю.
Стихи – не очень трудные дела.
Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.

Стишок писнуть,
Пожалуй, всякий может –
О девушке, о звездах, о луне…
Но мне другое чувство
Сердце гложет,
Другие думы
Давят череп мне.

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном –
В великих штатах СССР.

Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке,
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали
В тигулевке.

Благодарю за дружбу граждан сих,
Но очень жестко
Спать там на скамейке
И пьяным голосом
Читать какой-то стих
О клеточной судьбе
Несчастной канарейки.

Я вам не кенар!
Я поэт!

И не чета каким-то там Демьянам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет.

Я вижу все
И ясно понимаю,
Что эра новая –
Не фунт изюму вам,
Что имя Ленина
Шумит, как ветр, по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам.

Вертитесь, милые!
Для вас обещан прок.
Я вам племянник,
Вы же мне все дяди.
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Понюхаем премудрость
Скучных строк.

Дни, как ручьи, бегут
В туманную реку.
Мелькают города,
Как буквы по бумаге.
Недавно был в Москве,
А нынче вот в Баку.
В стихию промыслов
Нас посвящает Чагин.

«Смотри, – он говорит, –
Не лучше ли церквей
Вот эти вышки
Черных нефть-фонтанов.
Довольно с нас мистических туманов,
Воспой, поэт,
Что крепче и живей».

Нефть на воде,
Как одеяло перса,
И вечер по небу
Рассыпал звездный куль.

Но я готов поклясться
Чистым сердцем,
Что фонари
Прекрасней звезд в Баку.

Я полон дум об индустрийной мощи,
Я слышу голос человечьих сил.
Довольно с нас
Небесных всех светил –
Нам на земле
Устроить это проще.

И, самого себя
По шее гладя,
Я говорю:
«Настал наш срок,
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Чтоб разгадать
Премудрость скучных строк».

Метель

Прядите, дни, свою былую пряжу,
Живой души не перестроить ввек.
Нет!
Никогда с собой я не полажу,
Себе, любимому,
Чужой я человек.

Хочу читать, а книга выпадает,
Долит зевота,
Так и клонит в сон…
А за окном
Протяжный ветр рыдает,
Как будто чуя
Близость похорон.

Облезлый клен
Своей верхушкой черной
Гнусавит хрипло
В небо о былом.
Какой он клен?
Он просто столб позорный –
На нем бы вешать
Иль отдать на слом.

И первого
Меня повесить нужно,
Скрестив мне руки за спиной:
За то, что песней
Хриплой и недужной
Мешал я спать
Стране родной.

Я не люблю
Распевы петуха
И говорю,
Что если был бы в силе,
То всем бы петухам
Я выдрал потроха,
Чтобы они
Ночьми не голосили.

Но я забыл,
Что сам я петухом
Орал вовсю
Перед рассветом края,
Отцовские заветы попирая,
Волнуясь сердцем
И стихом.

Визжит метель,
Как будто бы кабан,
Которого зарезать собрались.
Холодный,
Ледяной туман,
Не разберешь,
Где даль,
Где близь…

Луну, наверное,
Собаки съели –
Ее давно
На небе не видать.
Выдергивая нитку из кудели,
С веретеном
Ведет беседу мать.

Оглохший кот
Внимает той беседе,
С лежанки свесив
Важную главу.
Недаром говорят
Пугливые соседи,
Что он похож
На черную сову.

Глаза смежаются.
И как я их прищурю,
То вижу въявь
Из сказочной поры:
Кот лапой мне
Показывает дулю,
А мать – как ведьма
С киевской горы.

Не знаю, болен я

Или не болен,
Но только мысли
Бродят невпопад.
В ушах могильный
Стук лопат
С рыданьем дальних
Колоколен.

Себя усопшего
В гробу я вижу
Под аллилуйные
Стенания дьячка.
Я веки мертвому себе
Спускаю ниже,
Кладя на них
Два медных пятачка.

На эти деньги,
С мертвых глаз,
Могильщику теплее станет, –
Меня зарыв,
Он тот же час
Себя сивухой остаканит.

И скажет громко:
«Вот чудак!
Он в жизни
Буйствовал немало…
Но одолеть не мог никак
Пяти страниц
Из «Капитала».

Весна

Припадок кончен.
Грусть в опале.
Приемлю жизнь, как первый сон.
Вчера прочел я в «Капитале»,
Что для поэтов –
Свой закон.

Метель теперь
Хоть чертом вой,
Стучись утопленником голым, –
Я с отрезвевшей головой
Товарищ бодрым и веселым.

Гнилых нам нечего жалеть,
Да и меня жалеть не нужно,
Коль мог покорно умереть
Я в этой завирухе вьюжной.

Тинь-тинь, синица!
Добрый день!
Не бойся!
Я тебя не трону.
И коль угодно,
На плетень
Садись по птичьему закону.

Закон вращенья в мире есть,
Он – отношенье
Средь живущих.
Коль ты с людьми единой кущи, –
Имеешь право
Лечь и сесть.

Привет тебе,
Мой бедный клен!
Прости, что я тебя обидел.
Твоя одежда в рваном виде,
Но будешь
Новой наделен.

Без ордера тебе апрель

Зеленую отпустит шапку,
И тихо
В нежную охапку
Тебя обнимет повитель.

И выйдет девушка к тебе,
Водой окатит из колодца,
Чтобы в суровом октябре
Ты мог с метелями бороться.

А ночью
Выплывет луна.
Ее не слопали собаки:
Она была лишь не видна
Из-за людской
Кровавой драки.

Но драка кончилась…
И вот –
Она своим лимонным светом
Деревьям, в зелень разодетым,
Сиянье звучное
Польет.

Так пей же, грудь моя,
Весну!
Волнуйся новыми
Стихами!
Я нынче, отходя ко сну,
Не поругаюсь
С петухами.

Земля, земля!
Ты не металл, –
Металл ведь
Не пускает почку.
Достаточно попасть
На строчку,
И вдруг –
Понятен «Капитал».

Письмо к сестре

О Дельвиге писал наш Александр,
О черепе выласкивал он
Строки.
Такой прекрасный и такой далекий,
Но все же близкий,
Как цветущий сад!

Привет, сестра!
Привет, привет!
Крестьянин я иль не крестьянин?!
Ну как теперь ухаживает дед
За вишнями у нас, в Рязани?

Ах, эти вишни!
Ты их не забыла?
И сколько было у отца хлопот,
Чтоб наша тощая
И рыжая кобыла
Выдергивала плугом корнеплод.

Отцу картофель нужен.
Нам был нужен сад.
И сад губили,
Да, губили, душка!
Об этом знает мокрая подушка
Немножко… Семь…
Иль восемь лет назад.

Я помню праздник,
Звонкий праздник мая.
Цвела черемуха,
Цвела сирень.
И, каждую березку обнимая,
Я был пьяней,
Чем синий день.

Березки!
Девушки-березки!
Их не любить лишь может тот,
Кто даже в ласковом подростке
Предугадать не может плод.

Сестра! Сестра!
Друзей так в жизни мало!
Как и на всех,
На мне лежит печать…
Коль сердце нежное твое
Устало,
Заставь его забыть и замолчать.

Ты Сашу знаешь.
Саша был хороший.
И Лермонтов
Был Саше по плечу.
Но болен я…
Сиреневой порошей
Теперь лишь только
Душу излечу.

Мне жаль тебя.
Останешься одна,
А я готов дойти
Хоть до дуэли.
«Блажен, кто не допил до дна»
И не дослушал глас свирели.

Но сад наш!..
Сад…
Ведь и по нем весной
Пройдут твои
Заласканные дети.
О!
Пусть они
Помянут невпопад,
Что жили…

Чудаки на свете.

Песнь о Евпатии Коловрате

За поемами Улыбыша
Кружат облачные вентери.
Закурилася ковыльница
Подкопытною танагою.

Ой, не зымь лузга-заманница
Запоршила переточины, –
Подымались злы татаровья
На Зарайскую сторонушку.

Не ждала Рязань, не чуяла
А и той разбойной допоти,
Под фатой варяжьей засынькой
Коротала ночку темную.

Не совиный ух защурился,
И не волчья пасть оскалилась, –
То Батый с холма Чурилкова
Показал орде на зарево.

Как взглянули звезды-ласточки,
Загадали думу-полымя:
Чтой-то Русь захолынулася,
Аль не слышит лязгу бранного?

Щебетнули звезды месяцу:
«Ой ты, желтое ягнятище!
Ты не мни траву небесную,
Перестань бодаться с тучами.

Подыми-ка глазы-уголья
На рязанскую сторонушку
Да позарься в кутомарине,
Что там движется-колышется?»

Как взглянул тут месяц с привязи,
А ин жвачка зубы вытерпла,
Поперхнулся с перепужины
И на землю кровью кашлянул.

Ой, текут кровя сугорами,

Стонут пасишные пажити,
Разыгрались злы татаровья,
Кровь полониками черпают.

Впереди сам хан на выпячи,
На коне сидит улыбисто
И жует, слюнявя бороду,
Кус подохлой кобылятины.

Говорит он псиным голосом:
«Ой ли, титники братанове,
Не пора ль нам с пира-пображни
Настремнить коней в Московию?»

* * *

От Олышан до Швивой Заводи
Знают песни про Евпатия.
Их поют от белой вызнати
До холопного сермяжника.

Хоть и много песен сложено,
Да ни слову не уважено,
Не сочесть похвал той удали,
Не ославить смелой доблести.

Вились кудри у Евпатия,
В три ряда на плечи падали.
За гленищем ножик сеченый
Подпирал колено белое.

Как держал он кузню-крыницу,
Лошадей ковал да бражничал,
Да пешневые угорины
Двумя пальцами вытягивал.

Много лонешнего смолота
В закромах его затулено.
Не один рукав молодушек,
Утираясь, продырявился.

Да не любы, вишь, удалому

Эти всхлипы серых журушек,
А мила ему зазнобушка,
Что ль рязанская сторонушка.

* * *

Ой, не совы плачут полночью, –
За Коломной бабы хныкают,
В хомутах и наколодниках
Повели мужей татаровья.

Свищут потные погонщики,
Подгоняют полонянников,
По пыжну путю-дороженьке
Ставят вехами головушки.

Соходилися боярове,
Суд рядили, споры ладили,
Как смутить им силу вражию,
Соблюсти им Русь кондовую.

Снаряжали побегушника,
Уручали светлой грамотой:
«Ты беги, зови детинушку
На усуду свет Евпатия».

* * *

Ой, не колоб в поле катится
На позыв колдуньи с Шехмина, –
Проскакал ездок на Пилево,
Да назад опять ворочает.

На полях рязанских светится
Березняк при блеске месяца,
Освещая путь-дороженьку
От Олышан до Швивой Заводи.

Прискакал ездок к Евпатию,
Вынул вязевую грамоту:

«Ой ты, лазушновый баторе,
Выручай ты Русь от лихости!»

* * *

У Палаги-шинкачерихи
На меду вино развожено,
Кумачовые кумашницы
Душниками занавешены.

Сходилися товарищи
Свет хороброго Евпатия,
Над сивухой думы думали,
Запивали думы брагою.

Говорил Евпатий бражникам:
«Ой ли, други закадычные,
Вы не пейте зелена вина,
Не губите сметку русскую.

Зелено вино – мыслям пагуба,
Телесам оно – что коса траве,
Налетят на вас злые вороги
И развеют вас по соломинке!»

* * *

Не заря течет за Коломною,
Не пожар стоит над путиною –
Бьются соколы-дружинники,
Налетая на татаровье.

Всколыхнулось сердце Батыя:
Что случилось там, приключилося?
Не рязанцы ль встали мертвые
На побоище кроволитное?

А рязанцам стать –
Только спьяну спать;
Не в бою бы быть,

А в снопах лежать.

Скачет хан на бела батыря,
С губ бежит слюна капучая.
И не меч Евпатий вытянул,
А свеча в руках затеплилась.

Не березки-белоличушки
Из-под гоноби подрублены –
Полегли соколья-дружники
Под татарскими насечками.

Возговорит лютый ханище:
«Ой ли, черти, куролесники.
Отешите череп батыря
Что ль на чашу на сивушную».

Уж он пьет не пьет, курвяжится
Оглянется да понюхает –
«А всего ты, сила русская,
На тыновье загодилася».

Марфа Посадница

1

Не сестра месяца из темного болота
В жемчуге кокошник в небо запрокинула, –
Ой, как выходила Марфа за ворота,
Письменище черное из дулейки вынула.

Раскололся зыками колокол на вече,
Замахали кружевом полотнища зорние;
Услыхали ангелы голос человечий,
Отворили наскоро окна-ставни горние.

Возгово́рит Марфа голосом серебряно:
«Ой ли, внуки Васькины, правнуки Микулы!
Грамотой московскою извольно повелено
Выгомонить вольницы бражные загулы!»

Заходила буйница выхвали старинной,
Бороды, как молнии, выпячили грозно:
«Что нам Московия – как поставник блинный!
Там бояр-те жены хлыстают загозно!»

Марфа на крылечко праву ножку кинула,
Левой помахала каблучком сафьяновым.
«Быть так, – кротко молвила, черны брови сдвинула, –
Не ручьи – брызгатели выцветням росяновым…»

2

Не чернец беседует с Господом в затворе –
Царь московский антихриста вызывает:
«Ой, Виельзевуле, горе мое, горе,
Новгород мне вольный ног не лобызает!»

Вылез из запечья сатана гадюкой,
В пучеглазых бельмах исчаведье ада.
«Побожися душу выдать мне порукой,

Иначе не будет с Новгородом слада!»

Вынул он бумаги – облака клок,
Дал ему перо – от молнии стрелу.
Чиркнул царь кинжалищем локоток,
Расчеркнулся и зажал руку в полу.

Зарычит антихрист зёмным гудом:
«А и сроку тебе, царь, даю четыреста лет!
Как пойдет на Москву заморский Иуда,
Тут тебе с Новгородом и сладу нет!»

«А откуль гроза, когда ветер шумит?» –
Задает ему царь хитро́й спрос.
Говорит сатана зыком черных згит:
«Этот ответ с собой ветер унес…»

3

На соборах Кремля колокола заплакали,
Собирались стрельцы из дальных слобод;
Кони ржали, сабли звякали,
Глас приказный чинно слухал народ.

Закраснели хоругви, образа засверкали,
Царь пожаловал бочку с вином.
Бабы подолами слезы утирали, –
Кто-то воротится невредим в дом?

Пошли стрельцы, запылили по́ полю:
«Берегись ты теперь, гордый Новоград!»
Пики тенькали, кони топали, –
Никто не пожалел и не обернулся назад.

Возгово́рит царь жене своей:
«А и будет пир на красной браге!
Послал я сватать неучтивых семей,
Всем подушки голов расстелю в овраге».

«Государь ты мой, – шомонит жена, –
Моему ль уму судить суд тебе!..
Тебе власть дана, тебе воля дана,

Ты челом лишь бьешь одноей судьбе…»

4

В зарукавнике Марфа Богу молилась,
Рукавом горючи слезы утирала;
За окошко она наклонилась,
Голубей к себе на колени сзывала.

«Уж вы, голуби, слуги Боговы,
Солетайте-ко в райский терем,
Вертайтесь в земное логово,
Стучитесь к новоградским дверям!»

Приносили голуби от Бога письмо,
Золотыми письменами рубленное;
Села Марфа за расшитою тесьмой:
«Уж ты, счастье ль мое загубленное!»

И писал Господь своей верной рабе:
«Не гони метлой тучу вихристу;
Как московский царь на кровавой гульбе
Продал душу свою антихристу…»

5

А и минуло теперь четыреста лет.
Не пора ли нам, ребята, взяться за ум,
Исполнить святой Марфин завет:
Заглушить удалью московский шум?

А пойдемте, бойцы, ловить кречетов,
Отошлем дикомытя с потребою царю:
Чтобы дал нам царь ответ в сечи той,
Чтоб не застил он новоградскую зарю.

Ты шуми, певунный Волохов, шуми,
Разбуди Садко с Буслаем на-торгаш!
Выше, выше, вихорь, тучи подыми!
Ой ты, Новгород, родимый наш!

Как по быльнице тропинка пролегла;
А пойдемте стольный Киев звать!
Ой ли вы, с Кремля колокола,
А пора небось и честь вам знать!

Пропоем мы Богу с ветрами тропарь,
Вспеним белую попончу,
Загудит наш с веча колокол, как встарь,
Тут я, ребята, и покончу.

Русь бесприютная

Товарищи, сегодня в горе я,
Проснулась боль
В угасшем скандалисте!
Мне вспомнилась
Печальная история –
История об Оливере Твисте.

Мы все по-разному
Судьбой своей оплаканы.
Кто крепость знал,
Кому Сибирь знакома.
Знать, потому теперь
Попы и дьяконы
О здравье молятся
Всех членов Совнаркома.

И потому крестьянин
С водки штофа,
Рассказывая сродникам своим,
Глядит на Маркса,
Как на Саваофа,
Пуская Ленину
В глаза табачный дым.

Ирония судьбы!
Мы все отропщены.
Над старым твердо
Вставлен крепкий кол.
Но все ж у нас
Монашеские общины
С «аминем» ставят
Каждый протокол.

И говорят,
Забыв о днях опасных:
«Уж как мы их…
Не в пух, а прямо в прах…
Пятнадцать штук я сам
Зарезал красных,
Да столько ж каждый,
Всякий наш монах».

Россия-мать!
Прости меня,
Прости!
Но эту дикость, подлую и злую,
Я на своем недлительном пути
Не приголублю
И не поцелую.

У них жилища есть,
У них есть хлеб,
Они с молитвами
И благостны и сыты.
Но есть на этой
Горестной земле,
Что всеми добрыми
И злыми позабыты.

Мальчишки лет семи-восьми
Снуют средь штатов без призора,
Бестелыми корявыми костьми
Они нам знак
Тяжелого укора.

Товарищи, сегодня в горе я,
Проснулась боль в угасшем скандалисте.
Мне вспомнилась
Печальная история –
История об Оливере Твисте.

Я тоже рос,
Несчастный и худой,
Средь жидких,
Тягостных рассветов.
Но если б встали все
Мальчишки чередой,
То были б тысячи
Прекраснейших поэтов.

В них Пушкин,
Лермонтов,
Кольцов,
И наш Некрасов в них,
В них я.

……
Не потому ль моею грустью
Веет стих,
Глядя на их
Невымытые хари.

Я знаю будущее.
Это их…
Их календарь…
И вся земная слава.
Не потому ль
Мой горький буйный стих
Для всех других –
Как смертная отрава.

Я только им пою,
Ночующим в котлах,
Пою для них,
Кто спит порой в сортире.
О, пусть они
Хотя б прочтут в стихах,
Что есть за них
Обиженные в мире.

Русь уходящая

Мы многое еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Задрав штаны,
Бежать за комсомолом.

Я уходящих в грусти не виню,
Ну где же старикам
За юношами гнаться?
Они несжатой рожью на корню
Остались догнивать и осыпаться.

И я, я сам,
Не молодой, не старый,
Для времени навозом обречен.
Не потому ль кабацкий звон гитары
Мне навевает сладкий сон?

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.

Что видел я?
Я видел только бой
Да вместо песен
Слышал канонаду.
Не потому ли с желтой головой

Я по планете бегал до упаду?

Но все ж я счастлив.
В сонме бурь
Неповторимые я вынес впечатленья.
Вихрь нарядил мою судьбу
В золототканое цветенье.

Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.

Но есть иные люди.
Те
Еще несчастней и забытей.
Они, как отрубь в решете,
Средь непонятных им событий.

Я знаю их
И подсмотрел:
Глаза печальнее коровьих.
Средь человечьих мирных дел,
Как пруд, заплесневела кровь их.

Кто бросит камень в этот пруд?
Не троньте!
Будет запах смрада.
Они в самих себе умрут,
Истлеют падью листопада.

А есть другие люди,
Те, что верят,
Что тянут в будущее робкий взгляд.
Почесывая зад и перед,
Они о новой жизни говорят.

Я слушаю. Я в памяти смотрю,
О чем крестьянская судачит оголь.
«С Советской властью жить нам по нутрю…
Теперь бы ситцу… Да гвоздей немного…»

Как мало надо этим брадачам,

Чья жизнь в сплошном
Картофеле и хлебе.
Чего же я ругаюсь по ночам
На неудачный, горький жребий?

Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.
А я, сгубивший молодость свою,
Воспоминаний даже не имею.

Какой скандал!
Какой большой скандал!
Я очутился в узком промежутке.
Ведь я мог дать
Не то, что дал,
Что мне давалось ради шутки.

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Я знаю, грусть не утопить в вине,
Не вылечить души
Пустыней и отколом.
Знать, оттого так хочется и мне,
Задрав штаны,
Бежать за комсомолом.

Письмо деду

Покинул я
Родимое жилище.
Голубчик! Дедушка!
Я вновь к тебе пишу…
У вас под окнами
Теперь метели свищут,
И в дымовой трубе
Протяжный вой и шум,

Как будто сто чертей
Залезло на чердак.
А ты всю ночь не спишь
И дрыгаешь ногою.
И хочется тебе
Накинуть свой пиджак,
Пойти туда,
Избить всех кочергою.

Наивность милая
Нетронутой души!
Недаром прадед
За овса три меры
Тебя к дьячку водил
В заброшенной глуши
Учить: «Достойно есть»
И с «Отче» «Символ веры».

Хорошего коня пасут.
Отборный корм
Ему любви порука.
И, самого себя
Призвав на суд,
Тому же самому
Ты обучать стал внука.

Но внук учебы этой
Не постиг
И, к горечи твоей,
Ушел в страну чужую.
По-твоему, теперь
Бродягою брожу я,

Слагая в помыслах
Ненужный глупый стих.

Ты говоришь:
Что у тебя украли,
Что я дурак,
А город – плут и мот.
Но только, дедушка,
Едва ли так, едва ли, –
Плохую лошадь
Вор не уведет.

Плохую лошадь
Со двора не сгонишь,
Но тот, кто хочет
Знать другую гладь,
Тот скажет:
Чтоб не сгнить в затоне,
Страну родную
Нужно покидать.

Вот я и кинул.
Я в стране далекой.
Весна.
Здесь розы больше кулака.
И я твоей
Судьбине одинокой
Привет их теплый
Шлю издалека.

Теперь метель
Вовсю свистит в Рязани,
А у тебя –
Меня увидеть зуд.
Но ты ведь знаешь –
Никакие сани
Тебя сюда
Ко мне не завезут.

Я знаю –
Ты б приехал к розам,
К теплу.
Да только вот беда:
Твое проклятье

Силе паровоза
Тебя навек
Не сдвинет никуда.

А если я помру?
Ты слышишь, дедушка?
Помру я?
Ты сядешь или нет в вагон,
Чтобы присутствовать
На свадьбе похорон
И спеть в последнюю
Печаль мне «аллилуйя»?

Тогда садись, старик.
Садись без слез,
Доверься ты
Стальной кобыле.
Ах, что за лошадь,
Что за лошадь паровоз!
Ее, наверное,
В Германии купили.

Чугунный рот ее
Привык к огню,
И дым над ней, как грива, –
Черен, густ и четок.
Такую б гриву
Нашему коню, –
То сколько б вышло
Разных швабр и щеток!

Я знаю –
Время даже камень крошит.
И ты, старик,
Когда-нибудь поймешь,
Что, даже лучшую
Впрягая в сани лошадь,
В далекий край
Лишь кости привезешь…

Поймешь и то,
Что я ушел недаром
Туда, где бег
Быстрее, чем полет.

В стране, объятой вьюгой
И пожаром,
Плохую лошадь
Вор не уведет.

Ленин

Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

Россия! Сердцу милый край,
Душа сжимается от боли,
Уж сколько лет не слышит поле
Петушье пенье, песий лай.

Уж сколько лет наш тихий быт
Утратил мирные глаголы.
Как оспой, ямами копыт
Изрыты пастбища и долы.

Немолчный топот, громкий стон,
Визжат тачанки и телеги.
Ужель я сплю и вижу сон,
Что с копьями со всех сторон
Нас окружают печенеги?
Не сон, не сон, я вижу въявь,
Ничем не усыпленным взглядом,
Как, лошадей пуская вплавь,
Отряды скачут за отрядом.
Куда они? И где война?
Степная водь не внемлет слову.
Не знаю, светит ли луна?
Иль всадник обронил подкову?
Все спуталось…

Но понял взор:
Страну родную в край из края,
Огнем и саблями сверкая,
Междуусобный рвет раздор.
……
Россия –
Страшный, чудный звон.
В деревьях березь, в цветь – подснежник.
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?
Суровый гений! Он меня

Влечет не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре.
Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил –
Перепелиную охоту.
Для нас условен стал герой,
Мы любим тех, что в черных масках,
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках.
И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин томных.
Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самых скромных.
Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс…

Шуми и вей!
Крути свирепей, непогода.
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.
……..
Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лапы.
На поприще крестьянских бед
Цвели имперские сатрапы.
……
Монархия! Зловещий смрад!
Веками шли пиры за пиром.
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.
Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь…
И он пришел.
……..
Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.
Он нам сказал: <Чтоб кончить муки,
Берите всё в рабочьи руки.
Для вас спасенья больше нет –

Как ваша власть и ваш Совет>…
…….
И мы пошли под визг метели,
Куда глаза его глядели:
Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен…
…….
И вот он умер…
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из медно лающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.
Для них не скажешь:
Ленин умер.
Их смерть к тоске не привела.
Еще суровей и угрюмей
Они творят его дела…

Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве

Пастушонку Пете
Трудно жить на свете:
Тонкой хворостиной
Управлять скотиной.

Если бы корова
Понимала слово,
То жилось бы Пете
Лучше нет на свете.

Но коровы в спуске
На траве у леса,
Говоря по-русски,
Смыслят ни бельмеса.

Им бы лишь мычалось
Да трава качалась, –
Трудно жить на свете
Пастушонку Пете.

* * *

Хорошо весною
Думать под сосною,
Улыбаясь в дреме,
О родимом доме.

Май все хорошеет,
Ели все игольчей;
На коровьей шее
Плачет колокольчик.

Плачет и смеется
На цветы и травы,
Голос раздается
Звоном средь дубравы.

Пете-пастушонку
Голоса не новы, –
Он найдет сторонку,
Где звенят коровы.

Соберет всех в кучу,
На село отгонит,
Не получит взбучу –
Чести не уронит.

Любо хворостиной
Управлять скотиной,
В ночь у перелесиц
Спи и плюй на месяц.

* * *

Ну, а если лето –
Песня плохо спета.
Слишком много дела –
В поле рожь поспела.

Ах, уж не с того ли
Дни похорошели, –
Все колосья в поле,
Как лебяжьи шеи.

Но беда на свете
Каждый час готова,
Зазевался Петя –
В рожь зайдет корова.

А мужик, как взглянет,
Разведет ручищей
Да как в спину втянет
Прямо кнутовищей.

Тяжко хворостиной
Управлять скотиной.

* * *

Вот приходит осень
С цепью кленов голых,
Что шумит, как восемь
Чертенят веселых.

Мокрый лист с осины
И дорожных ивок
Так и хлещет в спину,
В спину и в загривок.

Елка ли, кусток ли,
Только вплоть до кожи
Сапоги промокли,
Одежонка – тоже.

Некому открыться,
Весь как есть пропащий.
Вспуганная птица
Улетает в чащу.

И дрожишь полсутки
То душой, то телом.
Рассказать бы утке –
Утка улетела.

Рассказать дубровам –
У дубровы опадь.
Рассказать коровам –
Им бы только лопать.

Нет, никто на свете
На обмокшем спуске
Пастушонка Петю
Не поймет по-русски.

Трудно хворостиной
Управлять скотиной.

* * *

Мыслит Петя с жаром:
То ли дело в мире

Жил он комиссаром
На своей квартире.

Знал бы все он сроки,
Был бы всех речистей,
Собирал оброки
Да дороги чистил.

А по вязкой грязи,
По осенней тряске
Ездил в каждом разе
В волостной коляске.

И приснился Пете
Страшный сон на свете.

* * *

Все доступно в мире, –
Петя комиссаром
На своей квартире
С толстым самоваром.

Чай пьет на террасе,
Ездит в тарантасе,
Лучше нет на свете
Жизни, чем у Пети.

Но всегда недаром
Служат комиссаром:
Нужно знать все сроки,
Чтоб сбирать оброки.

Чай, конечно, сладок,
А с вареньем – дважды,
Но блюсти порядок
Может, да не каждый.

Нужно знать законы,
Ну, а где же Пете?
Он еще иконы
Держит в волсовете.

А вокруг совета
В дождь и непогоду
С самого рассвета
Уймище народу.

Наш народ ведь голый,
Что ни день, то с требой, –
То построй им школу,
То давай им хлеба.

Кто им наморочил?
Кто им накудахтал?
Отчего-то очень
Стал им нужен трактор.

Ну, а где же Пете?
Он ведь пас скотину –
Понимал на свете
Только хворостину.

А народ суровый
В ропоте и гаме
Хуже, чем коровы,
Хуже и упрямей.

С эдаким товаром
Дрянь быть комиссаром.
Взяли раз Петрушу
За живот, за душу,

Бросили в коляску
Да как дали таску…
……
Тут проснулся Петя.

* * *

Сладко жить на свете!

Встал, а день что надо, –
Солнечный, звенящий,

Легкая прохлада
Овевает чащи.

Петя с кротким словом
Говорит коровам:
«Не хочу и даром
Быть я комиссаром».

А над ним береза,
Веткой утираясь,
Говорит сквозь слезы,
Тихо улыбаясь:

«Тяжело на свете
Быть для всех примером.
Будь ты лучше, Петя,
Раньше пионером».

Малышам в острастку,
В мокрый день осенний,
Написал ту сказку
Я – Сергей Есенин.

notes

Сноски

1

«Боже мой. Боже мой, для чего Ты меня оставил?» (древнеевр.) – в ангелии (Матф. 27. 46) – предсмертные слова распятого Христа.

2

«Липа» – подложный документ.